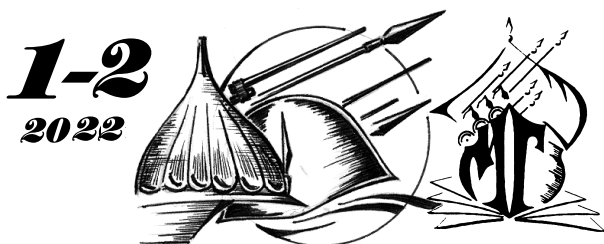

Россия, Русь! Храни себя, храни!

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

К 100-летию «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ»

Валентин СОРОКИН. Возвращение в молодость 3

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Галина ПЫРХ. Нашествие иноплемённых 12

**Светлана МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО. Вторичное одичание
в цифровом мире 63**

Александр СЕВАСТЬЯНОВ. Решающий фактор в истории мира 103

ПРОЗА

Андрей РАСТВОРЦЕВ. Без главного героя. Рассказ 25

Артём ПОПОВ. Два рассказа 34

Виталий ЛОЗОВИЧ. Волчья кровь. Рассказ 73

Николай ЗАЙЦЕВ. Старик и голуби. Рассказ 144

Владимир ВАСИЛИНЕНКО. На опоре. Рассказ 155

ПОЭЗИЯ

Георгий КОЛЬЦОВ. Сила родства. Стихи 53

Елизавета МАРТЫНОВА. Чувство Родины. Стихи 90

Виолетта БАША. Чтобы выжить, чтобы жить. Стихи 98

Василий КИЛЯКОВ. Всё живое. Стихи 162

Вадим ТЕРЁХИН. Слово и музыка. Стихи 167

Борис ОРЛОВ. Русский рубеж. Стихи 171

РУССКИЙ ВОПРОС

Валерий ГАБРУСЕНКО. **Нужна ли русским империя?** 175

УРОКИ ИСТОРИИ

Владимир БОЛЬШАКОВ. **Десант мировой закулисы** 180

СИМВОЛ ВЕРЫ

Мария ТОБОЛОВА. **Белый ангел Москвы** 193

РУССКИЙ МИР

Владимир БОЛЬШАКОВ. **О чём шумят «спасители России»?** 200

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

Валерий ГАБРУСЕНКО. **Настоящий русский губернатор** 210

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Лина МКРТЧЯН, Ирина УШАКОВА. **Мы живем в эпоху смерти реальности** 215

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

Александр ШВЕД. **Гибель СССР и молчание Крючкова** 242

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Александр УФАЕВ. **Прожекты, далёкие от жизни** 250

Прохор ВЯЗЕМСКИЙ. **Политика руссозамещения** 253

Алексей ОЩЕПКОВ, Евгений ХОВАНСКИЙ. **О феномене «стрелков»** 256

Владимир МАЛЁВАННЫЙ. **Сделка с дьяволом** 260

Вадим КУЛИНЧЕНКО. **Ползучая агрессия** 263

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. **Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение** 267

КРУГ ЧТЕНИЯ

Александр НЕСТРУГИН. **Живые глаза. О книге публицистики Ивана Щёлокова «Вечные странники»** 276

Нина ПОПОВА. **Герои духовного сопротивления. О книге Н.П. Васильевой «Крестьянские заступники»** 283

В мае 2022 года журналу «Молодая гвардия» исполняется 100 лет. На протяжении всего юбилейного года наш журнал будет публиковать материалы, посвященные этому событию

Валентин СОРОКИН,
поэт, лауреат Государственной премии России

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОЛОДОСТЬ

В августе 1967 года главный редактор журнала «Молодая гвардия» Анатолий Васильевич Никонов дал мне очерк Олега Попцова на восемьдесят пять страниц и сказал: «Отредактируешь... Тогда посмотрим — авось и возьмем тебя на работу...»

Очерк Олег Попцов посвятил путешествию по соцстранам маршала Конева, со своей армией прошедшего по Европе. Комсомольские вожаки любили туризм: бесплатно плохо ли ездить? В Москве их катали персональные «Волги» ЦК ВЛКСМ, а за рубежами СССР — пестовали коллеги и соратники по борьбе за коммунизм...

Жил я тогда в полуподвальной квартирке в Домодедово, с женой и сынишкой, уехав из Саратова, где заведовал отделом поэзии в новом журнале «Волга». Но моя «Волга», журнал, и черная «Волга», цековская, — были очень разными... Потому очерк Олега Попцова я редактировал с пролетарским рвением и авторской оттренированной деспотичностью.

Через несколько дней я показал Анатолию Васильевичу восемнадцать страниц — весь гениальный очерк комсомольского деятеля, Олега Максимовича Попцова.

К 100-летию «МГ»

— Только восемнадцать?..

— Только восемнадцать, остальное — никуда не годится...

Никонов тяжело вздохнул:

— Молчи. Я почитаю...

С часок погуляв около издательства, я вернулся:

— Не понравилась работа?..

— Понравилась... Понравилась... И ты выходи в понедельник сам на работу к нам...

В редакции, когда я познакомился с кабинетами, веяло еще разгромным огнем: перед моим зачислением там разгромили Виктора Чалмаева, знаменитого критика, зама Анатолий Васильевича Никонова. Громили его тремя фронтами: фронт — из ЦК КПСС, фронт — из ЦК ВЛКСМ и маленький фронт — изнутри партийных нор печатно-полиграфического треста... Наемные предатели всегда найдутся, а лакеев на Руси не занимать. И вот за честные, бесстрашные статьи, посвященные русской беде, русскому истерзанному народу, на Чалмаева завели «дело» и нашли массу «неправильностей» в его жизни — от партвзносов, бытовых улик, идейных шатаний до уклонов к церквам и соборам, за что в Политбюро ЦК КПСС Михаил Андреевич Суслов приказал поменять всю редакцию журнала «Молодая гвардия»...

Но Анатолий Васильевич Никонов уцелел. И снова сформировал боевую группу сотрудников. Виктор Петелин повел редакцию критики, основную программу национальной нашей стратегии в журнале стал определять, безусловно, он, Петелин, образованнейший и беззаветно преданный России человек. Энергичный и независимый, он усилил авторитет журнала.

Статьи и очерки Петра Палиевского, Вячеслава Шошина, Сергея Семанова, Валерия Ганичева, Владимира Чивилихина, Юрия Сбитнева, Николая Скатова, Анатолия Ланщикова, Николая Яковлева, Олега Михайлова, Виктора Кочеткова, Григория Коновалова, Святослава Котенко, Виктора Чалмаева, Альберта Богданова, Михаила Лобанова, Владимира Семенова и многих других критиков, публицистов и писателей ставили самые главные вопросы: куда идет страна, почему скудеет земля, кто разоряет народ, чем закончатся лживые обещания и компромиссы?

И «Литературная газета» не успевала обвинять нас, спешила измазать воплями — «антисоветчики», «шовинисты», «пора их исключать из партии» и т.д. По пять и по шесть реплик и откликов давала в номер, лишь бы оклеветать и опорочить нашу русскую правду, урезонить и вышвырнуть из дискуссионной столичной Москвы нашу русскую верность и негибаемость.

Время от времени с цепи в коридорах ЦК КПСС срывался Александр Николаевич Яковлев, будущий политбюровец, и набрасывался на наш бесстрашный журнал, плывущий, как пылающий «Варяг», навстречу гибели. Срывался нервными и длинными выступлениями против нас, выдергивал на ковер, минуя ЦК ВЛКСМ, главного редактора Анатолия Никонова, патриота и умницу, страдальца русского, талантливого руководителя. Мы узнавали заранее о предстоящей нахлобучке или комиссии, принимали посильные противомеры и готовили опровержения. Нас поддерживали в республиках СССР.

Я часто сигнализировал на листке бумаги, на обороте книжной обложки, а если удавалось — лично объяснял Евгению Михайловичу Тяжельникову о трудностях в коллективе, о пожаре, пылающем вокруг «Молодой гвардии», зажженном чарковскими и севруками, евтушенками и полевыми, яковлевыми и сусловыми, всей просионистской мафией тех лет и нынешних: пусть знают потомки о них, о делах их антирусских, об академике Николаеве, ненавистью истекавшем к русским...

Тяжельников, когда мог, прикрывал нас, не отдавал на разбой в ЦК КПСС Александру Яковлеву, и ему, Евгению Михайловичу Тяжельникову, первому секретарю ЦК ВЛКСМ, попадало от Политбюро, от евнуха марксизма и ленинизма Суслова. Тяжельников несколько раз помог удержаться на директорском посту издательства «Молодая гвардия» Ганичеву Валерию Николаевичу, я знаю точно. Помог и Петелину. И не однажды спасал Никонова.

Андрей Дементьев заезжал к нам в журнал на чёрной лаковой «Волге», инструктор ЦК ВЛКСМ, позже — заведующий идеологическим отделом, песенный поэт из Твери, нюхал, клялся в русскости, подсиживал Никонова, извивался, как склизкий уж на вилах, и лез в главные редакторы журнала, но мы не пустили будущего израильского баловня в русский журнал.

Олег Попцов редактировал тогда «Сельскую молодежь», и его журнал широко шагал по СССР, острый, умный и ожидаемый труженниками села. Но позднее — Олег Максимович призывал с телебашни расстреливать, крушить и закапывать в землю красно-коричневых, коммунистов, то есть — безвинных русских людей, доведенных председательством Горбачева и Ельцина до крайней степени обеднения и возмущения. Позднее — Олег Попцов примкнул к предателю А.Яковлеву.

Если цензура выдирает из отдела критики патриотический материал — я давал подобный материал по отделу очерка

и публицистики. А потом я вел отдел поэзии, и мы с Петелиным обговаривали ситуацию: снимают у него материал о русской жизни — я на эту тему ставлю стихи по своему отделу. Петелин весело меня подбадривал: «Молодец!..»

Виктор Васильевич Петелин был опорой для нас, более молодых и менее опытных в литературных баталиях тех лет. Петелин никогда не лез на трибуны пленумов и съездов СП России и СП СССР. Честный, открытый, красивый и мудрый человек, Виктор Петелин ни перед кем не трепетал и не юлил.

И обрушился на нас в «Новом мире» (№4 за 1969 г.) А.Г. Дементьев, тезка комсомольскому Дементьеву, членкор, босс политический, не выдержал, лакей академический, цивилизованный гой (в статье «О традициях и народности»). Обрушился на русских писателей: противно ему было читать о любви и верности к отчей земле, к русской стати и державной нашей истории, заляпанной сионистскими жуликами еще с дореволюционных пор, а в годы строительства советского интернационального счастья — оболганной картавыми говорунами, грядущими гайдаровцами, конструкторами 500-дневного расцвета рыночной экономики, взрывниками СССР..

Дементьев обвинил наш журнал в политическом преступлении, в русофильстве и славянофильстве, в отступлении от партийных норм, в патриархальщине и почвенничестве. Обвинил более сорока русских поэтов: Ивана Лысцова, Бориса Примерова, Владимира Фирсова, Феликса Чуева, Геннадия Серебрякова, Ивана Савельева, Валентина Сидорова, Бориса Куликова, Василия Федорова, Владимира Цыбина, Александра Романова, Ольгу Фокину, Сергея Викулова, Виктора Коротаяева, Олега Алексеева, Владимира Машковцева, Алексея Маркова, Николая Благова, Федора Сухова, Юрия Андрианова, Вадима Кузнецова, Владимира Котова, Михаила Беляева, Евгения Антошкина, Виктора Бокова... Да разве сосчитать его гнусных обвинений в статьях и устных выступлениях?!

Меня он распек за пейзажные стихи, за поэму «Оранжевый журавлёнок». Распек за статью о сборнике стихов Михаила Беляева, за мои похвалы автору — *«гражданственность и долг перед жизнью поэт видит в любви к земле»*, за статью о творчестве Феликса Чуева.

Пытался Тяжельников пособить и мне, когда меня топтали в Комитете партийного контроля, тряся за «идейные и прочие нарушения» на должности главного редактора издательства «Современник». Они, севруки и яковлевы, дементьевы

и черниченки, коротичи и станкевичи, гайдары и чубайсы, николаевы и бурбулисы, и сегодня ползут по русскому следу, ползут, взвинченные и охмелённые ярой ненавистью к русской осияненной Богом судьбе...

1967 год. Заседание «Русского клуба», посвященное обережению памятников культуры, ведет Дмитрий Жуков. В зале — Борис Леонов, Владимир Чивилихин, Олег Волков, Владимир Солоухин, Олег Михайлов, Сергей Семанов, Станислав Котенко, Александр Байгушев, Сергей Викулов. А ещё — историки, художники, реставраторы, архивисты. Аспиранты и академики, священники и артисты. Видя их, известных, серьезно настроенных слушать, читаю стихи: *«Не смогу разлюбить, хоть убей, Потому что родился не черствым, Эту синюю сонность степей, Эти звёзды, берёзы и вёрсты...»*

Бурные отклики наэлектризованного зала. Объятия незамкомых прежде людей. Одобренный и окрыленный их вниманием, сижу на Павелецком вокзале за ресторанным столиком и внимательно слушаю Бориса Леонова: «Валентин, слишком широко распахиваешься, будь построже. Москва тебе — не твоя деревня Ивашла и не твой мартен челябинский. Один тебя похвалит, другой даже заплачет над твоей строкою, а третий тебя продаст вместе с твоими стихами!...»

Позже в «Воениздате» с предисловием Бориса Андреевича Леонова вышла в свет моя книга «Озёрная сторона» — стихи и поэмы.

Затем цикл моих стихов опубликовала газета «Правда».

Сижу в «Молодой гвардии», погруженный в рукопись, — рабочая дисциплина была строгая. Вдруг раздаётся телефонный звонок. Беру трубку.

— Кто у телефона? Сорокин?

— Сорокин.

Голос красивый, властности нет, но дисциплинированный, сразу настраивающий на серьезный лад.

— Валентин?

— Да.

— Это Жуков Георгий говорит.

Внутренне я онемел! Сам маршал Победы мне звонит!

— Сколько вам лет?

Я ответил.

— Ну, какой ты ещё молодой!

Меня это тронуло — на «ты» со мной говорит. Как с товарищем.

Жуков продолжает:

— Я прочитал твои стихи, мне они очень понравились. Приглашаю тебя в гости. Приезжай к нам! Я на даче, — и он сказал мне адрес.

Как я был взволнован! Пообещал, что приеду. А после — засмутился!.. Для меня маршал Жуков — на недосыгаемой высоте. До сих пор жалею, что не поехал тогда к нему.

Уже в то время я думал над поэмой «Бессмертный маршал». Но поэма — одна не пишется. Всегда вокруг главного замысла появляются стихи, наброски, размышления.

Мой отец, уральский лесник, воевал на Волховском фронте в разведке. Когда Жуков прибыл на Ленинградский фронт, папа сопровождал его и свиту. Жуков шел через поле, земля была тронута первыми заморозками. И отец заметил — Жуков собранный, с мощной волей, след каблуков его сапог чётко впечатывается в землю.

Отец вернулся с войны инвалидом, весь израненный. Портрет маршала Жукова висел у него над койкой. И перед смертью он мне Жукова «завещал». «Папа, почему?» — «Я с ним войну прошел».

Поэма, как правило, посвящается сильной личности, герой поэмы — человек, необходимый народу, времени. Так или иначе, автор должен решать вопросы, которые ставит время. Так думал я, размышляя над «Бессмертным маршалом». И, конечно, работа в «Молодой гвардии», наши национальные заботы выводили к главным вопросам жизни — к социальному излому, который уже тогда начал обозначаться.

Эрнст и Валентин Сафоновы, братья, а с ними Николай Рубцов, Коля Рубцов, как в Литературном институте его все ласково называли, и я. Рязань, Вологда и Челябинск, Серединная Россия, Северная Россия и Уральская Россия. Наша страдальческая Россия растила нас, берегла нас, учила нас!

До окончательного оседания в Домодедово и в Москве, после Высших литературных курсов, я уехал в Саратов и вел поэтическую редакцию нового журнала «Волга». Естественно, стихи Николая Рубцова появились на страницах журнала. Появилась, со временем, и рецензия в журнале «Молодая гвардия» на его книгу «Звезда полей»...

«Бессмертное величие Кремля / Невыразимо смертными словами! / В твоей судьбе — о, русская земля, — / В твоей глуши с лесами и холмами, / Где смутной грустью веет старина, / Где было всё: смиренность и гордыня, — / Навек слышна, навек озарена, / Утверждена московская твердыня!»

Эти стихи Николая Рубцова были напечатаны в журнале «Молодая гвардия» (1969, №1), где я заведовал отделом по-

---

эзии. Сейчас иные молодые стихотворцы «шарахаются» от гражданственности, от нисходящей публицистичности, полагая, что отстраняясь от нее, спасешься от слабостей и прощето в творчестве... Смешно. Поэт выигрывает и побеждает — лицом ко времени, к его дерзостям и заботам. Другого пути, над которым вспыхивает и золотеет свет судьбы, нет для поэта и быть не может. Ныне развелось «травяных», «грибных», «дождевых», «лопуховых» поэтов больше, чем было недавно «военных», «интеллектуальных», «крестьянских», «рабочих», «партийных» и пр.

Получив как-то от Рубцова бандероль, я обнаружил чужие стихи. Но объяснила его записка: «Валь, напечатай пару штук, она добрая баба!» Именно она поспособствовала ему умереть...

Помню, перед отъездом в Вологду он заглянул ко мне в «Молодую гвардию». Туда-сюда — пора и прощаться. Обнялись. Сухой, жилистый, он настолько показался мне «невероятным», что я осторожно спросил:

— Здоровье ничего?

— Ничего. Устал я. Обещают квартиру. Женюсь.

— Ты такой легкий, Коля, как лист.

— А я лист и есть... Ты хороший друг, Валя. Ты, как Егор Исаев, никогда обратно не принимаешь от меня долги!..

Мы засмеялись. Какие долги? Несчастные рубли. Рубцов ушел. Осень. На тротуарах стаями шевелились и двигались тополиные листья. Чуть влажные, они серебрились и, подхваченные набегавшим ветром, кружились, уносились, мелькали, словно гонимые души...

Известный деятель, 1-й заместитель заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС А.Н. Яковлев, идеолог, руководитель вдохновений, буквально растирал нас подошвами своей безжалостной марксистской обуви. Журнал «Молодая гвардия» подвергался с его стороны таким Батыевым набегам, что головы наши качались.

За каждым из нас, кто провел несколько лет в редакции «Молодой гвардии», устанавливалась негласная «биография» — шовинист, русофил. И — конец карьере, конец — покою, конец — призванию.

Когда я перешел в издательство «Современник», яковлевские нукеры раздували слух: молодогвардейщина в «Современнике»! Слова «русский», «Россия», подсчитывали по страницам книг в больших парткабинетах большие партаппаратчики, такие матерые, как В.Н. Севрук, А.А. Беляев, М.В. Зимянин. Подсчитывали и выдавали нам, производственникам, олухам слабомарксистским, наотмашь.

Яковлевский марксизм тех времен — китайское дацзыбао: везде обязательно должно сильно веять коммунизмом. Ни молитвы, ни храма, ни кладбища, ни креста — яковлевский гололобый марксизм, и точка! А мы сборником стихотворений Николая Рубцова занялись, неграмотные русские слепцы, тупые русофилы...

Готовить сборник Николая Рубцова всячески мешали мне и молодым сотрудникам «Современника» страстные любители марксизма. Был у нас в издательстве такой деятель — он ценил Асеева, Грибачева и особенно — свои стихи. Ценил в стихах марксизм. Трезвел около него. Хлебал его. Умывался им.

Но первая посмертная книга Николая Рубцова «Последний пароход» со вступительной статьёй Сергея Викулова вышла в «Современнике» в 1973 году.

Вокруг «Молодой гвардии» кипела многонациональная литература: писатели республик, краёв, областей считали журнал родным — братским, устремлённым служить великой державе. Расул Гамзатов, Муса Гали, Юван Шесталов, Василий Ледков, Владимир Санги — их имена звенели со страниц знаменитого журнала.

Виктор Петелин вёл отдел критики. Его приход стал притоком наступательного права сказать о том, что замалчивалось, что было приглушено на радио и на экране, о чём робели даже прошептать районные, областные и столичные вожаки партии и культурного мира...

Вот лишь краткий перечень авторов тех лет (конец 60-х, начало 70-х): Виктор Чалмаев, Сергей Семанов, Михаил Лобанов, Альберт Богданов, Олег Михайлов, Владимир Солоухин, Олег Волков, Сергей Воронин, Эдуард Скобелев, Иван Ефремов, Константин Воробьев, Михаил Алексеев, Александр Байгушев, Василий Федоров, Геннадий Серебряков, Феликс Чуев, Николай Рубцов... Журнал двигался к миллионному тиражу!

Литераторы республик России и СССР уже тогда считали «Молодую гвардию» своим журналом, говорившим смело о русской национальной боли, о боли наших народов братских. Говорил журнал и о стяжателях, о торговцах словом и совестью. Говорил о тех, кто и тогда уже активно и подло мешал нашему государству жить и работать спокойно, а сегодня они, те самые, уже громко предают Россию, кресты и обелиски наших дедов и прадедов предают.

Евгению Тяжельникову пришлось уступить давлению цензоров яковлевского клана: А.В. Никонова перевели из главных редакторов «Молодой гвардии», журнала, самого отваж-

---

ного и самого русского, в журнал «Вокруг света», тоже главным редактором, а на «Молодую гвардию» Тяжельникову удалось утвердить Анатолия Степановича Иванова.

При Иванове журнал еще острее и беспощаднее заявил о русском народе, о его праве на русскую жизнь и судьбу. Теперь иные, вчерашние члены ЦК ВЛКСМ, бессовестно хвастаются: мол, мы понимали русскую трагедию, мы сражались... Да, сражались, буфетные пудели, донося на нас...

Анатолия Васильевича Никонова и Анатолия Степановича Иванова давно уже нет с нами. Они — в звездных святых далях... Будем верны порывам своей молодости и ее идеалу великому, за нами — Россия!.. А мы — ее седые защитники и певцы. Наш голос — ее голос. Ее горе — наша истина.

Журналу «Молодая гвардия» в этом году исполняется сто лет. Более пятидесяти из них моя судьба и мое творчество связаны с этим изданием. Ныне, как и во времена Анатолия Васильевича Никонова и Анатолия Степановича Иванова, журнал «Молодая гвардия» опирается на заботы и тревоги народа, государства. Творчество национально-ответственных поэтов, прозаиков, критиков, публицистов украшает судьбу нашего народа, облегчает его участь в непростые времена. Забота у журнала на протяжении многих и многих десятилетий — одна и та же. Хочется, чтобы грузы психологические, которыми отягощена наша жизнь, отпали от народной души. Чтобы пришло больше радости в наши дома, в сёла и города, в редакции журналов, болеющих за народ, таких, как журнал «Молодая гвардия». Чтобы современная наша жизнь стала благородней, чтобы она была наделена большими надеждами, радостями и успехами.

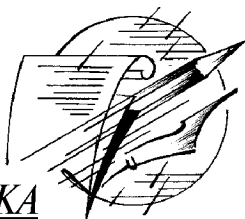
Галина ПЫРХ,
член Союза журналистов России,
директор Межрегионального правозащитного
центра «Соотечественник», г. Новосибирск

НАШЕСТВИЕ ИНОПЛЕМЁННЫХ

Миграция как явление существовала всегда. В том числе трудовая миграция. Во все времена в поисках работы люди уходили в другие города, в другие земли и страны, осваивались там, оседали, пускали корни... Но только с XX века эти процессы стали управляемыми, подчиненными целям и задачам глобальной политики. Начало этому положила массовая миграция евреев в Палестину для создания государства Израиль. В конце прошлого столетия т.н. арабская весна, ставшая толчком для исхода жителей ближневосточных стран в Европу, навсегда изменила складывавшуюся веками этническую карту ее государств.

Что же касается трудовой миграции, то лишь сравнительно недавно власти перестали рассматривать коренное население своих государств как приоритетный источник рабочей силы. И лишь последние несколько десятилетий ее процент закладывается в экономические планы правительств.

При всем сходстве проблем, которые создает нынешняя управляемая миграция, в каждой стране у нее есть какие-то свои особенности, зависящие от на-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ционального менталитета и миграционной политики государства. Рассмотрим самые важные проблемы из тех, что существуют в России.

Экономические реалии политики добрососедства. Особенностями нашей ситуации является то, что трудовыми мигрантами в России (в отличие от стран Запада) в основном являются бывшие жители республик Советского Союза или их потомки. То есть это совсем не то, что происходит, к примеру, в Германии или во Франции, где прибывшие смуглолицые «варвары» не связаны никакими — ни культурными, ни религиозными, ни исторически-соседскими узами с новой родиной. Им изначально чужды ценности коренного народа, непонятен их менталитет, поэтому все попытки цивилизованных европейцев «окультурить» выходцев из арабских стран наталкиваются на достаточно агрессивное сопротивление. У «новых европейцев» есть свои традиции, свой многовековой культурный опыт, и ассимилировать их в безликую мультикультурную массу пока получается с трудом.

Другое дело — наши современные «гунны», предки которых, как бы ни хотелось им сегодня считать себя вечно независимыми ни от кого, несколько веков входили в состав населения Российской империи, позже — Советского Союза, то есть они имели и имеют с нами давние связи, как культурные, так и чисто человеческие. И даже — что немаловажно — их отцы и деды плечом к плечу воевали вместе с русскими в годы Великой Отечественной войны. И память об этом, как бы то ни было, хранят не только в России, но и в прежних советских республиках.

Для того чтобы толпы ныне суверенных узбеков, таджиков и киргизов покинули родные места и двинулись в новый поход на Русские земли, в их государствах должна была предварительно сложиться соответствующая экономическая ситуация. Попросту — люди должны были потерять возможность заработать дома на кусок хлеба и обнищать.

Правда, в том же Узбекистане положение сейчас меняется к лучшему: с приходом к власти нового президента там становятся востребованными рабочие руки, людей зовут обратно. Узбекистан постепенно поднимает свою экономику. Что, впрочем, не мешает нашему правительству сегодня создавать «пилотную программу» по завозу из этой страны трудовых мигрантов на российские стройки. Это, кстати, наводит на определённые мысли.

Уже не первый раз чиновники соответствующих ведомств расшаркиваются перед солнечным Узбекистаном, заранее оговаривая различные преференции для его граждан. Так как

ничего в этом мире просто так не делается, значит, существует какая-то межправительственная договоренность, политическая целесообразность подобных реверансов.

Узбекистан занимает в центральноазиатском регионе довольно важное место, а доходы мигрантов, которые они отправляют в свою республику, — весомый приварок к национальному бюджету. Может, в том числе и в обмен на это мы имеем возможность успешно «дружить домами» с ним и сдерживать аппетиты наших заокеанских партнеров в плане размещения своих военных баз на узбекской земле?..

Впрочем, Узбекистан из признанной тройки лидеров трудовой миграции — самый благополучный. Чего не скажешь о двух оставшихся — Таджикистане и Киргизии. Именно нищета в этих государствах в первую очередь толкает их жителей на поиски лучшей доли на чужбине.

Но не стоит думать, что наши «среднеазиатские братья» едут в Россию без ведома своих правительств, исключительно по собственной инициативе. Ничего подобного! Как уже было сказано выше, доля трудовой миграции закладывается в экономические планы всех заинтересованных в том государствах. Это взаимовыгодная политика. Причем даты заключения *международных договоров*, которые регулируют этот процесс, — 1993, 1994, 2014 гг.

Самым последним по времени стало принятие Федерального закона от 27.12.2019 г. № 466-ФЗ «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан об организованном наборе граждан Республики Таджикистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации».

При этом Таджикистан — не член ЕАЭС. Что же касается трудовой деятельности граждан государств-членов Евразийского экономического союза (Республик Беларуси, Казахстана, Армении и Кыргызской Республики), то она уже седьмой год регламентируется положениями статьи 97 Договора о Евразийском экономическом союзе, подписанном 29 мая 2014 года в городе Астане (Казахстан).

Кроме того, с Киргизией у нас действует *«Соглашение между правительствами России и Киргизии об организованном наборе граждан Киргизии для временной трудовой деятельности в России»*, датированное ноябрем 2014 года.

За мир на наших границах, за возможность отстаивать интересы России в споре с другими странами, претендующими на территорию Центральной Азии, надо платить. Бывшие советские республики, ныне — суверенные государ-

---

ства — вправе вести свою политику, которая может быть нам и невыгодна. А экономический стимул — вещь гораздо более надежная, чем все разговоры «за жизнь» в духе добрососедства.

Так что хочется нам того или нет, но среднеазиатские «трудяги» сегодня — уже неотъемлемая часть российского пейзажа.

Впрочем, центральноазиатскими странами поток мигрантов в Россию вовсе не ограничивается. Есть еще Молдавия, Грузия, Азербайджан... Есть, в конце концов, русскоязычные Украина и Донбасс. И вот тут мы переходим ко второй острой проблеме — *этнической*.

«Моя твоя понимать не хочет...». Во время всплеска националистических настроений в бывших союзных республиках в конце 80-х и в 90-х годах прошлого века в них произошло резкое снижение числа русских и русскоязычных жителей. Люди массово бежали из ставших внезапно враждебными городов и сёл, бросая квартиры, всё имущество, стремясь побыстрее вернуться на историческую родину. Не все, конечно, но большинство.

В итоге, когда страсти понемногу улеглись, когда оказалось, что национализм — это такая обоюдоострая вещь, и принцип *«Узбекистан (Таджикистан, Киргизия и далее по списку) для узбеков (таджиков, киргизов и пр.)»* еще не означает национального процветания, свободные и независимые жители были вынуждены вспомнить о своем Большом брате.

Но тут выяснилась такая неприятная вещь: чтобы жить и работать в России (как и в любой другой *чужой* стране), желательно знать государственный язык. А на родине учителя русского языка оказались в большом дефиците. В те времена, когда народы, освободившиеся от «ига коммунизма», брали суверенитета, сколько могли проглотить, об этом как-то не задумывались. Но пришло время, и, как признаются сами мигранты, теперь приходится нанимать учителя всем аулом, чтобы научить молодежь разговаривать хотя бы на уровне «моя твоя понимай». Ведь сегодня при получении любого статуса в России надо сдавать экзамен на знание русского языка. И если для оформления патента достаточно иметь хотя бы минимальный словарный запас, то чем выше статус, тем запас должен быть более обширным. *Необходимость этого диктуется самой жизнью.*

В отделениях УВМ нередки такие сцены, когда человек «нерусской национальности», мучительно подбирая слова, тщетно пытается объяснить сотруднице какую-то свою проблему. Да и не только в УВМ — в магазине, в поликлинике, в школе...

Иностранец, не знающий языка страны своего пребывания, заведомо исключен из ее социума. Это вынуждает его вести закрытый образ жизни, общаясь, в основном, лишь со своими соплеменниками. У него не может быть простых дружеских, межличностных связей с местным населением, которые и создали когда-то такую уникальную общность как советский народ. Заключение смешанных браков с русскими женщинами тоже еще не гарантия того, что гражданин Таджикистана, Киргизии или любой другой страны приобрел к русской культуре и факты или герои русской истории вызывают его искреннее уважение.

Впрочем, даже при сносном владении русским языком пробелы современного национального образования и его подспудная русофобия ведут к тому, что приезжие начинают так же презрительно относиться к культурным ценностям нашей страны, как это делают арабские и африканские мигранты в неизвестной и чуждой им по духу Европе.

За примерами далеко ходить не надо: только за последнее время у всех на слуху были скандалы с гражданином Белоруссии, выходцем из Азербайджана, тальшом по национальности, стендап-комиком Идраком Мирзализаде, оскорбившим своими шутками государствообразующий народ страны своего пребывания, и отвратительная «фотосессия» представителя Таджикистана, блогера Руслана Бобиева на фоне великой православной святыни — храма Василия Блаженного.

Вот здесь и кроется одна из причин возросшей ксенофобии русских, неприязни и неприятия мигрантов на бытовом уровне — хотя наш народ, что отмечается всеми, исторически довольно терпимо относился к иноязычным.

В Советском Союзе все дети учились по одним и тем же учебникам, и о том, что такое Куликовская битва и подвиг панфиловцев, знали одинаково что в Москве, что в Фергане или в Душанбе. Взаимное уважение и взаимопроникновение культур народов СССР достигалось и пропагандой национальных культурных ценностей: например, рассказы о Ходже Насреддине, герое фольклора мусульманской Средней Азии и Кавказа, были довольно популярны у русскоязычных жителей страны с самого детства. А музыка армян Арама Хачатуряна и Арно Бабаджаняна с ее национальным колоритом входит в золотой фонд нашей общей музыкальной культуры.

Я уже не говорю о звездах эстрады тех лет — Шовкет Алекперовой, Муслиме Магомаеве, Рашиде Бейбутове, Поладе Бюль-Бюль Оглы, Наталье Нурмухамедовой, Азизе Муха-

---

медовой и ансамбле «Ялла» (Узбекистан), Розе Рымбаевой (Казахстан), Тамаре Гвердцители, Нани Брегвадзе, Вахтанге Кикабидзе, ВИА «Орэра» и «Иверия», ВИА «Наристе» и ее солисте Шамшыбеке Утебаеве (Киргизия).

Можно вспомнить и фильмы, снятые на национальных киностудиях, и их актеров, которыми восхищалась и которых обожала вся страна, но это займет много места. Да и дело-то вовсе не в конкретных фамилиях. А в том, что в истории нашей страны — я имею в виду именно Россию (до 1991 года — РСФСР) — был период, когда наличие в городах и даже сёлах большого числа людей со смуглым оттенком кожи, отличными от наших разрезом глаз и формой носа не вызывало такого отторжения. Приезд в Москву из Бишкека или Алматы на работу или учебу не рассматривался как нашествие иноплеменных. И причина такого лояльного отношения заключалась не только в том, что это была так называемая внутренняя миграция — из одного региона большой страны в другой. А в том, что *миграция* — в том числе и трудовая — *была качественной*. И в этом — третья проблема нынешней ситуации, тесно связанная с предыдущей.

«Образование — российские стройки». Что такое качественная миграция? Это наличие у приезжего иностранца минимум диплома о среднем специальном образовании. Такое требование сегодня предъявляется к тем, кто хочет стать участником Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Поэтому основная масса трудовых мигрантов — что из стран Центральной Азии, что из Молдавии да и Украины, — предпочитает не связываться с ней, а оформлять трудовой патент, невзирая на различные льготы участнику программы и преимущества при получении им разрешения на временное проживание (РВП), вида на жительство (ВНЖ) и российского гражданства.

А всё потому, что нет у них никакого образования, причем зачастую даже законченного среднего школьного. И свои профессиональные навыки трудовые мигранты нередко получают уже в процессе работы. Строя нам дома, приезжие частенько впервые берут в руки строительный инструмент. В связи с этим, скажем откровенно, о каком-то качестве их работы говорить не приходится.

Приведу несколько фактов такого строительства в Новосибирске.

В одном из новых микрорайонов на окраине города электрические розетки в многоэтажных домах закреплены...

монтажной пеной. Об этом мне сообщила живущая там многолетняя мать, после того как ее дети, оставшись одни, чуть не устроили пожар, включив одновременно телевизор, электрическую печь и чайник. Розетка разогрелась, и пена вспыхнула.

О других примерах мне поведал член бригады трудовых мигрантов, выходец с Украины. При строительстве одной из школ стыки панелей также задувались монтажной пеной — любимым «изоляционным материалом» иностранных «мастеров». Ею же нередко строители-мигранты задувают и отверстия в стенах при установке канализации, прикрывая сверху плиткой. А мы потом удивляемся превосходной слышимости в соседних санузлах...

Про покраску стен, укладку полов и установку окон в новых домах я уже говорить не буду, чтобы окончательно не шокировать читателей. Сколько простоят эти результаты рукоделия среднеазиатских «народных умельцев» — неизвестно.

Жильё в домах, построенных 70—90 лет тому назад, у нас сейчас пользуется гораздо большим спросом, нежели новое — всё по указанной причине. Тогда строили свои мастера — без кавычек, на века, для себя. Сейчас строят иностранные работники, приехавшие в чужую страну просто заработать деньги. Они трудятся по принципу: «Могу копать — могу не копать... Могу работать на стройке — могу дворником, или грузчиком, или уборщиком, или укладчиком тротуарной плитки...» — с соответствующим качеством любой работы, где требуется умение и профессионализм.

Без образования, без особого интеллекта, без желания поближе изучить страну, в которой ему приходится жить, ее культуру средний трудовой мигрант из указанных выше республик — я подчеркиваю это особо — живет среди российских граждан в своём, замкнутом мире, среди таких же, как он, плохо понимающих русский язык и российские законы, чуждый нашим ценностям и традициям в той же степени, как нам чужды его.

Мы сами не заметили, что стали относиться к иностранным гражданам (или, по-другому, мигрантам) свысока, как к париям. Они для многих из нас — отверженные, «недолюди», чему, кстати, в немалой степени способствует наше социальное и трудовое законодательство, ориентированное почти исключительно на граждан страны.

Да, всё лучшее — своим, это понятно. Иностранцы пока не заслужили те блага, которыми мы пользуемся, даже не задумываясь об этом. Поэтому, к примеру, если трудовой мигрант, пока еще не имеющий разрешения на временное про-

---

живание, заболел, он не пойдёт в поликлинику, поскольку, элементарно, не имеет на это права. До получения РВП он не может оформить полис ОМС. А на платные услуги по полису добровольного медицинского страхования у него, как правило, денег нет. Требование страховать иностранных работников работодателями привело лишь к тому, что их просто стали брать на работу без заключения трудовых договоров.

В случае получения производственной травмы — что не редкость на стройках — никаких шансов на выплату ему положенной компенсации нет. «Тебя здесь не стояло», — говорят ему, и тема оказывается закрытой, а травмированный работник идёт на все четыре стороны. Дальнейшая его судьба зависит от того, сможет ли он вернуться домой или прожить до выздоровления за счет своих родственников либо земляков. Если нет, то... Каждый решает этот вопрос по-своему.

Да, теоретически, у иностранного гражданина есть, помимо многочисленных обязанностей, и какие-то права. Но кто ему, с трудом изъясняющемуся по-русски, объяснит, на что он имеет, а на что не имеет права?

Конечно, мигранты организуют общины, делятся опытом жизни в России и даже организуют «общак» — помогают своим в трудной ситуации. Но это, опять же, происходит вне российского социума, в их тесном, локализованном кругу. Они чувствуют такое же недоверие и подозрительность к нам, как и мы — к ним. Мы существуем с ними, как в коммунальной квартире со стеклянной перегородкой — ее вроде не видно, но она есть, и звуки из одной «комнаты» почти не слышны в другой. И эту стену с каждым годом разрушить всё труднее. (О школьном образовании детей мигрантов, которое, теоретически, должно нас объединять, поговорим отдельно.)

Возвращаясь к проблеме *качественной миграции*, нужно добавить, что, безусловно, существуют и бригады тех, кто уже наработал определенный опыт, кто может профессионально строить, профессионально делать ремонт. Но такие, как правило, уже давно живут в России и сумели оформить хотя бы РВП, а некоторые — получить вид на жительство и даже российское гражданство. Немало иностранцев, адаптировавшихся в нашей стране и обустроивших свою жизнь. Но на общем миграционном фоне таких не так уж и много, в основном, как заявила во время своей пресс-конференции начальник ГУ МВД России по вопросам миграции Валентина Казакова, это жители Украины и Донбасса, приезжающие не просто заработать денег в России, а обосноваться здесь навсегда.

Вот поэтому наше правительство и пытается организовать ту самую *качественную миграцию*, заключая договоры на приезд партий более-менее квалифицированных работников. Вот поэтому оно пытается обучить мигрантов, отправляя их на курсы, к примеру, водителей троллейбусов. Но заменить орды неграмотных иностранных «спецов» их земляками с дипломами об образовании просто нереально — профессионалы востребованы везде, и в первую очередь — на своей родине.

К тому же, как поведала на упомянутой пресс-конференции В.Л. Казакова, для настоящих специалистов требуются и достойные условия жизни. У обычных трудовых мигрантов их нет и быть не может.

Таким образом, из всё той же проблемы *качественной миграции* вытекает еще одна — *создание для мигрантов приемлемых социально-бытовых условий*.

По идее, они должны иметь возможность жить не в «безразмерных» квартирах по 20—30 человек, а в специально построенных для них общежитиях, то есть компактно. Или, как в той же Европе, — в лагерях для мигрантов. Ведь проще уследить за ними, когда они в одном месте, чем отслеживать их по разным съемным квартирам. Логично? Да. Но в ответ на это представители наших компетентных органов тут же говорят решительное и однозначное «нет!» И у них для этого есть свои резоны, которые я комментировать не буду. Причем это касается не только граждан Таджикистана или Киргизии, но и не менее солнечного Кавказа, а также Украины.

Но ведь трудовые мигранты — это, как правило, нормальные, здоровые люди детородного возраста, которые хотят жить по-человечески, со своими семьями.

И вот тут пришло время коснуться еще одной важнейшей проблемы, в полный рост встающей не перед иностранными гражданами, а перед коренными жителями России, — *демографической*.

Сокращая там, увеличиваем здесь. В обывательском сознании мигрант — это одинокий мужчина трудоспособного возраста, который только и делает, что где-то работает. На самом деле, это не совсем так. Конечно, одиноких среди них достаточно. Но, как бы то ни было, если у иностранца, работающего в России, на родине есть жена и дети, он по ним скучает и при первой же возможности — даже имея всего лишь патент, — вызывает их к себе. Ведь при наличии более-менее оплачиваемой работы жизнь на съемной квартире здесь не идет ни в какое сравнение с безработной жизнью дома. Тем более что имеется один малоизвестный широкой публике нюанс.

Возможно, кто-то еще помнит о том, что одной из особенностей внутренней политики в «святыне» 90-е годы была массированная пропаганда сокращения рождаемости в нашей стране. По радио и на телевидении постоянно рекламировались противозачаточные препараты, расписывались ужасы «безответственной» многодетности, противопоставленные безмятежной и свободной сексуальной жизни при полной стерилизации в молодом возрасте. На слуху была такая мощная организация, как Российская ассоциация планирования семьи (РАПС; в настоящее время Российская ассоциация планирования семьи и репродукции) — отделение Международной федерации планирования семьи (МФПС), отмечающей в этом году 105 лет с момента основания.

Активным проводником ее идей всё это время является экс-депутат Госдумы и экс-сенатор Совета Федерации Екатерина Лахова, занимавшая в те годы пост сопредседателя политической партии «Женщины России», с января 1994 г. — председателя Комиссии по вопросам женщин, семьи и демографии при президенте России. Ныне она состоит в Координационном совете по реализации Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017—2022 годы при правительстве России. Лахова отметилась в российской политике своим предложением о принятии закона о принудительной стерилизации «недостойных» людей и второго, подобного ему, «О репродуктивных правах граждан», а также высказыванием: *«Контрацептивная революция — единственная революция, которая требуется современной России!»*

Так вот, отделения МФПС существуют и в странах Центральной Азии. Например, в Таджикистане — стране с самым низким уровнем жизни и самой (пока) высокой рождаемостью в регионе.

Таджикский Альянс Планирования Семьи (ТАПС) был зарегистрирован ровно 19 лет тому назад, 17 октября 2002 года. С 2004 года ТАПС является ассоциативным, а с 2008 года — полноправным членом Международной Федерации Планирования Семьи Европейской Сети. Работает с одним филиалом в городе Куляб Хатлонской области Республики Таджикистан.

«Альянс в сотрудничестве с министерством здравоохранения содействовал в разработке и внедрении Национальных стандартов по безопасным абортам и управлению постабортных осложнений, в разработке инструментов мониторинга и оценки и тренингового модуля по безопасным абортам и внедрению нового безопасного метода прерывания беременности — медикаментозного аборта. Таджикский Альянс планирования се-

---

мы на сегодня является лидирующей неправительственной организацией в области репродуктивного здоровья и права и охватывает широкий спектр проблем в связи с данной тематикой, включая гендерные вопросы и проблемы наиболее уязвимых групп. По инициативе Альянса, 13 неправительственных организаций объединились в коалицию по репродуктивному здоровью и праву, которая имеет своих представителей практически во всех регионах Таджикистана и продвигает вопросы репродуктивного здоровья среди населения».

О некоторых методах сокращения рождаемости в республике на одном из женских форумов в Интернете несколько лет тому назад поведала молодая женщина из Таджикистана. Ее стерилизовали в 18-летнем возрасте во время операции по удалению аппендицита. Ничего не зная об этом, она, через несколько лет выйдя замуж, обратилась к врачу по поводу проблемы бесплодия и только от него узнала страшную правду: у нее были полностью удалены репродуктивные органы.

Два года тому назад газета «Известия» в статье «Недетский мир»: Как в Средней Азии регулируют рождаемость» привела статистику роста численности населения в республике и вполне одобрительно отнеслась к идее ее сокращения.

А 14 октября 2021 г. на сайте уже киргизского СМИ «Вечерний Бишкек» бодро отрапортовали: «*Кыргызстан вступил в новое партнерство «Планирование семьи 2030» и подтверждает приверженность к продолжению сотрудничества для расширения доступа к планированию семьи для женщин и девочек. Для нового партнерства Кыргызстана в «Планировании семьи 2030», министерством здравоохранения и социального развития разработаны пять новых обязательств страны, которые представлены региональному центру. Для выбора и разработки новых обязательств «Планирования семьи 2030» Минздрав при поддержке Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА) провел техническое совещание с привлечением ведущих экспертов в области планирования семьи и репродуктивного здоровья из числа государственных организаций, высших медицинских учебных заведений, неправительственных организаций и гражданского сообщества».*

Упомянутая статья в «Известиях» заканчивалась мнением ведущего научного сотрудника лаборатории демографии и человеческого капитала РАНХиГС Андрея Коротаева: «...*девяться Таджикистану и соседним странам некуда: в Россию все трудоспособные граждане уехать всё равно не смогут».*

Все — может быть, и не смогут. Но и те, кто приезжает и остаётся здесь, создавая в соответствии со своими традициями многодетные семьи, могут **оказать существенное влияние на российскую демографическую и социальную ситуацию**.

Дело в том, что, как было сказано, есть два вида мигрантов: первый — это уже адаптировавшиеся иностранцы, приобретшие профессию и имеющие в соответствии с законом «Об иностранных гражданах в Российской Федерации» относительно стабильный источник средств к существованию. Часть из них получила российское гражданство.

Например, по статистике, в 2020 году Таджикистан стал вторым после украинцев в тройке лидеров по оформлению российского паспорта (63 400 человек против 409 500 человек). На третьем месте — Казахстан (43 400 человек). В 2021 году такие показатели, по словам начальника ГУ МВД России по вопросам миграции не только сохранились, но и увеличились.

Новоиспеченные граждане будут иметь права на получение всех положенных многодетным семьям льгот. Ведь, в отличие от их родных республик, в нашей стране именно на поддержку материнства и детства, а не на снижение рождаемости, в будущем году запланировано выделить более 900 млрд. рублей. Их дети пойдут в школу, будут одеты, обуты, получают право на бесплатное школьное питание — то есть, будем надеяться, вольются в российское общество и станут его полноправными членами.

Но таких, на общем фоне в 9—11 млн. человек, не так и много. А что будут делать дети тех, кто находится в России вместе с семьей, но пока не имеет права, напомним, даже на поход в поликлинику при заболевании — своём или ребенка? Какими вырастут эти дети, с малых лет существующие практически на задворках общества? Смогут ли их родители, сами не имеющие ни образования, ни нормальной профессии, способной прокормить, дать всё это своим чадам? Научить их полноценно общаться с теми, среди кого они живут? И это — проблема, которая в будущем грозит нам большими неприятностями

Уже сейчас отдалённые районы больших городов постепенно начинают превращаться в гетто, куда опасно заходить не только в ночное, но даже в дневное время. Там и подрастают эти дети — дети мигрантов, чумазы, вечно голодные, с недоверчивыми глазами и подспудной агрессией к коренному населению. Там и куются будущие кадры этнических криминальных группировок. И не только криминальных...

Послушайте, к примеру, их разговоры о том, что Сибирь «издавна принадлежала им» (в зависимости от национальности говорящего — то узбекам, то таджикам, то киргизам). В своих мечтах они уже давно разделили ее территорию на куски каждому из своих народов, оттеснив русских туда, за Урал, в направлении Москвы.

В 2019 году на выборах мэра Новосибирска был запущен пробный шар: кандидатом на этот пост зарегистрировался 25-летний представитель чеченской диаспоры Мухаммед-али Бесланович Хаюрин, выступивший как кандидат не просто от мусульманского сообщества, а, фактически, от лица трудовых мигрантов. Его агитационная листовка зеленого цвета, разделённая на две части — на русском и арабском языках, отражала настроения именно этой части населения столицы Сибири:

«За выборы мэра серьезно взялась рукой трудовой арабская вязь!!! Мы — строим Новосибирск. Мы — делаем его сладким. Мы — убираем Новосибирск. Мы — возим Новосибирск. Мы — кормим Новосибирск. Мы имеем право выбирать! Наш мэр — Хаюрин Мухаммед-али!»

И вот это уже заставляет о многом задуматься...

От редакции

Да, это уже давно заставляет о многом задуматься. Но, к сожалению, не центральную власть.

БЕЗ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ

РАССКАЗ

1

Ужик был молоденький, маленький, только-только этой весной урождённый, глупый и оттого, видимо, наглый. Он ещё ничего не боялся. Просто не знал, как это — бояться.

Полз себе не спеша по краешку берега, через высокую траву и мелкие сучья. Заодно переполз и ногу Авдеева, обутую в чёрный запылённый ботинок, совершенно не обратив внимания на хозяина ботинка.

Авдеев, сидящий на выбеленном водой и солнцем бревне, усмехнулся, ногу не отдёргнул — пусть себе, у ужа жизнь только начинается, если повезёт — поживёт подольше и тогда узнает, чего можно, чего нельзя, поймёт с кем задираться, а кого лучше стороной обползти...

Перебираясь через корень большого пня, что торчал над песчаным обрывом, уж не удержался и скатился в воду. Это его не смутило, и он всё также спокойно и уверенно продолжил путь — изящно извиваясь, слегка приподняв над водой маленькую голову в жёлтой «шапочке», поплыл вдоль берега.

«На-аглец, прямо я в молодости. Мне бы сейчас такую невозмутити-

ПРОЗА

мость...» — Авдеев усмехнулся, нашарил в кармане пиджака сигареты, достал одну из пачки, покатав задумчиво между пальцев. Так и не прикурив, откинул сигарету в сторону, решительно встал и зашагал к мосту через речку, туда, где крайние дома посёлка сбежали к самому берегу...

Улицы посёлка были хорошо знакомы Авдееву. Всё его детство и юность прошли на них. Ну а речка и пешеходный мостик через неё в те далёкие уже времена были любимыми местами отдыха для него и его малолетних друзей.

Ну, а потом, потом как у всех: большие далёкие города, учёба, распределение, работа и редкие приезды в отпуск к родителям. А после их трагического ухода Сергей дорогу в родной когда-то посёлок забыл совсем. Лет тридцать пять не был, а ноги дорогу до сих пор хорошо помнят. Да и то сказать, что могло измениться в этом захолустье?..

У входа на мост, справа, на прогалине меж ивовых кустов, в невысокой траве стояла собака. Жёлто-грязного окраса, гладкошерстная, худая, с подтянутым к самому хребту животом. Ошейник, когда-то, видимо, плотно сидевший на шее, болтался теперь на ней, как обод велосипедного колеса...

Собака стояла молча. Не шевелясь. Даже хвост её был опущен, а не вилял из стороны в сторону. Собака просто стояла. Стояла и смотрела на человека. Но не её худоба, видимая немощь и молчание пробили Сергея до печёнок — между ног собаки крутились четыре кутёнка. Они ещё плохо держались на ногах, толкались, падали, переползали друг через друга и тянулись к вытянутому почти до земли пустым соскам мамки...

«Не выкормит...»

Сергей глядел на собаку, на её щенков, а в голове крутилась только одна мысль: «Не выкормит, нет, не выкормит...»

Глядя в глаза собаке, он почему-то неожиданно подумал: а она ведь специально вывела, вынесла щенков ему навстречу. К бабке не ходи — специально! Ну, может, не конкретно к нему — просто к человеку. Авдееву в какой-то момент даже показалось, что он читает в глазах собаки мольбу, практически человеческую мольбу о помощи.

«Господи, да что ж мне сегодня на всякую живность-то так везёт!»

Сергей сделал шаг в сторону собаки. Та ощерила клыки. Молча. То ли не было сил рычать, то ли просто просила учесть, что щенков в обиду не даст...

— Не бойся, не обижу...

Авдеев без резких движений, чтобы не пугать собаку и её выводок, открыл дорожную сумку. Вынул всё, что осталось после утреннего перекуса в поезде. Слава Богу, осталось при-

---

лично: почти полкурицы, хлеб, варёные яйца. Собаке, конечно, на один зуб, но что есть...

Сергей вытряхнул еду из пакетов. Пододвинул ногой в сторону собаки.

— Кушай, собакен...

Собака не сдвинулась с места.

— Хорошо, хорошо. Ухожу...

Через десяток метров оглянулся — собака всё так же неподвижно стояла на месте...

Но когда, перейдя висячий мост, Авдеев ещё раз оглянулся, ни еды, ни собаки, ни её щенков на обочине не было...

2

Не обнаружив звонка у калитки дома, Сергей после секундного раздумья повернул деревянную вертушку и вошёл во двор. Из тенёчка за конурой выбрался заспанный пёс, потянулся, прогнувшись животом до самой земли, зевнул, обняв крупными клыки, и только потом басовито пару раз гавкнул. Авдеев усмехнулся: обленился сторож, плохо исполняет свои обязанности. Видать, хозяева не строгие.

Из раскрытого окна раздался женский голос:

— Кто там? Вы пса не бойтесь, проходите, он у нас не кусачий, так — больше для звонка...

— Здравствуйте, я из города приехал, — обратился к невидимой собеседнице Сергей. — Мне бы поговорить с Ольгой Михайловной Решетниковой. Мне сказали, она здесь живёт...

— Да-да, проходите, не заперто.

Авдеев толкнул дверь и вошёл в дом.

— Мне бы... — договорить ему не дал удивлённый женский возглас:

— Серёжа?! Ты?...

Авдеев застыл на пороге. От неожиданности, от удивления. В доме было сумеречно, да и Ольга вряд ли за эти годы стала что-то видеть. Врачи ведь говорили: безнадежно...

— Да-а... Узнала?.. Здравствуй...

— Что ж не узнать-то — голос-то у тебя всё тот же, бархатный. Здравствуй... — Худощавая миловидная женщина с лицом, почти полностью прикрытым тёмными очками, неотрывно смотрела в сторону входной двери. — Ну, чего в дверях застыл? Проходи, присаживайся...

Перешагнув через высокий приступок в дверном проёме, Сергей прошёл в комнату. Выдвинув из-под стола, накрытого клеёнчатой скатертью, табурет, присел. Огляделся. Обычный пятистенок. Из обстановки ничего лишнего: диван, комод, пара шкафов, стол, три табурета. Немного удивили боль-

---

шой телевизор на тумбочке, ноутбук на этажерке да длиннющий книжный стеллаж за ситцевой занавеской, разделявшей большую залу надвое...

Женщина, опершись на суковатую, отполированную за долгие годы почти до лакового блеска клюку, встала с широкого кресла и, слегка ошупывая рукой пространство перед собой, сделала несколько шагов в сторону гостя. Подойдя, безошибочно положила руку ему на голову. И застыла...

— Тревожные твои мысли, Серёжа, плохие... А помнится, молодой прибежал — мысли резвые, весёлые...

— Забыл...

— Помнишь, всё ты помнишь. По-другому бы и не пришёл... Себя молодого найти хочешь... Не поздновато ли спохватился — целая жизнь прошла?..

— Зачем ты так... Правильно ведь говоришь: сколько уж прошло-то. Я думал, ты с годами помягчала...

— С чего бы мне мягчать-то? Как жизнь со мной, так и я с нею. Жизнь вообще штука жестокая. Чего ж нам с ней мяться? А вот ты — ты изменился. Ты другой пришёл...

Сергей смолчал. Тепло женской руки растекалось по его голове и словно заполняло всю его сущность. Говорить, а уж тем более спорить и предъявлять какие-то счета не хотелось...

Монотонно тикали старые ходики. В окно с басовитым гудением билась залетевшая в дом зеленобрюхая муха.

— Чего примолк-то, Серёжа? Ты ж выговориться ко мне пришёл. Вроде как покаяться даже. Хочешь, чтобы тебя поняли. Видно, в жизни-то поговорить-то тебе не с кем... В храм не идёшь — не веришь... Всё в себе и носишь. Мне решил сказать, не зря ж сколько времени потратил, меня искал, удивительно, как нашёл-то, а и тут молчишь...

— С женой говорю...

— Говоришь. Молча. Большие речи закатываешь, а она ничего и не слышит. А и вслух бы чего сказал — всё одно не услышала бы. Она тебя никогда не слышала. У неё своя жизнь, у тебя — своя, хотя уж сколько годов-то вместе. И детей, слышала, вырастили, вот уж и внуки, а всё порознь... Глухая у неё душа. Холодная. Ты как это понял, так и заметался по жизни. Тогда, видно, и меня через столько лет вспомнил да искать начал...

Ольга замолчала. А потом, с неожиданной для Авдеева улыбкой в голосе, сказала:

— Ой, да ты лысеешь. Какая тонзура на макушке, как у монаха. Ты, наверное, смешной лысый-то?...

— Ага, обхохочешься... О жене-то откуда знаешь?...

— Да а как не знать-то? Она ж моей лучшей подружкой числилась. Неужели забыл? Тогда уже расчётливой была. Себя

любила, а на остальных... Когда со мной беда-то приключилась, быстро сориентировалась, поняла, что всё у нас с тобой кончилось, место вакантно. Ты ж перспективный был. Уха-жёра своего бросила и к тебе присоседилась. Да и трудно нынче тебе с твоей известностью от людей укрыться — почти каждый день что-нибудь новое о тебе по телевизору да радио рассказывают. Исподним твоим перед всей страной трясут...

— Когда беда приключилась, я тебе ещё в больнице предложение сделал. Так что в тот момент ещё ничего не кончилось. Не могла Ксения знать, что место вакантно...

— Сделал... Через две недели. Когда стало ясно, что видеть я не буду. Ты же всегда хотел быть справедливым, честным, лучшим. Вот ты и решил подвиг совершить — на калекке жениться. Так сказать, собой пожертвовать. Всю свою молодую и красивую жизнь инвалиду посвятить! А когда я сказала «нет», ты сначала даже растерялся, счастью своему не поверил — не нужен подвиг-то, не нужен! Даже переспросил несколько раз. Слышал бы ты, какая радость в твоём голосе звучала. Не скрывать. Особенно от слепой...

— Я помню. Не нужно обо мне, о себе я и сам всё знаю — ты мне лучше о себе расскажи...

— А что обо мне говорить? Одиноко было. И тяжело было. Особенно в первые месяцы после взрыва в лаборатории, когда я в глазной клинике лежала. Вы ведь пропадали, исчезали из моей жизни по одному — сначала один перестал приходить навес-тить, новости рассказать, о здоровье справиться, потом другой, третий, потом и звонить стали всё реже и реже, даже лучшие подруги... А через полгода меня для вас словно и не было...

И вот тогда мне стало страшно, так страшно, что ты себе и представить не можешь! Только тогда я поняла: так будет всю жизнь! Одна, одна среди вечной беспросветной темноты. Понимаешь? Вечной темноты... Если бы не Иван — руки бы на себя наложила...

— Иван?...

— Да, Ваня Маркелов. Из нашей группы. Мы же его никогда не замечали, он же был не нашего круга... Чай будешь?

— Чай? А-а, да, чай буду..

Женщина, слегка прикасаясь пальцами к стене и высоко подняв подбородок, прошла на кухню. Сергей услышал потрескивание пьезозажигалки.

— С вареньем или с сахаром?

— Безо всего, просто покрепче.

3

Когда Ольга внесла чай, Сергей взглядом пробежался по её лицу. Большие чёрные очки скрывали почти пол-лица, но даже их, очков, не хватало, чтобы полностью прикрыть бес-

---

форменный шрам на левой щеке, двумя вспененными бороздами спустившийся к верхней губе.

— Я помню Ивана. Коренастый такой, молчаливый. Вроде парашютным спортом занимался. Вобщаге он не жил, приходил только на занятия. Где же мы могли с ним общаться? У него свой круг общения был, у нас — свой. А после того, как всё это с тобой случилось, он на заочный перевёлся. Тут уж совсем мы разошлись...

— Из-за меня и перевёлся...

— Из-за тебя?

— Знаешь, после взрыва он один всегда рядом со мной был, каждую свою свободную минуту. Родители мои тогда в разводе были, не до меня им было — новые семьи строили, а бабушка не всегда могла прийти — тоже забот полон рот. А он практически и жил возле моей палаты. Врачи сначала гоняли его, уговаривали не приходиться, особенно когда узнали, что он мне никто, да что толку. Они его в дверь — он в окно, они его в окно — он в дверь. Потом махнули рукой. Отстали. А я, я психовала — я не его ждала. Я его прогоняла, кричала на него, обижала, а он молчал и приходил, приходил, приходил. Он сидел рядом со мной, читал мне книги, особенно очень много стихов — я никогда не думала, что столько много на свете хороших стихов, а Ваня их знал наизусть; кормил, поил, даже перевязывать научился. Он был мой принеси-подай-сопроводи. А в университете на дневном откуда свободному времени взяться? Вот он и перевёлся...

Потом наступил момент, не сразу, далеко не сразу, но он наступил, когда я поняла, что без Ивана я никуда, что я без него — никто. Что он — мои глаза, мой мир, мой смысл существования. И я уже переживала и психовала совсем по другому поводу — я ревновала его ко всему движимому и недвижимому, особенно когда он где-то по каким-то причинам задерживался...

А потом его забрали в армию. На два года. Страшнее этих двух лет нет в моей жизни ничего.

— Ну, два года — это же не вся жизнь.

— Если бы он не вернулся — для меня вся. Он был за речкой...

— Где был?!

— Они, он и друзья его, так Афганистан называют... Полгода в учебке под Термезом, и полтора года подрывником в Афгане, он же физмат закончил.

— Подрывником?

— Их группа за караванами с оружием охотилась. Их так и называли: охотники за караванами. Группу на вертолётах забрасывали в тыл к душманам, зачастую к самой Пакистанской границе, ребята находили караваны, разделялись с охраной, а горы оружия, что перевозил караван, подрывали. Два раза группу считали погибшей, а они возвращались. Не все...

Ольга встала, подошла к комоду, выдвинула верхний ящик. Достала из ящика и поставила перед Авдеевым резную шкатулку. Всё это она делала уверенно, ни разу не ошиблась в пространстве.

Открыла коробку. Коробка была разделена на два отсека: в левом лежали два ордена «Красной Звезды», в правом — горсть медалей. Ну, в «афганских» медалях Сергей не разобрался, но вот нашу медаль, медаль «За отвагу», взглядом из этой горсти выхватил. А ещё на орденах сверху лежали сбитые в одну колодку три нашивки за ранения. Одна, верхняя, золотистая — за тяжёлое, и две красные — за лёгкие...

— Пока Ваня там воевал, меня здесь по клиникам возили, всё пытались хоть что-то со зрением сделать, двенадцать операций — если бы не эти операции, я бы умерла от бесконечного ожидания...

Как Ваня пришёл из армии, мы сразу и расписались — в ЗАГСе навстречу пошли, не стали мурыжить два месяца.

— Оль, а... зрение? Сделали что-нибудь?...

— Отличаю солнечный день от ночи...

— А как же вот стеллажи, смотрю, с книгами?...

— Книги — боль моя, кажется, все книги, что прочла до взрыва, побуквенно помню. А тут, на стеллажах, большей частью Ванины книги, он же директор нашей средней школы, ну ещё и физику, и астрономию преподаёт. Иногда и по литературе кого замещает. Он много читает. Говорит, учиться нужно всю жизнь. А небольшая часть книг — мои, они шрифтом Брайля набраны, для слепых. Жаль, у нас нечасто можно что-то свежее купить. Ничего, сын из Германии на немецком языке шлёт — у них таких книг много. Так что на старости лет пришлось немецкий осилить, а то сидела, тупо коврики вязала да розетки клепала...

— Сын?...

Ольга рассмеялась:

— И дочь, Серёжа, есть! И две внучки. Ты, Серёжа, как ребёнок, — у меня зрения нет, а в остальном же я здоровая. Всё, как у всех. С детьми мне две бабушки, моя и Ванина, помогали, тётушки, дед — нянек хватало... Так что не нужно меня жалеть — я очень счастливый человек. Очень. Не знаю, я иногда думаю, не случись тогда беды, как бы я прожила эту жизнь... Не было бы у меня Вани, моих ребятишек: нет, даже думать про такое не хочу!

— Знаешь, Оля, мне кажется, я знаю, кто тогда реактивы подменил, кто взрыв подстроил...

— Не надо, Серёжа, не надо об этом. Я тоже много думала, как всё это могло произойти. И пришла к выводу: я, только я сама виновата. Это моя невнимательность. Забудь и ни на

кого не думай. Тем более что наверняка ты не знаешь, ты же сам сказал: «мне кажется». Если ты пришёл, чтобы назвать имя виновника, то зря. Кроме меня в этой истории виноватых нет. И других виноватить не нужно... Да, а как ты меня нашёл, Серёжа? Мы же из центра, из многоэтажки, сюда, на окраину, съехали много лет назад, это я Ваню попросила, чтобы там в четырёх стенах я с ума не сошла...

— Интернет. Ты же фамилию не сменила. А имя-отчество твои я и так знал. Кстати, а фамилию-то почему не сменила, когда за Ивана вышла?

— Дура была, и Ваню обидела. Думала: если бросит меня, столько бумаг заново перedelывать... Дура была...

— Иван-то когда с работы приходит?

— Да когда как, перед тобой вот звонил, что сегодня будет поздно. Кому-то опять в чём-то обещал помочь... А ты что, торопишься? Не дождёшься Ваню?

— Поезд у меня, Оль. Через час. Пока дойду, пока то да сё. А насчёт — зачем приехал? — даже не знаю, как и сказать. Живу, живу, а чувство вины перед тобой так и не проходит — не за взрыв, нет, а за то, что обрадовался, когда ты «нет» сказала. Говорят, преступника всегда тянет на место преступления, вот и меня, как того преступника, чем дальше от того страшного дня, тем больше тянуло тебя увидеть. Правильно ты сказала: душу облегчить хотел, камень с неё снять, тяжело с камнем-то на душе — не дышится, повиниться хотел, прощения выпросить, выговориться. А видишь, как вышло — говорить-то мне и не пришлось. Только слушал... Получается, за твоим рассказом о жизни твоей и приезжал, слушал жизнь твою и свою переписывал, передумывал. Не всё у меня в ней, в жизни-то, гладко, но и печалиться, оказывается, особо не о чем. Всё, что в жизни моей не так, — это всё больше мои фантазии, самоедство. Как-то так...

Да, и вот ещё что, тут такое дело, Оль, как придёт Иван-то, скажи ему: там, за мостом, собака со щенятами, вроде породистая, с ошейником, заморённая совсем, не покормить — и сама сдохнет, и щенята пропадут.

— За пешеходным? Это, наверное, старого Семёнова Геннадия Ивановича собака, породистая-то только у него была — сам-то он уж два месяца как помер, так и собака тогда же куда-то пропала. Она, наверняка — другой-то откуда взяться. Ты вот что, Серёжа, погоди, я тут нашему Пирату варево приготовила — забери его, покорми собаку-то; да-да, так с бидончиком и бери — отдай варево-то собаке и бидончик там брось, а уж Ваня утречком туда сходит, посмотрит, что сделать можно. А Пирату я что-нибудь ещё сварганю...

— Ты прости меня, Оля. За всё прости...

— Да что ты, Серёжа, и прощать-то не за что, давно уж всё перегорело и простилося. Не думай о плохом-то, не тереби душу. Хорошо всё. Только вот ты странный какой-то, тревожно мне что-то за тебя, вроде чего не договариваешь?..

— Показалось тебе, Оль, всё нормально. Просто я действительно тороплюсь. Спасибо тебе. Прощай...

На мгновение замешкавшись, Авдеев с бидоном собачьей баланды в одной руке, свободной рукой обнял Ольгу Михайловну и долго-долго не отпуская от себя. Да та и не вырывалась...

Выйдя из дома, закурил. Жадно, на вздохе затянулся, но больше двух затяжек так и не сделал. Тлела в руке сигарета, но он словно забыл о ней.

Зачем приезжал? Да как ответить-то? Зачем приезжают в его ситуации? — врачи сказали: не больше четырёх месяцев ему осталось... Неоперабелен...

Попрощаться приезжал. Пока ноги носят. Попрощаться и прощения попросить...

Всё просто. Всё очень просто...

День угасал. Вечер, сбив дневную духоту, подкрашивал синеву неба фиолетовой акварелью. Где-то, через два-три дома, перебрёхивались, слово ругались меж собой, собаки; на задах улицы, объезжая колдобины и лужи, порывкивал мотоцикл, а в соседнем дворе хмельно и протяжно пели на три голоса.

На душе Сергея в кои веки было спокойно и благостно — словно выключил кто недавшее его душу многолетнее напряжение...

4

— Ты ешь, собакен, ешь...

Собака, услышав обращённые к ней слова, передёрнула ушами, оторвалась от еды и повернула морду к Сергею.

— Ну, чего смотришь? Ешь, давай. Тебе сейчас много есть нужно. Много. Силы тебе нужны, кутятам молоко твоё нужно. А есть не будешь — откуда молоко, откуда силы? Я вот ещё минут пять с тобой тут посижу и пойду. Идти нужно, понимаешь? Поезд у меня. А поезд ждать не будет. А утром тебя другой придёт кормить. Иван придёт. Может, и к себе заберёт тебя со всем выводком. Почему? А потому что Иван. Потому что он надёжный, как АК-47... Не знаешь АК-47? Тогда просто надёжный. Понимаешь, когда где-то или кому-то плохо — приходит Иван. И всё становится хо-ро-шо...

Ты, собакен, поверь ему, поверь, и всё будет хорошо. Почему? Потому что Иван...

г. Чебоксары

ДВА РАССКАЗА

ЗАДУРИЛА

Баба Тоня задурила. Нет, конечно, это бывало и раньше, находило что-то на неё с осени: замыкалась, из дома ни ногой, даже в магазин. «Ись не хочу...» Баба Тоня страшно худела, морщин на лице становилось больше, она словно усыхала, как последняя осенняя трава. Волосы не красила и выглядела древней старухой. А к весне, с длинными солнечными днями, словно оживала: коротко, как пацанёнок, стриглась, волосы красила в каштановый с красным отливом цвет. На лице появлялась улыбка, смеялась сама и веселила других.

Я знал бабу Тоню уже много лет, с тех пор, как мы купили домик в деревне. Я ещё ходил в школу, а каждое лето загорал на воле, вдали от городского шума и пыли. Бабой Тоней тогда называл её по молодости лет, а следовало бы, конечно, по имени-отчеству. Не успевали мы приехать на лето, как она появлялась в нашем доме, всегда с лёгкой укоризной:

— Опять не сказались! Я бы печку истопила, замёрзнете в холодной избе-то.

Через час баба Тоня снова прибежала, приносила ещё тёпленьких

ПРОЗА

малинников — вкуснейших пирожков. Не знаю, почему она называла их именно так, ведь никакой малины в них не было, зато другой начинки — через край: один малинник — с зелёным луком и яйцом, другой — с жареной солончатой капустой, третий — с нежнейшим сладким творогом... Так пекла только баба Тоня. В её избе всегда была жарко натоплена печь, светившаяся свежей побелкой, — нельзя прислониться, иначе уйдёшь в «муке». Воздух в комнатах казался сухим, чуть не ломким. На подоконнике один за другим без перерыва распускались разные цветы. Мухи навсегда замирали на липкой ленте под лампой. Порядок!

Баба Тоня знала всё, что происходит в деревне, приносила с собой ворох новостей. От неё, желая или не желая того, я узнавал в подробностях жизнь всех сельских обитателей.

В дверь беседница никогда не стучала. Заявлялась с утра пораньше:

— Дрыхнешь? А чё обутки-то много на крыльце?

Не дожидаясь ответа, тараторила:

— Зашла, значит, к Табачихе за рассадой кабаков. Сидим, трындим. Вдруг вижу: за ухом у неё клещ ползёт. Танька, говорю, нешто не чувствуешь?

Табачиха, для меня — Татьяна Петровна, старше бабы Тони лет на двадцать, значит ей уже под восемьдесят. Но подружки они — не разлей вода. Пенсию Татьяна Петровна получает большую: много лет отработала маляром, красила отсеки подводных лодок. Все глаза та вредная краска выела: толстенные очки помогают плохо. А баба Тоня, наоборот, видит всё и всех.

— Так вот, старая испужалась и побежала в больницу. В горку быстрее меня влетела, будто вертолёт. Боится она этих клещей! — продолжила свой рассказ баба Тоня. — В прошлом годе у Кольки Лыкова клещ в то самое место заточился, так было делов-то!

— Куда-куда? — спрашиваю и не верю.

— Туды. В мужское хозяйство. В поле где-то подцепил клеща, сам никак не выпарапает. Пришлось бедному идти в больницу. А там Маркеловна, родственница его дальняя, дежурила. И ему неловко, и ей, бабе, тоже. Пришлось звать Ольгушу. Той хоть откуда доставать — всё равно. Я Кольке-то и говорю потом: ты свою калитку широко больше не открывай на поле!

Не знаешь, что и сказать иной раз ей, молчишь. А она смеётся-заливается, аж искорки смеха горят в глазах. Если стоя рассказывает — даже вперёд наклоняется, держась за живот. И я тоже начинаю улыбаться.

Баба Тоня всегда одевалась во что-то новое — кофточку или юбку, правда, иногда размером больше, явно с чужого плеча. И вот как это у неё получалось. Она всегда провожала знакомых и малознакомых в последний путь, звали её и на поминки. Шла с тайной надеждой, что ей что-то перепадёт: часто родные отдавали бабе Тоне на память какую-то одежду покойного. Привело это к тому, что в последние годы она сама ничего не покупала — всё донашивала.

— А чего их, мертвяков, бояться? — весело говорит баба Тоня. — Состирну на речке, подушу духами и ношу. Вон какое платье от Семёновны досталось. Ни разу, поди, не надевала.

Не надо, может, было так поступать: притягивала она недоброе...

Сосуществовала баба Тоня, как сказали бы чиновники, с неблагополучной семьёй. Родителям было не до детей, а до бутылки. Две маленькие девочки росли, как сорнячки. Никому не нужны, никто за ними не ухаживал, а они, наперекор всему, крепили и крепили. В сад ходили обе и, к удивлению, ничем не болели.

— Гляжу из окна, а Катька с Машкой каждая по полену в дом ташат. Тяжело помногу-то, бедным. Родители шары залили опять и курят в беседке, — баба Тоня рассказывала очередную историю про соседей.

Мать девочек уже отсидела пару лет — по пьяни пырнула ножом мужа. Тот её простил и просил суд не лишать свободы. Говорят, даже плакал на суде. Однако женщине дали реальный срок. «Тяжкое телесное повреждение» — прокурор не мог на это закрыть глаза.

Отсидела она не полный срок — по УДО (условно досрочное освобождение) выпустили. Вышла и снова пьёт. Но в этом ничего удивительного. Страшнее другое: наравне пьёт и её мать, а той восемьдесят с большим гаком.

— Ты, старая, слурела?! Окочуришься ведь! — пыталась образумить баба Тоня непутёвую соседку. — Как дети будут печку топить? Сожгут весь дом!

Баба Тоня отправилась тогда к соседям сама, затопила печь. А старуху, случайно или нет, толкнула локтем, и та полетела на диван.

Я серьёзно опасался за неё:

— Баба Тоня, не ходила бы ты туда. Попадёшь ещё под раздачу!

— Сейчас! Я им так задвину, что все лягут.

Ох, крутая баба Тоня! Если она видела несправедливость, тут же встревала — всё равно, был ли виновником пьяный

пастух Димка, не уследивший за стадом, или сам глава администрации Николай Кузьмич, на посту своём устаревший и не больно-то радевший о деревенских делах. Но так было не всегда...

Тоня росла младшей в семье. Особенно её жалела бабушка, называла некорыстной. Учителя прозвали тихоней и скромницей: в школе на переменках Тоня продолжала сидеть за партой, как будто урок вовсе и не закончился, не шалила со всеми в коридоре. Но это было давно, по ней сейчас и не скажешь. Характер попортил её первый муж, да ещё как!

Баба Тоня за жизнь свою успела трижды расписаться, народить троих детей — и всех от разных мужей. А сколько у неё было поклонников — не сосчитать. Хотя назвать её гулёной тоже нельзя, просто нравилась мужикам. Росточка маленького, обувь покупала в детском магазине. Повторяла заезженную фразу: «Маленькие женщины созданы для любви, большие — для работы». Но всё оказалось в её жизни наоборот.

Тоне не было и восемнадцати, когда в её северную деревушку пожаловали украинцы: заготавливали в делянке лес. Могучие северные сосны уехали в жаркую республику вместе с окающей девушкой Тоней. Влюбилась в чернявого лесоруба по имени Данило, а по фамилии — Бендюк. Далеко от родины она и родила мальчика от гарного хлопца. Повел себя Данило гадко: пил и бил беззащитную девушку. Хуже того, стал подворовывать на фабрике, связался с дурной компанией. Обратнo Тоню пришлось забирать матери, до которой дошли плохие вести от подружек Тони. Когда привезла обратно Тоню с ребёнком, объяснила соседкам:

— Хватит позора. Посадют Бандеру.

Так переиначили фамилию Бендюк в деревне. Угадала мать судьбу зятя: вскоре арестовали его за разбой.

Генашка — живая память того украинского позора. Кудрявый, волосы — чернушие, кожа — будто всегда загорелый: и зимой, и летом. Вырос и стал похож как две капли на отца. Следы же Бендюка после тюрьмы затерялись.

— Надо было утопить младенцем этого Генашку. Всю душу из меня вынул. Упился бы он уже! — плакалась мне баба Тоня.

Пил он не всё время. В областном центре предпринимательством занимался, сперва удачно, прикупил «Мерседес». Что там потом стряслось — неизвестно, вернулся без колёс, без паспорта, но со вшами. Говорят, бомжевал.

Некуда устроиться в деревне молодому мужику: сельское хозяйство загнулось, поля заросли сосняком. Исправно ра-

---

ботала только пилорама. Генашку поставили грузить в машины доски, к станку не подпускали — упадёт с похмелья, изуродуется, кому охота отвечать. Пил каждый вечер. Как не расслабиться после тяжкой работы?

Баба Тоня решила во что бы то ни стало найти жену для сына. Надоело ей одной терпеть бесконечную пьянку Генашки, стирать его грязную одежду.

— Намучилась! Хватит! Пусть какая-нибудь баба его возьмёт. Сколько мне ещё осталось пожить-то... — с крика баба Тоня за секунды переходила на плач.

Подходящих вариантов для женитьбы было мало. Баба Тоня вспомнила о Светке, своей старой подруге. «Старая» — слово неслучайное. Светлане было годков на пятнадцать больше, чем Генашке, но выглядела она, по определению многих, «ещё ничего».

Всю жизнь Светлана прозябала одна. Работала в деревенском клубе методистом или, если сказать попроще, массовиком-затейником. Жили они с бабой Тоней на одной улице, поэтому знакомить Генашку с ней и не надо было. Раньше он её даже тётей Светой называл. Но когда это было? Когда он ещё «Спокойной ночи, малыши!» смотрел.

В общем, план сватовства у бабы Тони был такой: как можно чаще отправлять сыночка в гости к подруге. Сначала помочь ей дров наколоть, да чтоб Светлана его чаем напоила... Потом крыльцо поправить...

Светлана была не против мужчины в её давно скучающем по хозяину бабьем доме.

В другой раз женщина рубаху решила зашить Генашке — порвалась. А поскольку на дорогу не шьют, Генка домой не пошёл, а впервые остался у тёти Светы, то есть Светланы, на ночь. Чего уж она там ему подмешала в чай — неизвестно.

Прошло две недели. Генашка у матери не появлялся и на работу не ходил. Баба Тоня вся извелась, как там сын.

Пошла в гости к Светлане.

Генашка лежал, смотрел телевизор. Старая молодая жена нарезала колбасу, на столе стояла початая бутылка красненькой. Пьют, значит, вместе! И такое зло взяло вдруг бабу Тоню:

— Мати одна живёт, хоть бы зашёл, проведаль! Может, померла уже.

Баба Тоня пронзила кинжальным взглядом недавнюю подругу.

— Тонь, ты чего? — Светлана удивилась: вроде сама всё делала для того, чтоб их свести, а тут...

— Чего вылупилась? Толстозадая! Навалилась на парня и рада? Ты на себя посмотри: он тебе в сыновья годится! Ещё

спаиваешь! Знаешь ведь, змея ты подколодная, что ни капли вина-то ему нельзя! Ни стыда у тебя, ни совести! Залила шары-то!

Взгляд бабы Тони упёрся в репродукцию известной картины, которая висела прямо на стене: молодая девушка и седой старик идут под венец.

— У вас тут тоже неравный брак! А ну, Генка, живо собирайся домой!

Семейная жизнь у Генашки и Светланы закончилась.

После Бендюка замуж взял Тоню сосед Петр. У него, дитя войны, с рождения оказалось слабое сердце. Имелась у него страсть — пить крепкий чёрный чай, практически одну заварку, который называл чифиром.

Допился — на полу мёртвым нашла Тоня. Городские врачи сказали, что сердце не выдержало.

— Ему б не пить эдакого крепкого-то, пожил бы... — жалела Тоня.

И жили-то всего ничего, чуть больше года, но родился сын, назвали Саней. Парень вымахал красивым, похожим чем-то на Муслима Магомаева. С ним Тоня хлебнула горя: сбежал он со срочной службы к любимой девушке, чуть не посадили за самоволку. Тоня поехала к самому большому армейскому командиру, в ноги кинулась: «Одна рашу детей! Пожалейте!» Пожалели...

После армии Саня жил далеко и не доставлял столько переживаний, как Генашка. Правда, приезжая на лето в отпуск, тоже выпивал по-чёрному со старшим братом.

— Дурные, — говорили в деревне.

А как она ждала приезда Сани-артиста в гости! Своих фирменных пирожков — малинников три противня напекала. Свежее мясо покупала у соседей, которые ещё держали скотину. Однако сынок подарками мать не баловал: из города привозил только пачку газет на растопку печки, по-прежнему белоснежной.

Третий раз замуж баба Тоня вышла, когда ей было уже под сорок. За Толика она держалась: новый муж был моложе её на десять лет, рукастый. Правда, красавцем назвать сложно: одни оттопыренные уши, как у ребёнка, чего стоят. Его отец, Василий, умер рано — запился.

— Ох, в батьку ты у меня, — горевала баба Вера, мать Толика.

Женой Толику была бутылка, почти каждый день он ею заканчивал. Потому мать истово молилась за младшенького

перед иконами Николая Угодника, Василия Великого и перед Неопалимой Купиной. Эти образа после войны, когда церковь на угоре решили превратить в МТС (машинно-тракторную станцию), Вера тайно, ночью, унесла из храма к себе домой. Неопалимую Купину она почитала даже больше, чем Николая Угодника. Не сразу решилась показать образа, долго прятала в голбце. Времена были страшные, а она ещё бригадир в колхозе... Только спустя время все иконы заняли своё место в святом углу под белым полотенышком.

Баба Вера радовалась, когда разведённая соседка Тоня начала чаще, чем обычно, захаживать к ним в гости. Мать подталкивала сына к свадьбе: хотела пристроить к доброй женщине.

После похорон второго мужа, как полагают, подождали год, потом Тоня и Анатолий сыграли скромную свадьбу. И в самом деле, не гулять же широко в третий раз.

Молодая жена перебралась в дом Толика, исправно вела хозяйство. Казалось, всё у них было хорошо, душа в душу: Тоня и Толик.

Но Толик всё равно часто брался за бутылку, пил и пил — точно в отца. Пока Тоня была на ферме с коровами, он приглашал друганов — Вовку Козлика и Семёныча, тех ещё бухариков. Они пили фанфурики — маленькие флакончики с какой-то технической дрянью. Семёныч от них ходил в последнее время в опрелых штанах, и у Толика началось недержание. Напьётся, уснёт — обязательно напрудит. Тоня устала сушить матрас. Один Вовка ещё держался, потому что мать отпаивала его после фанфуриков козьим молоком (коз они в деревне одни держали), вот Козликом и прозвали.

— Чтобы духу вашего здесь не было! — выгоняла Тоня, придя с работы, Вовку и Семёныча. Проветривала избу: накурено — хоть топор вешай.

На фанфурики постоянно нужны были деньги. Зарплаты (Толик работал в кочегарке истопником) на горячительное не хватало. Правда, иной раз перепадали шабашки. В кочегарку, когда на смене дежурил Толик, мужики иногда приносили приплод от кошек, чтобы избавиться. Грех какой, а что делать, когда в каждом доме и так по две хвостатых. В реке не утопить, в лес утащить — кошка найдёт и обратно принесёт, сколько раз такое уже бывало. А Толику папиросы или дешёвый портвейн отдашь за котят в мешке — и все дела. Последнее, что видели кошки на белом свете, — громадные чёрные ручищи, пропахшие луком — самой любимой закусью Толика. Кочегар доставал несчастных из мешка по одному и кидал в топку, как дрова. Мог, конечно, прямо в мешке, не развязывая, но ведь он в хозяйстве пригодится. Зачем жесть?

Вот и нынче принесли котят, уже большеньких, они всё видели и, кажется, что-то понимали.

...Бедные животинки дико визжали от боли, пытались отползти подальше от обжигающего огня, к дверке топки, но длинной кочергой Толик толкнул их к адскому пламени. Шерсть мигом вспыхнула... Он не слышал последнего писка — пламя в топке громко гудело. А в пустой мешок, в котором только что принесли котят, Толик уже складывал бутылки из-под портвейна «Три семёрки».

Из трубы кочегарки шёл белый дым, он быстро сливался с облаками...

Как-то по весне Толик с приятелями загудел не шутя. Пропился до копеечки. Вот тогда-то Толик решился на «дело» — отвезти в антикварную лавку в районный центр одну из икон матушки.

Икону Василия Великого взять не решился — уж больно грозен был лик святого. Перед Николаем Угодником Толик иногда и сам неловко крестился, а вот Неопалимая Купина... Он толком не знал, кто на ней изображён. Но икона была в блестящем, похожем на золотой, окладе, что и предрешило её судьбу.

В антикварной лавке за неё дали, к удивлению Толика, много: на эти деньги закупил ящик водки и решил шикануть — взял ещё неведомый джин.

— Вот порадую мужиков! Никогда такого не пили, поди, — думал он, возвращаясь из города.

Собутыльники джин не оценили:

— Ёфу, чего Толяха притаранил... Ё-моё! Да это же бодяга на ёловых опилках!

— Ничего вы не понимаете! — обиделся он.

Тоня лежала в больнице после операции по удалению грыжи: надорвалась на ферме с бидонами молока. Было тревожно весь день, как будто уже ждала дурной вести. Пожар! В чём была — летних туфлях и тонком сатиновом халатике — задыхаясь, побежала из больницы по весенней грязи.

Только выскочила на дорогу (от больницы до их дома километра три) — её охватил ужас: высоко над лесом поднимался густой столб белого дыма. Она ещё не видела деревни, но поняла, что горит их дом. Несколько раз, запнувшись, упала на асфальт, ободрала коленки. Кровь, слёзы, грязь размазывала по щекам. Когда прибежала — мужики спасали соседние дома, никто не пытался поливать водой их пятистенки.

— Да люди вы или нет?! — дико закричала.

Бросилась в свою горящую избу — соседи еле удержали. Через секунду крыша и перекрытия рухнули.

Утром на месте пожара нашли всего несколько вещей: рукомойник, чугушки бабы Веры и железную кровать, где Тоня и Толик так любили друг друга. А под ней — одни мелкие угли...

Семёныч рассказал участковому, что накануне «сообразили», как обычно, на троих. Толик захотел спать, потому они быстро ушли. Уснул, видимо, с непотушенной папиросой, что уже не раз бывало.

Чтобы хоть что-то положить в гроб, с пепелища соседи собрали угли. Тоня эти дни провела на больничной койке под капельницами снотворного. Похороны прошли без неё.

Остался от этой сгоревшей любви младшенький Николай. До армии он тоже жил с матерью. Ещё старшеклассником в школе подрабатывал в совхозе на лошади, возил сено и помогал деньгами матери. После срочной ему предложили в колонии охранять эзков. Так он и остался далеко от дома, как говорили, на Северах.

— Как он там стоит на вышке? В мороз-то? — жалела Тоня младшенького.

Не знала, что на вышках уже не стоят конвоиры, видеокameraми зона напичкана. Зачерствело сердце на зоне, даже в день рождения Николай забывал мать поздравить, пока тётка не напоминала...

Не нашла баба Тоня в детях никакой отдушины: алкоголь Генашка, бездушный Саня, отдалившийся Николай... А ведь всю жизнь рвала жилы ради сыновей, только чтобы они не были ничем обделены. Она заступалась за них, как волчица, когда кто-то посмеет сказать плохое. И в доме, и в огороде нужно было, чтоб «не хуже, чем у других». Соседи поставили пластиковые окна — и ей надо. Не хватало денег — брала в долг. Запас прочности закончился: металл устаёт, а тут одинокая маленькая женщина. Сломалось что-то внутри, механизм какой-то. Нет, сердце стучало исправно, давление в норме, но не это двигало бабой Тоней. Её широкая душа — любить так любить, гулять так гулять — спряталась или истончилась. Потухли искорки в глазах.

«Уйти куда-нибудь от всех», — сказала как-то раз мне. Я промолчал, значения не придал. Баба Тоня словно хотела спрятаться от забот.

В дни запоев Генашки она порой приходила ко мне пожаловаться: считала меня, закончившего институт, «вумным»,

---

как она говорила. Надеюсь, что я дам рецепт, как вылечить от пьянства Генашку. Тот и без меня кодировался не раз — ненадолго хватало. К бабе Тоне я относился как к своей бабушке. Родные мои бабушки к тому времени уже ушли на тот свет. Жалко бабы Тони до слёз, потому что помочь ничем не мог. Засадить Генашку — тут же прибежит, попросит спастись. И она продолжала мучиться.

Генашка матери не давал ни копейки, хотя жили они в одном доме, одним хозяйством. Пенсии, заработанной вытянутыми на ферме от навоза и бидонов руками, едва хватало на самое необходимое: хлеб, консервы, куру.

— Все нервы вымотал, сволочуга! Всё пропил. Лежит в одежде на чистой кровати. Вот куплю себе холодильник, поставлю в спальню и замок повешу. Пусть подыхает с голодухи.

Однако уже на следующий день баба Тоня заявила вдруг радостная, чем смутила меня.

— Пошла утром в туалет, смотрю — бумажка на полу тысячная лежит. Не поверила. Только до меня Генашка был. Не с газетами, а с тысячами, значит, ходит в туалет! Дорогой сынок у меня! — хохотала баба Тоня.

Зелёную бумажку она, конечно, прибрала.

Надо сказать, прятать деньги друг от друга у них было семейной традицией: мать рассовывала пенсию в бельё, он — в дрова. В этот раз Генашка ничего другого придумать не мог, как засунуть остатки аванса в туалете за плитус. Зоркая баба Тоня случайно увидела голову Ярослава Мудрого на банкноте.

Находка была пущена в дело: куриная ножка на суп Генашке, чтобы завтра накормить, — может, и выйдет на работу.

В эту зиму, с морозами под сорок, баба Тоня совсем сникла. Ела чёрный хлеб, запивая сладким чаем. Все накопленные пенсии носила в старом заношенном халате (изнутри пришила кармашек, который застёгивала на булавку), чтобы Генашка не выкрал на опохмелку. Он по-прежнему страшно пил.

— Жёлтые глаза у сыночка твоего, печень, наверное, посадил. Не жилец он, — буркнул как-то хозяин пилорамы, случайно встретив на улице бабу Тоню.

— Не проживёт Генашка долго, — она тут же пришла ко мне поделиться горем.

— Ну, он всегда пил. Не слушай никого, — попытался, как всегда, успокоить.

— На что мне его хоронить? А? Да и жалко его, супостата, кровина моя как-никак, — и заплакала тихо, беззвучно.

Вот ведь: с сыном не может жить и без него — тоже. Она боялась, что не хватит на похороны после недавнего случая в деревне. Умер мужик, родных у него не было. Пять дней лежал в доме, не могли найти деньги на погребение. Власти сказали: везите в райцентр, похороним. А на что? Сам покойник не дойдёт. Собирали в магазине в коробочку по сотне. Схоронили чужие люди...

— Да ты что! Хоронишь живого! — не удержался, повысил голос.

Кончились силы у бабы Тони к марту. Снег начал подтаивать на деревянных мостках, а она всё из дома не выходит. И рассады не посадила. Об этом шептались соседки. Всё лежала на кровати в холодной комнате, из продуктов, которые изредка приносил Генашка из магазина, еду не готовила, пол не мыла. В доме прочно обосновался запах затхлости и сырости, как будто изба и не жилая вовсе. Печь Генашка топил не каждый день. Обычно белая, словно снег, она была заляпана сажей и остатками прибитых Генашкой мух. Замёрзли или засохли все цветы на подоконнике, из горшков выглядывали окурки.

У бабы Тони появилась блажь, что их с Генашкой власти решили выселить из дома. Изба была единственным богатством, капиталом, который она заработала за всю жизнь, нечто незыблемое, на что она всегда опиралась, что холила и лелеяла.

— Выселят ведь нас с Генашкой, — твердила.

— Да кто тебя выселит! Дом-то твой, собственность! — спокойно объясняю.

— Запустила всё, грязь везде...

— Так воду нагрей и помой. Что ты, баба Тоня!

Вместо этого она заговаривалась ещё больше: снова гордила, что уйдёт в лес — от сына, от позора, от разнесчастной своей доли. Разубеждать её в чём-то было бесполезно, она только смыкала плотно бескровные губы.

В тот вечер Генашка пришёл домой голодный и потому злой.

— Опять ничего не стоговила! Спишь только, бока отлёживаешь! — закричал.

— Не ори на мать!

Она встала, медленно пошла, голова закружилась, и её шатнуло в сторону. Генашке показалось, что она пытается что-то ему сделать, и он слегка толкнул мать. По крайней мере, ему показалось, что слегка. Похудевшей от недоедания бабе Тоне хватило и этого толчка, чтобы полететь в пыльный

угол. Когда в голове прояснилось после секундной темноты, она увидела перед собой красный газовый баллон: он стоял в пяти сантиметрах от того места, куда она приземлилась. Ещё бы чуть-чуть — и разможила седую голову. Резкая, обжигающая боль в правой руке не дала обрадоваться:

— Ой, изверг, руку сломал!

Генашка струхнул: вдруг срок дадут, как отцу? Нехотя он пошёл за фельдшерницей.

— Ты только это... Не говори, что да как было.

Она, конечно, не сказала никому, но все догадались сами. Рука у бабы Тони после перелома срослась криво, выглядела уродливо. Хуже того, делать теперь что-то по хозяйству стало невозможно. В субботу она не смогла истопить баню для Генашки. Он пришёл с работы уже выпивши. Баба Тоня ждала его после помывки хоть немного протрезвевшим, и он прибежал, как стёклышко. Упал на живот. Страшно заругался, снял трико, и она обомлела: краснющая кожа, пузыри.

— Упал... На печку-у-у, — Генашка орал благим матом.

— Говорила тебе — не ходи пьяным в баню!

Баба Тоня не успела договорить, как в неё полетела подушка.

Ночью Генашка не спал, ворочался, диван под ним скрипел. Поднялась температура, и он выпил две таблетки парацетамола. Не помогло. Утром пошёл сдаваться в амбулаторию. Фельдшерница, недолго думая, отправила Генашку, обварившего ягодицы и бёдра, на «скорой» в районную больницу. Деревенские бабы говорили, качая головой: «Поднял на мать руку — вот Боженька и наказал!»

Прошла неделя, и Генашка уже снова пил после работы, хвастаясь перед корешами:

— Сестричка в больнице мне сказала, что на мне заживает всё как на собаке. Ничего такая сестричка, ласковая, мягко мне обрабатывала мягкое место.

Друзья заготовали. Жизнь опять входила в пьяную колею.

Стоял конец апреля, давно отзвенела капель, набухали почки. Природа потихоньку оживала, деревенские готовились к весне: доставали картошку из погребов, закупали в городе разноцветные пакетики семян.

Генашка пришёл на обед, но матери дома не обнаружил. На огороде её тоже не нашёл. Вдруг на полу в коридоре увидел листок в клеточку, где карандашом мать наказывала: «Ушла в лес. НАСОВСЕМ».

Генашка забежал ко мне с шальными глазами:

— Мать ушла в лес!

— За пистиками? — я не обернулся. В этих краях собирали ранней весной хвощ, делали пирожки — пистишники. Морозили — надолго хватало.

— Нет, записку оставила, что в лес. Насовсем. Паря, делать-то чего? Чего делать-то? — голос у Генашки был на редкость трезвый, в нём сквозила неподдельная тревога.

Через пять минут я бежал к участковому, чтобы тот собирал мужиков на поиски. В лесу в низинках ещё лежал снег. За мной, тяжело дыша и прокуренно кашляя, едва поспевал Генка: «Ох, скорее надо: замёрзнёт, дурья башка!..»

РАЙСКОЕ НАСЛАЖДЕНИЕ

Семён каждое утро с неистовой силой мёл тротуар, будто хотел довести его до идеальной чистоты, выковырять даже камушки, оказавшиеся в асфальтовой смеси. Был он предпенсионером (вот тоже придумали правители слово!) и выглядел типичным дворником. Фуфайку носил чуть ли не полгода, с ранней осени до первых листочков в мае. Сам худющий, что кол, но благодаря этой деревенской одежде казался полноватым. От ветра и солнца шурился, часто текли слёзы, и сделать с этим ничего было нельзя, только достать нечистый носовик, вытереть их и тут же высморкаться. Старая кроличья шапка с поднятыми ушами расползлась на его голове, словно это сам кролик запрыгнул. На ногах тяжёлые, всегда грязноватые сапоги, с которых сыпался песок или отлетали прилипшие листочки, за что его не любили пускать даже в холл отеля, при котором он работал.

— Опять после тебя мыть! — ругалась уборщица Надя, толстуха, которая жила в той же деревне через дорогу, что и Семён.

— Ты у нас всех клиентов распугаешь! Иди-иди, — шипела администраторша Вероника. И, кажется, добавляла: «чучело». Или Семёну так слышалось. Она относилась к нему брезгливо, как к прислуге (а сама-то кто?), и он это чувствовал. Словно бездомная дворняга с грязными лапами, Семён побито удалялся из дворца с белым мраморным полом...

Когда-то в этом здании был советский дом отдыха, который теперь превратился в спа-отель. Что сие мудрёное название означает, Семён толком не знал и толковал по-своему: «спа» — начальное от «спать». Отель он говорил с мягким «т», что звучало забавно: не отэль, а именно отель.

Движения у дворника были быстрые. А как иначе? Жил он бобылём. Кроме работы, приходилось ещё свой домишко оби-

---

хаживать. Только на себя вся «надёжа». К семи утра он приводил в порядок дорожки из спального корпуса к столовой, чтобы на пути к завтраку никто не поскользнулся или не ступил в лужу, замаскированную листьями. Летом убирал не донесённые до урн бутылки, пакеты от чипсов, окурки. Словом, и зимой, и летом он постоянно с чем-то боролся: с природным мусором или человеческим.

Почти все деревенские жители работали в доме отдыха — горничные, повара, медсёстры. Так уж исторически сложилось: деревенские всегда пахали на городских, кормили их. Кажется, и сам дом отдыха построили рядом, чтобы недалеко им было идти на работу. Но официально другая версия: здание поставили у озера, в котором нашли в 70-х годах уже прошлого века целебные илистые грязи, со дна их выкачивали мощным насосом. Когда судостроительный завод, который возвёл этот дом отдыха для своих сотрудников, отказался в тяжёлые годы его содержать, все чуть не остались без куска хлеба. Сельским хозяйством деревня в то время уже не жила, поля заросли сосенками.

К счастью, дом отдыха выкупили какие-то нувориши (замечательное определение дал народ — ну-вориши!) и мигом сделали из совкового здания спа-отель. Грязи, которыми поливали работяг чуть ли не из шланга, теперь аккуратно размазывали по телу специальными лопатками.

Семён помнил, как в детстве с друзьями они мазали друг друга этой самой жижей, и те, кто выпачкался, должен был в догонялках «водить». Грязь начиналась прямо после пляжа, стоило немного пройти в воду от берега. В последние годы её качали с другого края озера, примыкающего к болоту, и потому эта топь казалась неисчерпаемой. Семён никак не мог взять в толк, как можно платить бешеные бабки за то, чем раньше все пользовались бесплатно.

Но больше его раздражали некоторые обитательницы дома отдыха. Он неодобрительно смотрел на них и зло думал: «Никакая им грязь уже не поможет. Тёлки». Семён терпеть не мог, когда немолодые женщины носили не штаны, а трико почти в обтяжку...

Новые хозяева отеля разделили номера на три типа: первый этаж — третья категория. Это были небольшие комнаты с плиткой в ванной, сохранившейся ещё с времён дома отдыха. Второй этаж — соответственно вторая категория. Отремонтировали эти номера так себе: явно сэкономили. Ну и третий, мансардный этаж, — люксы. Шиканули на материалах, но ремонт делали криворукие выходцы из бывших южных республик. В крыше прорубили окна, теперь лежи на

кровати и смотри сквозь прозрачное стекло на корабельные сосны, догоняющие небо, и на старые хмурые ели. Можно и на улицу не выходить.

Семён заметил, что отдыхающие из третьей категории, часто приезжавшие в отель на рейсовом автобусе, были более капризные. Из каждого дня в отеле они хотели выжать максимум. Те, кто поселился в люксах, добирались на собственных авто, «лендкрузерах», которые по размеру выглядели ничуть не меньше старенькой баньки Семёна. Иногда «папики» привозили в отель то ли своих жён, то ли любовниц. Он в это вникать не хотел.

В последние годы у него появилась привычка подкармливать хлебом птиц, за которую его ругали: после их жизнедеятельности на асфальтовых дорожках оставались некрасивые следы. Семён не мог видеть, когда хлеб, как другие отходы, выбрасывали в контейнер. Тётка, пережившая блокаду, точно убила бы столовских работников. Оставшиеся первые и вторые порции они брали себе, а хлеб отдавали Семёну.

Каждое утро после приборки территории он доставал пакетик с сухарями. Птицы его уже ждали, узнавали по фигуре. Только полезет во внутренний карман — тут же слетались. Ворковали, приветствовали голуби. Веселились, словно дети, воробушки. Только вечно недовольные вороны каркали на самых верхушках берёз.

«Боятся. Етишкин корень! А чего бояться? Я их не съем», — то ли думал, то говорил вслух Семён.

За птиц его шпыняла директриса отеля. Она знала, что Семён нещадно критиковал её за неумелое хозяйствование: зачем, например, пластиковые рамы заменила на такие же пластиковые, только новые.

— Лет семь, не больше, отстояли. Деньги отмывает, поди! — говорил охраннику. Видимо, тот же и донёс руководству: и без того миниатюрная зарплата у Семёна резко уменьшилась. Правда, как компенсацию одну старую раму он ночью уволок, чтобы вставить у себя в доме.

Не может любой человек без мечты. У Семёна она рождалась долго, в те часы и дни, когда он подметал мусор и выкидывал снег на газоны. Он выносил её, как ребёнка: «Хоть пару бы дней отдохнуть в этом заведении!» Но как? Он знал ценник: два выходных дня с процедурами (теми самыми, «грязными») обходились в месячную зарплату дворника. И это совсем не шутка. Он кое-как выживал. После получения зарплаты ездил в город в огромный, как аэропорт, мегамаркет на окраине за продуктами, которые стояли рядом с бытовой химией. Не один он, конечно, там закупулся, многие

деревенские жители да и бедные городские тоже. Что брал? Отходы от кури для супа. Консервы на день, когда было не до готовки. Макароны... Ну, может, Семёну зарплату хватало бы и на большее, если б не известная страсть. Да, выпивал. Что ещё оставалось делать в деревне после тяжёлой работы? Надо отдохнуть было. Но на мечту он начал потихоньку копить.

Конечно, не каждый месяц удавалось откладывать в шкатулку по красной бумажке с Петром Первым. Шкатулочка была, к слову, самой красивой вещью в холостяцком доме Семёна. Хохломская роспись, внутри красная, вся покрытая блестящим лаком. Семён не пропил эту чудную вещицу после смерти матери, не посмел. В шкатулке она хранила украшения, обручальное колечко, простенькие бусы. Вот в эту прелесть он и собирал на свой отдых. Иногда, правда, он брал из своего «энзэ». Пришлось копить и копить, откладывать. Отпуск он обычно проводил в деревне, с удочкой у озера. Никуда не ездил. А куда? Все родственники тут, правильнее сказать, там, на том свете.

Прошла зима, лето, но Семён не отказался от своей затеи отдохнуть в отеле, только и жил мечтой, когда приходилось совсем тяжко. Снег вытягивал жилистые, с синими венами руки. Тонкие сухие ноги к вечеру не держали Семёна. «Вот отдохну маленько, подлечусь, как эти тёлки!» — успокаивал себя.

Обещанного себе тоже три года ждут. Сумма собралась как раз к очередному отпуску. «Пусть не 28 дней, а два, но проведу, как в раю», — мечтал. И начал собираться в отель. Что же надеть? «Етишкин корень! Трико в дырках», — заругался на себя. Джинсы у него были «на выход». «Вот в них и буду щеголять», — решил. Упаковал новые рубашку и футболку (тоже из мегамаркета, там в корзине у кассы взял). Вот с трусами вышла досада. Стыдно было новые покупать — в очереди незнакомые люди увидели бы. Пришлось взять старые семейные — в полосочку, от стирки уже не такие видные.

И вот радостный день наступил. Добираться от дома до отеля недалеко, надо пройти котельную, пересечь асфальтовую дорогу. На смене в отеле дежурила та самая администраторша Вероника, которая его не пускала погреться даже в морозы.

— Путёвку мне «Райское наслаждение». На два дня, — Семён знал, как называется самая дорогая путёвка. — Номер в люксе.

— Ты обалдел? Иди проспись! — заорала Вероника. Лицо надулось от гнева и стало красным.

— Но ты... Вот деньги! Оформляй, не ерпенься! — Семён еле сдержал матерное слово.

Он кинул через стойку свой потрёпанный, без обложки, паспорт и пятисотки, аккуратно перевязанные резинкой.

Надо было видеть физиономию Вероники. Она взяла деньги, медленно пересчитала. Чуть не каждую купюру смотрела через специальный прибор: не фальшивая ли. И этим тоже хотела унижить Семёна.

— Шевелись быстрее. Время — деньги! — Семён взял тон Вероники.

Вот и заветный ключ от люкса в мозолистых руках. Как долго он ждал этого момента! Зашёл в номер и почувствовал себя словно прыщик на красивом лице. Зеркало во весь рост. Две стены поклеены обоями одного цвета, другие две — иного. «Дизайнерский ремонт, етишкин корень!», — удивился Семён.

Он прошёл в уличной обуви, улёгся на кровать и... утонул. Словно перина. Откинул покрывало — белоснежное, словно стерильное, постельное бельё. Вдохнул сладкий аромат роз, исходящий от подушек. Однако разлёживаться было некогда. Заурчал живот — дома ничего не поел, и Семён отправился на завтрак в столовую.

— Ты чего такой нарядный? Как жених! Только галстука не хватает! — засмеялась повариха Антонина. — За хлебом рановато ещё.

— Я путёвку купил. Давай накрывай поскорее! — грубо ответил Семён. Он поймал себя на мысли, что говорит, как тёлки из номеров третьей категории — с гонором.

— Талон от путёвки! — побелев, как молоко, потребовала с Семёна Антонина.

Он молча подал документ.

Таких завтраков у него никогда не было. Кажется, Семён наелся на весь день. Каша, омлет, кофе с круассаном или, по-простому, булочкой. Еле встал из-за стола. Впереди значились грязевые аппликации.

В лечебном корпусе дежурила молодая женщина Настя Тошиха, тоже из их деревни.

— Дядя Семён, а чего это вы здесь делаете? — спросила по-доброму.

— Я путёвку купил, — он повторил ту же заученную фразу, что и в столовой. — С питанием и процедурами.

— Ну, тогда проходите, раздевайтесь. Сейчас я вас омоложу, — и запнулась. Это слово явно не подходило Семёну. — Подлечу.

Семён знал, что надо раздеваться, чтобы принять грязь. Чуть не упал, путаясь в джинсах. Старые трусы, как паруса, развевались на тощих ногах. Стало неловко.

— Полностью раздевайтесь, трусы снимайте, — сказала Настя без эмоций, буднично.

— Как это? В трусах-то можно? — закричал Семён.

— Дядя Семён, так испачкаются же, не отстираете. Да и полезно для... — Настя замялась.

Семёну ничего не оставалось, как снять последнее. Прикрывшись ладонями, зашёл в кабинку.

— Ложитесь на спину, — продолжала мягко командовать Настя. И стала мазать его грязью. Потом укутала плёнкой, одеялом, и он оказался, словно в коконе.

— Лежите, отдыхайте, — и ушла.

Потёк пот, застучало сердечко. «Ну и сраму натерпелся на старости лет», — думал про себя.

Не в радость была эта процедура, еле смыл грязь. Одеваясь, вспомнил свои детские ощущения: кожа стала такая же бархатистая, как после грязевых купаний с друзьями в озере.

Потом наступил обед, который опять наполнил плоский живот Семёна. Отрыгивая компотом, он улёгся на кровать и... заснул. Впервые в жизни он спал крепким сном днём, не после алкоголя, а просто так. Проснулся, когда начало темнеть.

Ещё одна процедура ждала Семёна — циркулярный душ. «Циркулярную пилу знаю, а что такое душ...» — думал уже со страхом. Оказалось, что из металлических трубок под давлением били по всему телу мелкие, но сильные струйки тёплой воды. Он невольно засмеялся, будто его щекотали под рёбрами. Опять вспомнилось детство: так его в первом классе щекотали Тонька и Ксюха из параллельного, крупные девчонки зажали его в тёмном углу под лестницей, и он не мог вырваться... Года три назад Тонька сгорела с мужем после запоя в своём доме, а Ксюха нашла («выписала», как говорили в деревне) по Интернету жениха в Швеции и уехала туда с концами...

Однако впереди был расслабляющий массаж. Снова пришлось показать свои полосатые трусы, но в этот раз незнакомой девушке-массажистке. Массаж был от головы до пальцев ног. То ли запах масляной лампадки в массажном кабинете, то ли тихая медленная музыка подействовали, но Семён снова чуть не уснул. Мягкие движения по голове напомнили руки матери, которые приглаживали непослушные вихры. Она не выдержала запойной пьянки любимого сыночка —

сердечный приступ... У Семёна заныло под сердцем: мать! Сколько он не ходил на могилку?! Прости, мама...

Разбередил этот отель старые раны. После ужина Семён зарулил в поселковый магазин, не удержался — купил «маленькую». Разделся в номере, улёгся под пуховое одеяло, которое ему показалось таким лёгким, что будто и не было его вовсе. Он смотрел сквозь стекло в потолке на рассыпавшиеся в беспорядке звёзды и думал: а счастлив ли он сейчас? Неужели счастье заключается в животе, заполненном в столовой, мягкой, как в детстве, коже после грязи? А может, секунды счастья были в тех воспоминаниях, что вдруг нахлынули? Или только сейчас у него появилось время, чтоб оглянуться назад, не убирать мусор за другими, а прибраться в своей жизни?

Кровать, которой Семён так наслаждался ещё с утра, показалась ему сейчас неестественно мягкой, затягивающей, словно болотная топь. Он хорошо помнил, как тонул в тряпине за деревней, когда ему было лет десять. Во всём виновата клюква, за которой он с пацанами отправился без взрослых. Если бы сосед Димка, старший из их компашки, не кинул жердину, не вылезти бы самому.. Он привык спать на твёрдом — дома до сих пор стоит металлическая кровать с продавленной ржавой сеткой. «Не было перин — и не надо», — успокаивал себя, ворочаясь с боку на бок. Долго не мог уснуть, сказывалась выпитая дешёвая водка. Только к утру Семён забылся тревожным сном.

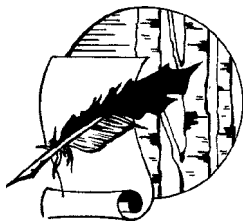
Пробудился от голоса пичуги, севшей на приоткрытое пластиковое окно. Она твинькала как синичка, только много громче. «Чёрт, я же не покормил своих птах!» — поспешно сел он в постели. Солнце светило в глаза, отчего они заслезилась. Семён быстро собрал вещички и спустился вниз. В отеле стояла непривычная тишина.

— Ты куда? Ещё же день у тебя! — удивилась сонная Вероника.

— На работу! Хватит валяться!

Даже не удостоив администраторшу взглядом, побежал домой. Там на ветках старых раскидистых берёз его уже ждали весёлые воробьи и радостные голуби. Переодевшись в привычную для себя мешковатую одежду, он с новой силой принялся мести тротуар, улыбался солнышку и был по-настоящему счастлив.

г. Северодвинск

Георгий КОЛЬЦОВ
(1945 — 1985)

СИЛА РОДСТВА

* * *

Земля от слёз почти просохла
И в незабудках зацвела.
Но вдовьей памятью посёлка
Здесь безотцовщина была.

И не единожды я слышал
Старух незлые голоса,
Что, мол, ни в дедушку не вышел
И ни в покойного отца.

А я, с мечтой о доле лучшей,
Похожим быть на них хотел...
Шёл по земле век революций
И потрясений,
И потерь.

И мне пришлось в квадратах стрельбищ
С упора и в упор стрелять...
Двадцатый век,
Ты мягко стелешь,
Да на перинах жестко спать.

РОДОСЛОВНАЯ

Сколько смешано судеб
И различных кровей!
Добираюсь до сути
Родословной своей.

Дед родился в Николу.
И один на один,
Был пока ещё молод,
На медведя ходил.

Шкуры в старом сарае
Много лет берегли.
От него,
Николая,
Николаи пошли.

Но отец мой в атаке
Был сильней во сто крат.
Выходил он на танки
Со связкой гранат.

А без вести пропавших
Сколько в нашем роду?..
По следам землепашцев
И служилых
Иду.

Не сгибались под ветром,
Не боялись огня.
В честь их
Именем светлым
И назвали меня.

Ну, а если я струшу
В горьком беге минут,
Мёртвых прадедов души
Пусть меня
Проклянут.

ЗИМОВЬЁ

Доверившись особому
Таежному чутью,
Удачно —
Как на соболя! —
Я вышел к зимовью.

Продутое метелями,
В сосульках и в снегу,

Оно в тайге затеряно
Иголкою в стогу.

Снег, лезущий за шиворот,
Выстуживал слегка
Углы, насквозь прошитые
Узором куржака.

И хоть не обихожена,
Хибарка не пуста:
В ней на сухом валежнике
Белела береста.

На лавке, грубо рубленной,
Шершавой и косой,
Отсвечивала крупная
В консервной банке
Соль.

И всё необходимое
На полке у дверей —
От пороха бездымного
До мерзлых сухарей.

Пристанище удобное
С лежанкой и плитой...
И печь уже растоплена
Той самой берестой.

Огонь лоснился замшево
И норовил рывком
Лизнуть ладонь озябшую
Собачьим языком.

Сосульки звонко таяли
На доньшке ковша...
Здесь для меня оставлено
Не что-нибудь —
Душа!

За щедрость
И доверчивость
Чем отплатить смогу?
Сушняк рублю я вечером
На розовом снегу.

МАНЬЧЖУРИЯ

И сквозь века
Я слышу гик погони
И вижу пепелища городов...
Пасутся неосёдланные кони
В низинах сопок,
Словно у шатров.

А степь вокруг,
Как выжженная крепость,
Пылится под набегами ветров...
Солёные озёра в местный эпос
Входили очертанием подков.

На поле брани вдовы голосили.
Тот стон был слышен рядом и вдали.
И не было беды невыносимей
С момента сотворения земли.

Красивых русоколых полонянок
Монголы гнали с гиканьем в Орду.
Неся беду другим в тугих колчанах,
На свой же род
Накликали беду.

И чёрная Орда, не золотая,
Ещё представить даже не могла,
Что, как бы высоко ни залетала,
Всегда на землю падает стрела.

И, описав дугу,
Стрела находит,
Выходит так,
Не только лишь врага...
Коню — нести кочевника в походе,
А жёнам — тосковать у очага.

Слезились очи молодых монголов.
Что — юрты без детей?
Они пусты!
И с той поры на склонах сопок голых
От слёз их вдовьих
Зацвели цветы.

---

* * *

От Братска вверх
Шла зона затопления.
От нового посёлка вдалеке
Стояла на холме
Изба последняя,
Каким-то странным вызовом реке.

Моторов гул к ней
Даже не доносится —
Большак проходит выше и правей...
О, как невыносимо одиночество,
Когда не знаешь участи своей...

Она зовёт кого-то,
Как Алёнушка,
Она всё ждёт кого-то,
Как вдова...
Раскатят ли потом её по брёвнышкам,
Спалют или распилят на дрова?..

Как будто кто в ней всхлипнет поздним вечером,
Тихонько скрипнет ставень на ветру.
И по-крестьянски нежно
И доверчиво
Глядят окошки вниз на Ангару..

Изба стояла
В зоне затопления,
А море подступало не спеша,
На смутной ряби вздрагивала тень её,
А может быть, не просто тень —
Душа.

БРАТЪЯ

Страницы жизни в памяти листаю
И убеждаюсь в том не первый год,
Что не могу без младшего братана.
А вот со старшим — мир нас не берёт.

Срывается он часто,
Как Бетховен.
Больна его душа, но не глуха.

Он наловил на зиму маме брёвен,
Их в половодье вынесла река.

И на него военных лет наследье
Легло, как тень от чёрного крыла.
А младший между нами
Как посредник —
В нём столько не растрчено тепла!

На свадьбах у друзей с ним интересно.
Уж если он растягивал меха,
В тот миг жалела бедная невеста,
Что не того
Бог дал ей жениха!

И не найти красивей и моложе
Ни в этом,
Ни в каком другом кругу..
Со старшим мы характерами схожи,
А всё ж понять его я не могу.

Не зацветет черемуха и вишня,
Пока на речке не растает лёд..
Мы в самых ближних
Безнадежно ищем
То, что в себе
Нам так недостаёт.

* * *

У людей, у травы, у зимы,
У байкальского крепкого кедра
Много было мной взято взаймы
И давно разбазарено щедро.

То была золотая пора,
Где никто и не требовал платы
За ночёвки в лесу у костра,
За характер и нрав азиата.

В мире,
Солнцем шальным залитом
И согретом сиреневым светом,
Как о чем-нибудь самом простом,
Никогда я не думал об этом.

Думал я — будет всё и всегда
Доставаться легко и бесплатно.
И летели, как листья, года.
И казалось, летят — ну, и ладно!

Пахло мёдом, любовью, весной.
Даже август мой был в отдаленье.
И не знал я, какую ценой
Предстоит мне платить за прозренья.

И не выразить сложности чувств —
Чувств мужских, а не детских чудачеств...
Чем я в жизни
За жизнь расплачусь?
Может, тем,
Что возьму — да расплачусь...

ПОДСНЕЖНИКИ

Сплошными сопками закрытая,
Местами выжжено бела,
Здесь степь,
Снарядами изрытая,
Солдатским стрельбищем была.

Мишени, пахнувшие краскою!
Прижав приклад к плечу плотней,
По ним с утра,
Затвором клацая,
Стреляли тысячи парней.

И поначалу просто выжженной
Земля казалась нам дотла.
Но степь жила,
(А может, выжила),
Цветы весной преподнесла.

И сколько было в этом свежести
И откровения земли,
Когда на стрельбище
Подснежники
Наперекор всему цвели.

---

* * *

От ветра клонится берёзка,
И плачет под косою трава...
За жизнь приходится бороться,
Отстаивать свои права.

Вот, ото льдов освобождаясь,
Бунтует силища реки.
На ветках диких яблонь
Завязь
Сорвать не в силах
Сквозняки.

За властью или за лосихой
Идя под гордый клич трубы,
Рога
В порыве страсти дикой
Сохатый точит для борьбы.

И рвёт на мелководе жабры
Кета под тяжестью икры...
Или победу одержал ты,
Или выходишь из игры...

РОДНОЙ ДОМ

Валентину Распутину

Снова в тесном доме соберёмся,
Три окошка — к реке под бугор...
А причина, возможно,
Лишь в том вся,
Что здесь мамка живёт до сих пор.

Мы смолистых дровишек наколем,
Засучив до локтей рукава.
На зелёном картофельном поле
Отцвела и пожухла ботва.

С чем сравнить материнскую старость?
С тяжкой участью тихих берёз,
На которых листья не осталось, —
Всю по свету ветрище разнёс...

Старший соль добывает в Усолье.
Младший брат обживает Москву.
Да и я в городок невысокий
Мать давно безнадежно зову.

Рвётся нитка в том месте, где тонко.
Ну а если она не тонка?
Наша мать, коренная чалдонка,
Дом бросать свой не хочет пока.

Сердцем чует:
Пока он не продан,
Каждый связан надёжным узлом
И с землею,
Откуда мы родом,
И с закатом за синим селом...

В доме, где не нажили богатства,
Где пока ещё мама жива,
Заставляет нас всех собираться
Неизбывная сила родства.

ПАРОМЩИК

Вновь засидится дед Никита
На тёплой лавке дотемна.
«Верховцем» к берегу пришита
Зеленоватая волна.

Как бубен в лапищах шамана,
Играет галечник внизу..
Давно ль рука штурвал сжимала
И ветер
Вышибал слезу?

Давно ль с постели поднимала
Его, паромщика, кляня,
На грани ночи и тумана,
Сигналя дико,
Шоферня?

Завидуя деревне спящей,
Срывал с гвоздя
Свой ватник зло.

Но с выполнением плана чаще
Со скрипом всё же дело шло.

А запросить за риск
Дороже
Мешали совесть и душа.
Он по рублёвке брал за лошадь,
А с человека — ни гроша!

И плахи палубы дрожали
И танцплощадкой был паром,
Когда на службу провожали
Парней заречных
Всем селом.

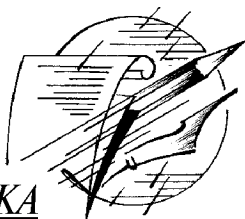
И по наивности он верил,
Что через день иль через год
Всех, на другой ступивших берег,
Домой под вечер
Привезёт!

Теперь паром уже не нужен,
Как и Никита,
Никому...
И карбас, брошенный на суше,
Стоит как памятник ему.

ВТОРИЧНОЕ ОДИЧАНИЕ В ЦИФРОВОМ МИРЕ

Начну с цифрового мира. Думаю, в двадцатом году двадцать первого века уже никому не нужно объяснять, что это такое. Вспомним известное утверждение Пикассо и немного перефразируем: литература — это ложь, которая говорит правду. И ведь не поспоришь! На самом деле именно писатели первыми и намного раньше цифровых времён представили нам это самое цифровое время в ярких художественных образах. Давайте вспомним роман Чернышевского «Что делать?», с идеей стеклянных домов и полной прозрачностью общества. Ленин говорил, что этот роман «рано читать тем, у кого молоко на губах не обсохло». В этом же ряду роман-утопия Евгения Замятина «Мы», который уже сто лет повествует о тоталитарном обществе будущего, управляемом по математически выверенным формулам. И в одном, и в другом произведениях звучит главная мысль: свобода и счастье несовместимы. Даже двери и полы в романе Замятина тоже стеклянные.

В 1949 году Джордж Оурэл выпускает свою знаменитую книгу (запрещённую ныне в Китае) «1984», и, думаю, совсем не случайно выходит она парал-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

лельно с окончанием работы над рукописью «Властелин колец» Толкина. У Оруэлла прозрачность жизни общества обеспечивает телеэкран, который работает в двух направлениях: и на приём, и на трансляцию. Однако суть цифрового мира, на мой взгляд, идеально ёмко и образно удалось определить именно Толкину: око Саурана на башне. Оно неусыпно наблюдает за каждым живым существом Средиземья. И, главное, оно устремлено не просто в пространство, а в глубину сознания. Под оком Саурана теряется собственная воля, оно блокирует самооценки и делает людей не только послушными и управляемыми, но глупыми и недалёкими. По своему виду око Саурана напоминает глаз с масонской дельты, изображённый на каждом долларе и словно неколебимо запечатлёвшийся: «Тебе не скрыться...»

Всевидящий глаз есть и у христианской религии. Существует старообрядческая икона «Божественное око». Это прообраз Страшного Божественного суда, на котором откроются все поступки и мысли каждого. Но люди решили создать свою систему. И вот сегодня, чтобы приучить наших детей к уже далеко не утопическому прозрачному миру существуют телешоу и телепроекты «За стеклом», «Большой брат»: зрители смотрят и не подозревают, что и сами окажутся в этом просвеченном и пробуравленном оком Саурана мире. Уже внедряется сканирование детских лиц в школах. Зачем? Ведь оно не защитит ни от террористов, ни от проноса опасных предметов, ни от конфликтов внутри школы, ни от опасных травм. Выходит, что главная суть проекта — приучить к правилам и реалиям жизни в новом прозрачном цифровом мире?

Я не считаю себя замшелым консерватором, отрицающим технический прогресс и подвергающим острокизму всё, что может нести в себе цифровизация. Сама по себе цифра — это только средство. Как использовать её — зависит от человека. К сожалению, обманываться не приходится. Понятие воли и свободы в создаваемом на наших глазах цифровом пространстве исчезает вовсе. Власть нуждается в тайне. Индивид превращается в товар. К внедрению в нашу жизнь прозрачных стен и дверей, несомненно, толкает торговля. Количество денег, которые тратят дети с 12 лет и младше, в скором будущем в Америке будет составлять триллион долларов. Вот и представьте себе жизнь под стеклом на фоне ювенальной полиции. И только попробуйте отказать ребёнку, требующему купить ту или иную игрушку, попробуйте таким образом травмировать дитя... Последствия не заставят себя ждать.

Теперь из цифрового мира, из мира стекла и пластика, повсеместного электричества и ТВ-комфорта давайте обратимся к

временам страшным, диким, древним, доисторическим. В традиционно-упрощенном понимании мы привыкли видеть древних людей как распушенных, злобных тварей, в среде которых царят полный половой беспорядок, кровавые культы и дикие суеверия, идолопоклонничество и жажда насилия. Это видение очень соответствовало марксистской и либеральной концепциям об исторической изменчивости человечности, о непостоянстве смыслового содержания этого понятия. Увы, оно мало соответствует исторической правде. Труды антропологов доказано, что стадия промискуитета, полового беспредела, не есть первичное состояние человеческого стада, что она уже вторична для человеческих племен, и она же — противоположная, созданная под влиянием демонических религиозных культов. Человеческие жертвоприношения не свойственны древним общинам, они появляются много позже начала истории, и появляются не сами по себе, а в ходе развития демонических мистерий. Ранние общества вполне гуманны, словно бы не вышли из животного стада. Даже преступников-душегубов там не казнят и не приносят в жертву, а изгоняют. Причём не являются исключением и древние племена, и культуры мезо-Америки, о которых мы знаем сегодня как о претерпевших наиболее сильное демоническое влияние. Так вот у Ацтеков, Майя и Инков жертвоприношения людей вошли в практику не от начала государственности, а много позже. «До установления господства тольтеков в жертву приносили чаще все же не людей, а животных. Известно, что дикие индейки, собаки, белки и игуаны считались вполне подходящими приношениями для богов майя» (См.: Майкл Ко, «Майя», М. 2001. С. 207).

Таким образом, *«демонические культы появлялись не совместно с организацией городов-государств или укрепленных поселков, они возникали совершенно независимо от вещественной стадии развития той или иной культуры. Теории об их «особой» нравственности, об особых моральных мерках для каждой эпохи безосновательны. Добрые люди древности были не менее добры, чем добрые люди нашего времени, и злые люди древности были не более злы, чем наши злодеи. По сути, нет ни одного вида злодейства, которое ушло бы в прошлое вместе с изменением и развитием материальной культуры. В XX веке человечество тешило себя иллюзиями, что мы «переросли» жестокие способы казней и пытки, но, как показывает XXI, мы ничего не «переросли», и в иных душах не меньше тьмы, чем в душах кутиев или гуннов»* (А. Леонидов-Филиппов «Демонические культы: шёпот преисподней»).

Нельзя не вспомнить в этой связи слова Генриха Лейбница, сказанные в XVII веке: «Зло публично удваивается». Да

и как не вспомнить это его утверждение в наш цифровой век, с нашими ТВ и Интернетом, напичканными сценами насилия и разврата... **Публичное зло удваивается!**

По словам писателя и учёного Александра Леонидова, «демонизм, очевидно, имеет опору вне человеческой природы, поскольку обладает унифицирующей однородностью проявлений — стабильный и сильный вектор воздействия на всю человеческую историю. Ключевым направлением демонизма является деятельность по уничтожению материальных носителей информации, памяти и сознания, а также препятствование их нормальному функционированию. Демонизм становится протоосновой ряда религий, идеологий, социальных практик. Именно это дает основания не относить демонические практики, встреченные у примитивных племён Африки, на счет «животности», близости к природе, наследию до-человеческих стадных отношений».

В XIX веке учёные-этнографы изучали демонические культуры на примере бесчеловечных ритуалов у народов западного Банту. Это большие этнические группы, проживающие практически по всей территории Африки. Совершенно непонятное для нормального человека стремление мучить своих соплеменников, упиваться их страданиями и паническим ужасом, их смертью от пыток, причём безо всякой разумной хозяйственной надобности. Как утверждает Деникер, именно эта жажда мучений стала в конце XIX века одной из **главных** причин вымирания народов, например, во французском Конго.

Решусь предположить на примере антикультурного развития народов Банту, что человеконенавистничество и вторичное одичание грозит и христианским народам, если они забудут заповеди Спасителя, который, придя в мир, уберег нас от шёпота преисподней, имеющей конечной целью всеобщую смерть человеческого рода, того самого шёпота, от которого не были защищены народы в Африке.

Людоедство и садистские ритуалы возникли не в седой древности, произошли не от «бескультурия» и темноты. Народные легенды многих европейских стран повествуют о «золотом веке», за которым, увы, последовало отступление от данных Богом заповедей, произошла демонизация общества и порча нравов.

Ведь у того же народа Банту исследователи с огромным удивлением обнаружили подтверждения их версии легенды о «золотом веке». Выяснилось, что в исторически обозримом прошлом Банту жили в справедливом государстве Бу-Шонго. В котором правили мудрые властители, избирались делегаты от разных ремесел, даже от женщин и от рабов. Именно

эти делегаты играли роль противовесов и в составе советов ограничивали власть правителя в пользу различных социальных слоёв. «Моральный кодекс Бу-Шонго, — пишет Денкер, — стоял на высокой степени развития». Кстати, существует и европейская легенда о «золотом веке», который мы уже миновали. Относя поначалу эту легенду к выдумке, учёные склонны теперь поменять своё мнение и признать его существование во времена былые.

А теперь снова вернёмся в XXI век и посмотрим, как может продвигаться у нас, например, идея каннибализма. Вернее, как в окне Овертона невероятное становится нормой. Я лишь схематически обрисую, наверняка многим эти технологии уже знакомы. Итак, в вожделенном цифровом сказочно-прекрасном далёком от дикости цивилизованном мире существует свобода слова. И почему бы не поговорить о людоедстве? Особенно учёным, например, на этнологическом симпозиуме по теме «Мистические культуры африканских племён». О каннибализме, оказывается, можно говорить вполне предметно и респектабельно. Окно Овертона сдвинулось. Одновременно с околонучной дискуссией в инете может возникнуть «совершенно случайно» «Общество радикальных каннибалов». И все мировые СМИ об этом сообщат, расскажут о «плохих радикальных каннибалах». Табу снято, тема десакрализована. Следующее движение Окна — перевод темы из радикальной области в область возможного. На этой стадии цитируются «учёные». Ведь нельзя отворачиваться от знаний. А тот, кто откажется обсуждать каннибализм — лицемер и ханжа. Осуждая ханжество, людоедству обязательно заменят название. Нет больше людоедства и каннибализма, они слишком оскорбительны. Теперь их обозначают как антропофилия, например. Параллельно с игрой в названия вытаскиваются все факты легитимные из истории и мифов. Мать напоила своей кровью жаждущих детей, античные боги поедали всё подряд. и проч. Главная задача этого этапа вывести поедание людей из-под уголовного преследования. Затем Окно Овертона двигается из области возможного в область рационального. Создаётся «поле боя» за проблему: «пусть каждый решит сам», «пусть определит, кто он — антропофил или антропофоб», «не скрывайте проблему», «а есть ли в антропофилии вред?». «Учёные» и журналисты доказывают, что человечество на протяжении всей своей истории поедало друг друга. Антропофилия массово проникает в новости и ток-шоу. Выясняется, что многие великие — антропофилы...

И вот кто-то уже съел свою жену, потому что жизнь заставила. А если быть объективным, то антропофилы — хорошие

люди, у них высокий IQ. «Она хотела быть им съеденной, потому что это была Великая любовь...» Начинается подготовка законодательной базы... Слава Богу, пока этого у нас нет. Но уже есть Грета Тунберг, уже есть призывы употреблять в пищу трупы людей, уже кричат датские школьники, предлагая поедать младенцев ради спасения Земли, ради спасения несчастных животных. Кстати, закон о защите животных был принят Гитлером в Германии, Гитлер любил животный мир, особенно собак. И как тут не вспомнить: «Если заговорили о любви к животным, жди бесчеловечные времена... Технология Окна Овертона работает даже при её осознании. Воздействие на подсознание оказывается через базовые потребности человека.

1. Толерантность. 2. Эвфемизм, т.е. замена неудобного термина на нейтральный, не несущий эмоциональной нагрузки (так душегуб и убийца сал киллером). 3. Принадлежность к стае. 4. Иллюзия авторитета. 5. Законно — значит правильно.

Цель технологии — получить новый нужный вектор развития. Кто-то скажет: ну зачем же сгущать краски? Нет у нас никаких антропофилов и антропофобов. Не надо их придумывать. А что есть сегодня? Какой уже точно и определённо существующий вектор предлагается нам в первой четверти двадцать первого века? Вот здесь, поверьте, я и приближаюсь к теме чтения, особенно детского, юношеского, хотя я от неё не отходила и надеюсь, что моя логика угадывается. Давайте поговорим не о книгах. Давайте поговорим о кино, именно здесь новый вектор прослеживается, конечно же, наиболее ярко. Потому как ну кто в XXI веке читает книги? А фильмы смотрят все! Итак, лучшим фильмом 2014 года кинокритики США назвали драму «Прощай, речь». Это «не-что» престарелого франко-швейцарского режиссера Жан-Люка Годара признано лучшей картиной по версии Национального общества американских кинокритиков. В основе кинокартины история о замужней женщине, одиноком мужчине и собаке. Фильм демонстрировали на Московском кинофестивале. Режиссёр, как известно, признан классиком французской «новой волны», которую характеризуют всё более тупые спецэффекты, адресованные явным дебилам, да изыски элитарных «киномастеров», прячущих собственную пустоту за непонятностью, а вернее, даже за бессмысленностью. Так вот, «Прощай, речь» снята от лица собаки, свидетеля развивающейся любовной истории, и претендует стать иконой стиля нового кино. «Прощаясь со словами, с привычным логоцентричным кино, Годар предлагает вместе с ним проследить за рождением другого, непереводаемого и универ-

---

сального языка, на котором он по-прежнему говорит едва ли не лучше всех, кто сегодня называет себя кинорежиссёром», — пишет журнал «Кинообозрение». Про фильмы, предшествующие картине «Прощай, речь», с которых зрители уходили из зала на десятой минуте, восторгающаяся Годаром «Газета.ру» всё же не смогла не заявить следующее: «Руководствуясь линейной логикой, понять что-то в этом киновареве было решительно невозможно».

А теперь поговорим о текстах. Прежде всего: ключевой вопрос нашего с вами бытия заключается в иерархии текстов человеческой культуры, которую и порождают приоритеты. Именно расстановка текстов, определение, какие из них важны, сверхважны, помогает понять, что является абстракцией мышления, а что можно смело отнести к бреду.

Литературные тексты — не зеркальное отражение действительности, в этом случае они были бы лишены смысла и совершенно бесполезны. Литературные тексты — это осмысление происходящего вокруг, осмысление состояния общества, общественных процессов. Это создание ярких художественных образов, способных воздействовать и на ум, и на сердце человека, конечная цель литературного творчества — разговор о главных смыслах человеческого бытия. Конечно, разговор этот не может и не должен быть примитивным. Литераторам нужны символы, аллюзии, метафоры, парадоксы и т.п., но они не могут становиться самоцелью, процесс создания литературного текста не должен заканчиваться на создании необычного «инструментария», ведь перечисленные ранее приёмы и являются инструментами писателя.

Но именно «инструментарий» может стать миной замедленного действия. Как отличить метафору, аллюзию, символ, парадокс, паллиатив — от бреда? Где грань, за которой сложное абстрактное мышление становится лишь подобием мышления и превращается в полную нелепицу?

Не секрет, что сложная метафора, перенесённая в условия иной страны, иной культуры не только покажется бессмысленной, но и будет таковой. Например, англичане, если хотят обвинить кого-то в трусости, говорят дословно: «показать белое перо», а русские умеют «водить за нос». Разве это не сумасшествие, если без всяких объяснений перевести это с языка оригинала?

Но метафора — только часть смысла. Еще более значимо и жизненно важно для нас, повторяю, та самая соподчиненность текстов относительно друг друга в рамках общей культуры. Если будет потеряна иерархия текстов, **мы не сможем понять разницу между абстрактным мышлением и бредом.**

Для пояснения этого научного закона очень наглядна детская песенка про старичка-лесовичка, который зацепился за сучок и просит детей ему помочь спуститься на тропинку. Здесь иерархия текстов строго соблюдена, самым приоритетным выступает контекст традиционного христианского гуманизма европейской цивилизации. Именно по этой причине мы с вами понимаем, почему и зачем старичку-лесовичку нужно помочь, а не, скажем, высмеять его нелепое положение, съезть в качестве добычи или просто обратить на него внимание.

Смысл детской песенки очевиден только тому, кто находится в контексте христианской традиции человечности, хотя о ней ни словом не упомянуто. Да и не должно: главные тексты культуры действуют как бы за кадром, они присутствуют по умолчанию. Если бы их выпячивали — они были бы не главными текстами, а полемическими. Далее в песенке выступает приоритетность народного фольклора. Народный фольклор почитаем у всех народов и доминирует над авторской выдумкой.

Итак, суть ясна: приоритетные тексты умолчания — всем знакомые и всеми признанные авторитетными — не дают сказке превратиться в пустословие. Если этот культурный контекст убрать, то разделение произведения искусства и бессмыслицы исчезнет, между ними встанет знак равенства, который станет символом разрушения всей нашей культуры! Поэтому прежде чем давать в руки малышу новую книгу, — обязательно определите, какой текст стоит по умолчанию? Присутствует ли в книге самый главный контекст: европейская христианская традиция? Ведь на самом деле свободная с виду фантазия художника или оратора должна быть очень жестко ограничена обсуждаемой нами иерархией текстов. Если бы дети вместо помощи бедняге Лесовичку обругали бы его или ударили палкой, или равнодушно прошли мимо, то гневу, возмущению родителей не было бы предела. И это справедливо! Впрочем, в наш цифровой век уже и этим не удивишь, ведь во Франции создан цикл детских передач, героями которых являются человеческие фекалии...

Ну а что случится, если иерархию разрешат нарушать? Или если главные тексты вдруг станут «не всем известными»?

Здесь уже точно не до шуток, потому что в этом случае мы получим духовную катастрофу. Вслед за распадом иерархии текстов — начинается распад мышления. Утративший безусловные и необсуждаемые ценности человек — довольно быстро перестает быть человеком. Ведь даже и речь человеческая — продукт иерархического сопряжения, согласования. И слова тоже разные. Есть главные — которые всем нужно знать. Есть жаргонизмы, термины — которые не всем знать обязательно.

Есть и глоссолоалия, (а кроме неё шизофазия) — бессмысленное звукоиспускание, и ее не нужно знать никому..

Дорогие друзья, пожалуйста, обратите внимание на эти слова, когда вы открываете детские книги. Сейчас их издают авторы за свои деньги в любой типографии. И шизофазии сколько угодно! Почему-то считается, что чем нелепее будут эти самые шизофазии и вредные советы, тем круче! Шизофазии сегодня наводнили даже школьные учебники. При этом уродуется язык, смешиваются «кони, люди» да ещё и приправляются, частенько, англицизмами...

Хотя иерархия текстов, конечно же, актуальна для всех возрастов, но, согласитесь, особенно страшно её разрушение в книгах для детей и юношества. Итак, что стоит во главе угла детского чтения? Христианская традиционная мораль с чётко оформленными понятиями добра и зла. Теперь давайте ответим на вопрос: формирует ли эти понятия самая продаваемая, самая популярная в XXI веке книга для детей «Гарри Потер»? Кстати, вы не задумывались, почему так победно прошла она по континентам, городам и весям? Даже если действительно именно эта книга — выдающееся произведение для детей, которое перевели на 67 языков мира, как смогла писательница Джоан Роулинг (кстати, её частенько называют домохозяйкой) настолько ярко заявить о себе, получив баснословные тиражи и гонорары? Ведь литературные критики уверяют, что в наше время, родись второй Гоголь, о нём вряд ли узнали бы... А не реализована ли с помощью этой книги та самая технология Окна Овертона? Ведь в «Гарри Потере» нет добрых и злых. В ней рассказывается о своих и чужих. То есть в этой книге преподносится уголовная этика. Свои — хорошие, чужие — враги. Снискав мировую славу, писательница была уверена, что именно она занимает верхнюю позицию писательского пьедестала, возглавляет либеральное литературное крыло. Но двинув Окно Овертона в разрушение христианской морали, она сама ощутила последствия. Джоан Роулинг столкнулась с ожесточённой критикой после того, как публично поддержала уволенную сотрудницу лондонского Центра глобального развития Майю Форстетер, высказавшую сомнение, что мужчина может стать женщиной. Роулинг тогда опубликовала в Твиттере серию ироничных сообщений. В итоге ЛГБТ-сообщество обрушилось на Роулинг с обвинениями. И писательница в числе 150 литераторов, журналистов и общественных деятелей, среди которых и российский оппозиционер Гарри Каспаров, вынуждена была подписать открытое письмо, осуждающее ограничение открытых дискуссий и бойкот публичных персон

за выражение частного мнения о какой-либо социальной группе. Поняла ли Джоан Роулинг, что «Гарри Потер» отыграл своё, предназначенное ему действие? Теперь Окно Овертона двигают другие, рассказывая уже не про колдунов и магов, не про рецепты их снадобий, не про их заклатья, с которыми всегда боролась Церковь, а про любовь мальчика к мальчику и девочки к девочке. Разрушение христианкой морали перешло на новый этап. Какова конечная цель? Довести нас до состояния демонических африканских племён? И в конце концов привести к вымиранию? Пожалуйста, вспомните об этом, когда будете рекомендовать школьникам книгу «Гарри Потер».

В этой связи не могу не сказать о тлетворном влиянии литературы и перспективности именно литературы в технологии «Окно Овертона», в продвижении демонических идей. Потому что литература — поле битвы за сердца людей, невидимая война добра со злом, которая ведётся испокон веков, не затихая ни на минуту. Литературу лишь в малой степени можно определить как изысканно-утончённое искусство для наслаждения изошрённого слуха эстетов, но в главном своем предназначении — это средство для управления массами. С её помощью удобно формировать неокрепшие души, управлять умами, вести развитие общественной мысли в нужном направлении. Причём и управление, и влияние не кратковременно, оно имеет долгосрочную перспективу. Именно поэтому многими даже не замечается. Слово, особенно слово написанное, зафиксированное, обретшее плоть, может стать стимулом к действию — пробудить у человека желание изменить действительность. Настоящее творчество всегда позитивно, всегда ведёт к душевному преобразованию, нравственному совершенствованию. Оно всегда зовёт к свету и Богу. Даже если Раскольников убивает старуху-процентщицу и идёт на каторгу, это путь очищения и просветления. Это путь, который открывает для нас истинно русская литература. И необходимо уберечь читателя от текстов, ведущих ко вторичному одичанию. Увы, ими сегодня изобилуют даже авторитетные издания. Я призываю не соглашаться с тем, что планка опускается. Если медийные имена, что звучат сегодня в СМИ, не вызывают доверия, а это чаще всего и бывает, обратите внимание на современных писателей вашего региона. Откройте для себя сайты Союза писателей России, и вы узнаете очень талантливых русских авторов и в переводе с национальных языков писателей республиканских. Не оскудела талантами Россия. И в цифровом веке, чтобы сохранить нашу страну, наших детей, наш мир должно звучать высокое художественное слово.

ВОЛЧЬЯ КРОВЬ

РАССКАЗ

Николай Иванович Пыстин, потомственный работник культуры, как вышел на пенсию в шестьдесят лет, так сразу из Сыктывкара и уехал в деревню Выкшу, что находилась за сотню вёрст от цивилизации, стояла обособленно среди дремучего леса. Там Николай Иванович и зажил спокойно да счастливо.

Уехать Николая Ивановича заставило состояние здоровья. Последние два года, наблюдаясь у кардиолога, он получил строгую рекомендацию: бросать город, бросать все волнения и заботы да податься куда-нибудь в глушь, в спокойствие, мир и тишину. Хотя бы на год или на два. Здесь-то Николай Иванович и вспомнил, что когда-то в деревне Выкша у него жил дядька родной, причём прожил дядька девяносто пять лет, перед смертью дом ему завещал в три комнаты, а Отцу Рафаилу, что грехи земные отпустил дядьке перед смертью, шепнул:

— Передашь Кольке, как забарахлит нутро, пусть сюда и катит... Здесь всё волшебное, за год поднимется.

ПРОЗА

Отец Рафаил передал. Николай Иванович вначале принял это с простой благодарностью, но как только после очередного концерта в его Доме культуры «прихватило» сердечко, так сразу и вспомнил. До пенсии на таблетках и каплях держался. В Выкшу приехал, таблетки и капли забыл. Место волшебное.

Стояло лето. Начало августа. За месяц, что Николай Иванович пожил в старом бревенчатом доме, он и сам дом поправил, и крышу перекрыл с местными умельцами, да и двор почистил с сараюшкой, где у дядьки его всякий инвентарь хранился. К августу пошла ягода. Дом Николая Ивановича стоял на самом краю деревни, потому ходить за ягодой было удобно. Вначале рвал её прямо на поле перед деревней, потом стал похаживать за окраину, в лес. Много ягоды набрал, три корзины. От дядьки остался мешок сахара, стал варенье варить. Детям да внукам. Весь день в заботах, про боли сердечные даже и не вспоминал. А как варенье сварил, то взгляд его на корзину пустую упал: подумал, что можно и грибов на зиму заготовить. Утром по холодцу и пошёл.

С корзиной, уже наполненной в половину, Николай Иванович вышел к ручью, из ближнего леса выходявшему к деревне. По ручью и пошёл обратно. Через часок корзинку пополнил ещё и ягодой брусникой. Оставалось самое малое — пройти два поворота и поле — напрямки с полкилометра до дома.

На втором повороте ручья, от воды и до самого леса тянулась вереница низких кустов тальника. Николай Иванович глянул вдоль да поперёк этих «зарослей» в пояс высотой и смело шагнул в самую чашу... Что-то железно лязгнуло и по щиколотке правой ноги резко ударило с обеих сторон... Капкан. Николай Иванович чертыхнулся, корзинку отложил, присел и аккуратно разжал пружину этого садистского приспособления. Капкан был небольшой, в лучшем случае волка тормознёт, а так больше на лису рассчитан. Только он это обдумал, матеря хозяина отборными выражениями, только штырь полуметровый из земли выдернул, к которому капкан был привязан цепью, капкан в ручей швырнул, как из кустов услышал какой-то жалобный, звериный и утробный скулёрж... Николай Иванович вздрогнул и замер. Осторожно, словно боясь спугнуть или побеспокоить зверя, повернул голову в бок... В трёх метрах от него, пряча морду за кустом, в похожем капкане сидел... волк.

Николай Иванович никогда в жизни не видел так близко волка. Он вообще не видел волков живых в естественном их состоянии, только вот телевизор да картинки.

Волк не сидел, а лежал, вытянув лапы вперёд и смотрел на него то ли жалобными глазами, то ли ненавистными. Пыстин

интуитивно сделал шаг вперёд, чтобы помочь освободиться от капкана, волк мигом на лапы приподнялся да тут же пронзительно взвизгнул и упал на грудь. Цепь, что была привязана к капкану и вбитому в землю штырю, была коротка, в метр. Пыстин присел на корточки рядом, посмотрел волку в глаза, волк взора своего не отвёл, рассматривал человека пристально и осторожно. Зрачки его постоянно бегали от лица на руки.

— Если кусаться не будешь, — вдруг, удивляясь самому себе, как-то по-доброму, словно собаке, молвил Пыстин, — я капкан с тебя сниму. Не будешь кусаться?

После этого он сидел несколько минут и старательно вглядывался в глаза волку. Тот вначале смотрел на человека, потом голову опустил, глаза увёл в бок, вроде как стыдно ему было, а потом и вовсе перевернулся на спину, звякнув железом цепи и выставив лапу с капканом ближе к человеку. У Николая Ивановича перехватило дыхание. Волк был взрослый, когда перевернулся и показал брюхо, оказалось, что это волчица. Пыстин про себя сказал: «Ну, всё!» Так же на корточках подлез к волчьей лапе и, стараясь не сделать зверю ещё больнее, сразу резко, двумя руками надавил на пружину... Капкан звякнул, и волчья лапа освободилась. Пыстин тут же встал и сделал шаг назад. Волчица лежала. Взгляд её взметнулся на человека, тут же на руки, потом опять на лицо... Николай Иванович как-то смутился от такого ее поведения, потом сделал шаг назад и пробормотал:

— Ну так я пошёл. Живи. Больше не попадайся.

Волчица крутнула мордой и тут же на весь лес протянулся слабый вой со щенячьим подвыванием, словно переярок по привычке матери жаловался. Волчица сделала движение вверх, быстро поднялась на передние лапы, но тут же её лапы подломились и она вновь упала на грудь. Морду в траву уткнула и, смотря на человека, жалобно поскулила.

— Вот те раз! — Николай Иванович посмотрел внимательно на лапы — одна, что была в капкане, похоже, была сломана, вторая передняя лапа была ранена непонятно чем, кожа была срезана словно ножом, правда уже зализана, но кровь, запекаясь, всё ещё сочилась. Сил у зверя стоять не было.

— Это где ж тебя так?

Николай Иванович вытащил пакет из корзинки, где был не только большой бутерброд, а и всякие медицинские принадлежности, достал бинт, свернул в несколько слоёв и, поднося его к лапе волчицы, проговорил настороженно:

Я тебя перевяжу, но ты не кусайся. А так... истечёшь кровью тут и сдохнешь...

Морда волчицы поднялась вверх, глаза смотрели вновь настороженно. Николай Иванович дрожащими руками под-

---

нёс бинт к лапе, волчица мигом зубами клацнула, но клацнула мимо, словно пригрозила. Пыстин руки одёрнул:

— Да тихо ты!

Он осторожно сделал один оборот вокруг лапы, потом ещё... Волчица глаз не сводила с его рук и скалила верхнюю губу. Николай Иванович осмелел и быстро сделал один оборот, второй, третий... Волчица смотрела внимательно и настороженно, но никакой агрессии не проявляла. Когда повязка была наложена, Пыстин мигом наклонился к зверю и, надкусив бинт зубами, разорвал его и завязал повязку на два узла.

Встал. Глубоко вздохнул, глянул на небо сквозь кроны деревьев и сказал себе самому:

— Слава тебе... Не сожрала.

Посмотрел на волчицу как-то даже весело, спросил:

— Ну что, идёшь?.. Домой надо. Домой.

Волчица лежала и не двигалась. Теперь, когда лапа, очевидно, не так болела, она вытянула её осторожно впереди себя и повалилась на бок.

Николай Иванович хотел уйти. Просто уйти. Всё, что он мог, он сделал. Зачем вмешиваться в дела природы. Природа сама регулирует... Но волчицу было жаль. Может, она уже не одну овцу и не одного гуся с подворья утащила?.. А может, и нет?.. Что ему делать? Зверь явно слаб так, что даже на лапах не держится. Охотиться ему сейчас — всё равно, что по деревьям лазить. Он ругнулся про себя, чтобы зверь не услышал, куртку с себя брезентовую стащил, на землю бросил и грубовато да театрально, словно в своём Доме культуры оказавшись, проговорил уважительно:

— Прощу-с! Ложитесь-ка... барышня!

Волчица морду на лапы вытянутые положила, на человека только глаза подняла, но с места не двинулась. Николай Иванович плюнул в сердцах на всё, словно на эшафот пошёл, тут же ремень с себя стянул, сказал тихо:

— Не дёргайся! Вообще меня тут нет... Свалилась на мою голову!

Протянул ремень через рукава, застегнул и схватив рукой за пряжку спереди, предложил вновь:

— Что лежишь? Залезай?.. Поташу тебя, как бурлак по Волге...

Зверь лежал и смотрел на куртку перед ним. Похоже, не понимал, что от него требуют. Николай Иванович подошёл вплотную, присел на корточки и похлопал по куртке рукой, практически перед волком.

— Сюда залезай? Или мне тебя на куртку затаскивать самому?.. Ну, я же не самоубийца...

Волчица глаза на него вновь вскинула, посмотрела, потом глаза опустила и посмотрела на куртку перед самым носом. Какое-то

время между ними стояла напряжённая тишина. Николай Иванович, вспотев от страха, подошёл опять к зверю, нагнулся и быстро, как мог, стараясь не особенно глубоко руки под волчицу засовывать, подоткнул куртку под неё... Зверь вздрогнул, изогнулся телом, уши прижал и, ощерившись зубами, клацнул по воздуху, явно только для вида... Хотел бы — прокусил руку в два счёта.

— Ты давай не дури мне тут, — пробормотал Николай Иванович, — ложись вон... и поехали. Лечиться.

Волчица внезапно телом перевернулась в мгновение через спину и оказалась полностью на куртке, причём оказалась так, что человек был перед ней, а не за её спиной.

Оказалось, тащить зверя — дело тяжёлое. Хорошо хоть ручей не надо было переходить, деревня по эту сторону русла лежала, но как подойти к домам? Просто так привезти с собой волка — люди не дадут. Первое, что предъявят — волк привыкнет и начнёт таскать кур да овец. Гусей уже и не выпасешь на воле, уток тоже. Волк перестанет бояться человека. Разорять начнёт.

По траве зверь волочился легко, по тропинкам приходилось выбирать путь, где пошире. Идти пришлось не торопясь.

Когда показалась деревня, Николай Иванович уже из сил выбился, тащил на последнем дыхании. Перед самым домом оглянулся, хотел перекреститься да не стал, руки заняты, времени нет. Калитку открыл, да и втащил зверя на свой двор.

Вначале хотел в дом внести, но передумал, затащил к сараю, где был небольшой навес, со всех сторон укрытый от глаз человеческих, только со стороны дома можно было подойти. Там волчицу оставил, сам ушёл за сарай, где у дядьки покойного находилось сено. Просто копна сена, очевидно столетнему. Когда уж дядька мог скотину держать? Сто лет назад и мог.

Большущую охапку сена он бросил под навес, тут же хлопал по нему, приглашая волчицу перебираться, но та лишь глазами моргнула, а потом вдруг зевнула во всю страшную волчью пасть и положила привычно морду на лапы. Николай Иванович сказал:

— Вот я сейчас ещё разбираться с тобой буду!

Подошёл со стороны спины, зверь мигом изогнулся и пасть его легко, предупреждающе, ощерилась зубами. Человек погрозил пальцем волку, осторожно, медленно взял куртку за полы и втянул её на сено, потом выпрямился и торжественно произнёс:

— Вот так-то! Поняла? Дурочка серая! Клыки она мне показывает!

Уложив раненого зверя, Николай Иванович зашёл в дом, умылся, руки вымыл тщательно, открыл аптечку, посмотрел —

ничего не надо. Надо сделать какую-нибудь палочку, чтобы её как шину наложить на сломанную лапу. Как шину накладывать? Николай Иванович не знал.

— Хозяин?.. — внезапно раздалось совсем близко. — Николай!

Николай Иванович вышел на крыльцо. От калитки к нему шёл единственный пока его знакомый по деревне — Алексей Григорьевич. Он был в деревне кем-то наподобие старосты или главы администрации, ездил в райцентр по всяким вопросам, занимался кое-каким снабжением, да иногда привозил в деревню врача, так как имел совсем новый автомобиль «Нива», который проходил любую грязь осенью и любой снег зимой на дороге от Выкши, до райцентра. Звали его в деревне просто — Григорич.

Григорич был человек душевный, отзывчивый, всю жизнь проработал в лесу на заготовках древесины, пилил ели да сосны десятками лет для народного хозяйства, а как пенсия подошла, так сразу в родную деревню и вернулся. Помирать, говорит, здесь буду, где родители схоронены. Через месяц за ним и супруга приехала, дети навещают с внуками...

Он прошёл до самого крыльца, пожал руку Пыстину и тут же сообщил:

— Слыхал? В Михайловке знакомый мой целый выводок волков уложил! Два матёрых — волк и волчица, один переярочек и три щенка... Премию получит от администрации. Говорил, парочка переярочков ушла, но...

— Когда было? — Николай Иванович оглянулся вокруг.

— Так когда?.. — Григорич задумался, вспоминая. — Позавчера. Наш Мишка-леший вчера капканы ходил ставить, дурачок... Тоже славы захотелось свинячей... Я в райцентр собрался, могу тебя взять, если что надо?

Николай Иванович вновь оглянулся, нет ли кого рядом? Потом посмотрел на Григорича внимательно и тихо сказал:

— Пойдём.

У сарая, напротив навеса он остановился, кивнул на большую охапку сена, откуда смотрели на них внимательные волчьи глаза, сказал:

— Не такой уж он и дурачок... Попалась вон... лапу поломало ей... Вторая непонятно чем ранена, как срезало подушку под пальцами. Встать не может.

На секунду у Лексея Григорича перехватило дыхание. Он смотрел на зверя выпученными глазами, не двигаясь и даже не дыша, потом тихо произнёс, словно боялся, что волк услышит:

— Так это как? Это... Ты его как приволок?

— Пряма на той куртке, — вновь кивнул Николай Иванович, — волоком.

— А бинт?.. — с ужасом в голосе спросил тот.
— Перевязал.
— И ничего? — не унимался Григорич.
— Клацнул раз, но мимо... Пугал немного. Пугала... Волчица это.
— Тот самый переярок и есть. Ну, Николай!.. Ну, Николай... Не знаю. Наши прознают, вилами заколят, камнями закидают. Ты что — волков прикармливать? Повадятся потом... Зимой... Да стаей, да голов в двадцать! Думаешь хоть немного?
— Что ж мне её — бросать? Сдохнет ведь ни за что!
— А так ты сдохнешь! За неё вот! Стрелять её надо! Прямо сейчас!
— Думал. Не могу. — Николай Иванович руку перед собой выставил. — Ты вот что... Шину умеешь накладывать? Лапа сломана, надо чтоб...
— Да пусть так срастается, ну её к лешему, ты что?!
— Так криво срастётся, как ей потом охотиться?
— Ну... ты вообще! — даже глаза закатил Григорич. — Какой охотиться? В лучшем случае — в зверинец отдать.
— Шину умеешь накладывать?
— Видел пару раз в леспромхозе... Ломало ноги пацанам. — Он глянул в глаза Николаю Ивановичу и согласился: — Щепу найди какую... Две штуки. И вот — по бокам, значит, а потом бинтом... да крепко!
— Давай вдвоём?
— Да я что — самоубийца? Резанёт клыками да вспорет живот. У нас на одной лесосеке приехал мужик местный на лошади по первому снегу, дров попросить. Ну, мы дали, он домой, а по дороге волчица матёрая из леса выскочила, один прыжок, лапами ударила — лошадь на спине, один раз только зубами хватанула, резанула, что называется, так сразу несколько рёбер, кишки и печень вырвала одним махом да ушла в лес. Всё! Понял, что за зверь? Сам ей вяжи шину, я не подойду. Даже не уговаривай.
— Тогда постой рядом, она всё равно прыгнуть на тебя не сможет, она лежит едва... Постой, а то и впрямь!.. Резанёт меня зубами по пузу да вытряхнет кишки.
— Постоять могу, — кивнул Григорич, похоже, от собственного рассказа ещё больше зверя испугавшись.
Николай Иванович быстро сходил в дом, быстро нашёл две щепки в форме коротких дощечек, достал из аптечки бинт. Вернувшись, увидел, что Григорич на всякий случай, что называется, от греха подальше, отошёл на метра три от навеса. Вместе подошли ближе. Волчица подняла морду, недружелюбно глянула на Григорича, потом перевела глаза на Николая

Ивановича, и взгляд ее успокоился. Он подошёл вплотную, что-то бурчал добрым голосом, сам не распознавая слов и поймав себя на мысли, что сейчас боится ещё больше, чем в лесу, и болтает какие-то слова лишь для самоуспокоения. Опустился перед зверем на коленки, осторожно взял лапу перебинтованную и стал её разматывать, волчица тут же попыталась лапу лизнуть, а получилось, что лизнула руку человеку... По спине Николая Ивановича прошёл холодок.

— Вот я так в лесу, сам даже не понимая, что и делаю, так её и бинтовал, так вот... — говорил он вроде как Григоричу, а сам ловил себя на мысли, что говорит с волком.

— Главное тут, чтоб кровь не припекла бинт, а то так и не сорвёшь...

Бинт размотался весь, был в крови. Рана ещё сочилась, но уже не так обильно. Григорич только глянул и сразу сказал:

— Это картечь так срезала... По земле, похоже, прошла...

Николай Иванович по-новому перебинтовал лапу. После достал из кармана две щепки и показал волчице:

— Это вот на другую... на ту вон лапу... Поняла? А то зарастёт не так...

Он аккуратно положил две «шины» по краям, чуть придавил пальцами, тут же прямо с дощечками лапу приподнял и обернул быстро два раза бинтом. Зверь не пикнул, только на каком-то витке пасть разинул и как-то протяжно зевнул. Зевнул явно не от удовольствия, а от боли... Тут же послышался очень короткий и тихий скулёж зверя. Николай Иванович старался бинтовать крепче, чтобы надолго хватило. Получилось. Он поднялся, сказал, вытерев лоб:

— Ёлки-палки, на старости лет мне вот только таких эпизодов в жизни и не хватало. Ну как тебе, Григорич?

— С виду — ровно. К ветеринару бы... Да повезёшь как? Вся деревня узнает. Ты вот что. — Он посмотрел в сторону. — Там забор у тебя на углу покосился весь, упал почти... Надо поставить. Собаки они такие — забредут, унюхают волка, потом не оберёшься возни с ними, будут гавкать до хрипоты, люди заволнуются.

Он подумал над своим предложением, пожал плечами, договорил:

— А так мало ли... Место здесь у тебя укромное, двор большой. Может, не унюхают, если во двор непустишь. Разумел? Я схожу за пилой, у меня есть несколько досок, поставим вместе. Молоток тащи.

До позднего вечера они пилили доски и ставили забор во всех местах, где тот либо завалился, либо просто снизу подгнил. Поставили хорошо.

Осмотрев сделанную работу, Григорич ушёл к себе, несколько раз бранно выругавшись. На ходу обернулся и бросил Пыстину:

— Всё же надо застрелить. Негоже волков прикармливать, когда скотина во дворах стоит!

Через минут двадцать он вернулся с сумкой в руках. Прошёл в кухню, там из сумки вытащил кастрюлю с едой, трёхлитровую банку молока, помидоры, огурцы и бутылку водки.

— Миска есть? — спросил он требовательно. — Похуже. И побольше.

Николай Иванович дал миску. Григорич вылил в миску молока половину банки, сказал, как-то запинаясь, словно стеснялся:

— Это вот твоей Тяпе... зверюге поганой... Дай, пусть попьёт, сразу оно... мало ли что... надо потихоньку... чтоб привыкала. Иди, отнеси прямо сейчас, а я тут нам накрою... Жене сказал, что у тебя сегодня день рождения сына... А? Сын-то есть у тебя, а то я и не знаю.

— Есть сын, даже два, — улыбнулся Николай Иванович, — только они зимой родились.

— Ну ничего, — махнул рукой Григорич, — такое дело надо обязательно обговорить. Иди, корми свою Тяпу. Как есть будет нормально, мы ей курячих косточек дадим потом.

Молоко волчица приняла благосклонно. Налапы подняться не смогла, лишь голову повернула в сторону миски, даже не пригнувшись, а потом также осторожно подняла глаза на человека. Посмотрела хоть и жалобно, где-то даже беспомощно, но вместе с тем и независимо и отвернулась в сторону, опустив голову на землю.

— Вот ты молочка попей, тебе и полегчает, — сказал ей Николай Иванович добрым голосом, словно ребёнку. Волчица не двинулась. Он ушёл.

Они сидели уже часа два, хорошо закусывали, и Николай Иванович, за эти два часа дважды пытался пойти посмотреть, как там зверь его под навесом себя чувствует, но Алексей Григорьевич — человек бывалый и осведомлённый в делах лесных — его дважды останавливал, говоря:

— Ты... не лезь к ней... Она — зверюга, живёт в лесу... Понял? Вот тебя сейчас бы волки в своё логово притащили, а потом бы навевывались... Во-от. Пусть зверь отдыхает, раз ты его вылечить собрался.

— Ну, а как ей там сейчас? Может, глянуть потихоньку?

Ближе к ночи они поднялись, прибрали за собой на столе, прихватили оставшиеся куриные косточки и пошли к волчице.

Зверь лежал на боку и при их появлении лишь поднял голову, посмотрел, а потом опустил обратно. Миска была чистая.

— Ну вот, — довольным голосом молвил Григорич, — что и следовало ожидать — вылакал, подлюка! Положи ей косточки поближе, захочет, слопает. Пошли.

Прощаясь, Николай Иванович благодарил, Алексей Григорьевич наставлял. Наставлял, наставлял, да вдруг и выпалил неизвестно кому, может, даже и себе:

— Ну вот, что мы за люди такие?.. Что ж этот человек за зверь такой? Вначале стреляем, убиваем, капканы ставим, а потом... как не вышло, не добились, значит, да? Так лечим потом! Ухаживаем. Ну как это называется? Абсурд!

— Человечность, — ответил Николай Иванович.

Через месяц, лапа, что была ранена картечью, полностью заросла, вторую лапу, что сломал капкан, волчица носила наперевес, чуть вытягивая перед собой. Ела Тяпа, как её стал звать Николай Иванович, всё, даже овсяную кашу на молоке. Хорошо хоть «староста» Алексей Григорьевич постоянно теперь молоко ему носил от своей коровы. Ежедневно утром три литра. Отдавал банку, забирал пустую и приговаривал:

— А не дай бог, она потом на мой двор придёт... Понял? Сам задушу. Вот сейчас помогаю её на ноги поставить, а не дай бог... Сам и удавлю.

— Да не придёт она никуда. Волк же? Чуток поправится да убежит в лес за свободой своей.

К октябрю Тяпа совсем поправилась. Николай Иванович «шины» да повязки с неё снял, но волчица осторожничала и как-то принципиально хромала, словно на иголочку наступала. Они настолько свыклись друг с другом, что и Николай Иванович, и Тяпа совсем перестали друг друга бояться. Жить в дом волчица так и не пошла, сколько ни звал он её, сколько ни приманивал той же миской с молоком и хлебом. Жила под навесом, на сене. Утром встречала своего спасителя весёлыми глазами, крутилась у ног, вытягивалась телом, припадая на передние лапы, словно псина обычная, что радуется хозяину. Николай Иванович попробовал вывести выздоровевшего зверя на свободу. Только рассвело, пришёл к ней под навес, сказал:

— Пошли в лес, будем искать, где место твоё в жизни. Идётся?

И Тяпа пошла, послушно так пошла: голову вниз, хвост пушистый вниз и только изредка глазами тревожными по сторонам водила да носом тянула воздух.

Они гуляли час или больше. Уже и роса высохла и тропинки обозначились под лучами солнца, только Тяпа так никуда и не ушла от человека. Так и проходила рядом, иногда понюхивая деревья и кусты. Николай Иванович глянул на часы, решил возвращаться, сказал ей:

— Раз не хочешь в лес, пошли домой!

Гуляли они каждый день, каждое утро, до самого первого снега. Солнце вставало теперь позднее, поднималось на небе всё ниже, трава посохла, кусты на поле и вдоль ручья желтели листвою, что облетала с них при первых порывах ветра.

Первый снег волчица встретила радостным скулежом и особенным весёлым настроением. Едва рассвело, она выскочила из своего укрытия, забегала по двору, подпрыгивала и ловила зубами падающие крупные снежинки. Николай Иванович удивился, но препятствовать не стал, пусть носится. В этот же день «подпольное» существование его зверя было обнаружено. Тётка Антонина, что жила через три двора, ходила к ручью полоскать бельишко да случаем и услышала скулёж Тяпы, а потом и саму Тяпу увидела вскользь и хвост её... Да не собака это...

— Николай Иванович, никак у тебя зверь живёт?..

Пыстин сначала растерялся, а потом сказал так:

— Полукровка это. Был я тут у Пашки в посёлке рабочем, его эта псина... Так он попросил на время взять себе, сам поехал куда-то... Не знаю, отпуск может?.. Ну а что? Она добрая, ластится к человеку... Пусть поживёт.

— Пусть, — согласилась вдруг Антонина, — только ты, Николай Иваныч, не говори сам никому, лучше пусть не знают... наши-то? Ага? Зверюга, она и есть — зверюга... И-ишь какой хвостяра у неё? Пряма на шубу!

— Да я и не показываю. Она у меня уже какой день.

Каждое утро Николай Иванович просыпался с одной мыслью: куда теперь девать зверя? Уходить волчица не хотела, прогонять её он не мог. Кормить Тяпу было не так и сложно, ела она практически всё, как любая дворовая собака. Каждое утро, весь октябрь месяц, пока снег не лёг на землю, ходили они в лес на час, на два, а бывало и больше, бродили вдоль ручья и даже забирались в дебри глухие, но Тяпа оставалась с человеком и даже радостно принимала слова — домой пошли, домой, домой!

В середине ноября повалил снег, Тяпа сменила к этому времени свою шубу на зимнюю, стала похожа на волка так, что никак теперь нельзя было сказать — полукровка. Там была такая волчья кровь в каждом шаге, каждом взгляде, каждом прыжке и даже в том, как волчица уши прижимала к голове. После прогулок утренних Николай Иванович иногда садился на крыльцо, смотрел через забор на лес за ручьём и спрашивал крутившуюся рядом Тяпу:

— Ну, какой ты волк? Кашу лопаешь, хвостом вилять начал... Куда с тобой теперь?

Алексей Григорьевич навещался к ним постоянно, то косточек принесёт Тяпе, то с каким советом, как с волком жить в одном дворе, то ещё что-то. Тяпа его узнавала и даже давала себя погладить по серой морде.

— У тебя волчара меченая, — говаривал он, осторожно глядя по голове, — видишь какая у неё полоска чёрная от лба и прямо к носу идёт, видишь?..

— И что это? — спрашивал Николай Иванович.

— А это у них, у волков, метка такая, — явно не успевал что-то своё, особенное, придумать тот. — Вообще, как думаешь, легко волку распознать свою волчицу или нет? Они ведь все как один — серые, невзрачные. А вот как вырастет она... что делать будем? Матёрый не сможет жить без воли, без охоты... Натура—то всё одно — волчья! И кровь волчья.

«Волчья натура», однако, и не думала становиться волком. Прыгала вокруг хозяина, иногда, когда тот сидел со своими думами на крылечке, подходила и от избытка чувств совала ему свою морду под мышку. Проденет морду под руку и так стоит долгие минуты, пока Николай Иванович не скажет:

— Да будет тебе...

Под Новый год приехали сыновья с детьми. Праздник был три дня. Запускали фейерверки, стреляли из ружей, палила вся деревня, орали песни день и ночь. Гуляли без усталости. Николай Иванович Тяпу не забывал и всячески успокаивал, когда начинали стрелять, гладил по морде да приговаривал:

— Это у людей такой звериный праздник... Чуть что, так греметь на всю округу.

К вновь прибывшим детям и внукам Тяпа ни разу не вышла, но носом тянула, уставившись осторожными глазами на двери дома.

А на четвёртый день Тяпа пропала. Следы её обрывались у ворот, где было видно, как задние лапы, точнее, когти её вонзились в землю, взрыхлив снег, и волчица, очевидно, просто перепрыгнула ворота, после чего следы её терялись в речном кустарнике. Не появилась она и через день, и через два, а потом и ждать перестали. Тяпа ушла в лес навсегда.

К окончанию новогодних каникул уехали и дети с внуками.

Зима сошла весенними ручьями. За всякими домашними заботами по дому да и во дворе Николай Иванович не заметил, как подошло лето.

К концу июля вновь приехали дети с семьями. Гостили почти неделю, после чего внук Ванька, восьми лет отроду, вдруг не захотел возвращаться в город. Так и сказал тихонечко, жалобным голосом своим родителям: «Можно у деда пожить немножко?» Решили оставить, то ли на пару недель, то ли на месяц, как пойдёт.

С Ванькой в доме стало веселее.

Через несколько дней, он упросил деда сходить с ним в лес. Николай Иванович согласился, достал две корзинки, приготовил пару приличных бутербродов, вместо воды налил литр молока, что покупал у тётки Антонины, на всякий случай положил в корзинку спички и маленькую аптечку.

К обеду корзинки уже были заполнены черникой, Ванька нашёл три больших подосиновика на толстых высоких ножках. Они немного увлеклись и забрели в какие-то новые места, где Николай Иванович никогда и не был. Однако волноваться было ни к чему, потому как следы их в виде примятой травы читались хорошо и всегда можно было вернуться обратно.

В каких-то зарослях кустов, едва они сунулись туда за ягодой, прямо на них вылезла коричневая и почему-то остроносая морда с перепачканными челюстями. Нос зверя шумно вдохнул воздух, тут же морда резко поднялась, и они увидели, стоявшего на задних лапах, медведя... Николай Иванович не был сельским жителем, никогда медведей в глаза не видел. Вначале он даже подумал, что это кто-то из местных... решил так пошутить. Противостояние людей и зверя продолжалось какие-то секунды, Николай Иванович дико заорал, схватил Ваньку за руку, прижал к себе... Медведь от крика бросился бежать. Похоже, зверь был молодой да и сытый к тому же...

Сколько бежали дед и внук, сказать трудно, но через какое-то время Ванька, задыхаясь, крикнул дедушке:

— Деда! Я не могу больше! Деда!..

Николай Иванович остановился, обернулся — никого. Тихо. Всё ещё держа Ваньку за руку, пошёл быстрым шагом дальше. Страх держал крепко. Мысль в голове была одна — выйти скорее к реке, там в любом случае доберутся до деревни. Вскоре он понял, что опасности нет. Они остановились и сели на мох у высокой сосны. Николай Иванович тяжело дышал, сердце колотилось как бешенное, в груди немного давило. Он глянул на Ваньку, улыбнулся, спросил:

— Испугался?

Ванька кивнул, сел рядом и сказал:

— А корзинки где?

Только здесь Николай Иванович понял, что впопыхах, на бегу, продираясь через кусты, они потеряли обе корзинки. Да и не до корзинок им было.

— Ничего, — ответил он, — корзинки ещё будут, главное, от медведя убежали...

Они стояли в глухомани, совсем непонятно, в какой его стороне. Здесь кроны деревьев так плотно смыкались над

головой, что и неба видно не было. Николай Иванович изумлённо, чуть испуганно, едва слышно выговорил:

— А это мы... где? Кажется, заплутали мы с тобой, Ваня.

С перепугу пошли наугад. Ходили-ходили какое-то время, но ничего своего, родного или каких знакомых мест так и не увидели. Лес здесь стоял густой, заросли кустов постоянно тормозили движение, Ванька прятался от веток, что хлестали его по лицу, за спиной деда, держась за его ремень. Ветер дул где-то поверху, качал кроны высоких сосен и елей.

Николай Иванович продирался сквозь кусты как буйвол, не разбирая, где легче, где заросли тоньше, шёл напролом, раздвигая руками высокие кусты ивы и повсюду разросшуюся ольху. На Ваньку не оборачивался, чувствуя его руки то на ремне своём, то на полах куртки. Лес был здесь нескончаемый. По пути они не встретили ни одного ручейка, ни одной опушки, чтобы хоть какое пространство появилось, всё заросли да заросли.

Через пару часов Николай Иванович ощутил усталость во всём теле. Сердце колотилось, дыхание срывалось, и ноги уже начали подкашиваться. Николай Иванович присел под раскидистой берёзой, Ванька тут же последовал за ним, повалившись на спину и раскинув руки.

Николай Иванович перевёл дыхание, сказал:

— Выберемся. Чувствую, выберемся. Надо отдохнуть. Что-то я...

На этих словах голова его куда-то провалилась, свет померк, и стало слышно, как бьётся его сердце...

Проснулся или очнулся Николай Иванович от того, что кто-то тормозил его за плечо и постоянно повторял: «Деда, проснись, деда, проснись!» Он открыл глаза, увидел напротив Ваньку, испугался ещё больше, чем медведя, что спал, головой мотнул, спросил тревожно:

— Что, что случилось?

— Ничего, — Ванька пожал плечами, всматриваясь в лицо деду, — ты спал долго... Я испугался...

— Да это я... — Николай Иванович запнулся, подбирая слово, — устал я... Здоровье не такое уже... Сейчас пойдём. Не бойся ничего. Главное — ушки свои напрягай, может, услышишь что? Поезд там, автомобили или просто собака лает... Может, ручей где-то услышишь или даже речку?

Очень скоро стала мучить жажда. Жажда — это не тогда, когда пить хочется, это когда глотать становится больно.

Организм Николая Ивановича начинал сдавать. Сердце хоть и вошло в ритм ходьбы, но колотилось так, что слышно было его и в висках, и в груди, и даже в кончиках пальцев.

Мышцы ног начинали подрагивать, постоянно срываясь в судороги, которые тут же проходили. Всё чаще Николай Иванович стал задумываться о ночёвке в лесу. Ночёвки он боялся больше всего. Боялся потому, что никогда в жизни так не ночевал и не знал, как и что устраивать. Да и спички... те самые спички, что могли разжечь костёр, он по дурости своей городской положил в корзинку, а корзинки сейчас остались где-то в глухомани лесной при авральном бегстве от медведя. Вот теперь и ночуй без костра. Сиди в темнотище лесной в страхе от каждого шороха и каждого звука.

Николай Иванович остановился и тяжело сел у подножия разлапистой ели. Ванька тут же упал на колени, потом перевернулся на спину.

— Посидим, Ваня, — сказал Николай Иванович. — Ты, если силы есть, вон ягоды порви, а то пить у нас нечего...

Пыстин промолвил это, и голова его тут же погрузилась в темноту. Последняя мысль промелькнула чёрным вороньим крылом — не выйти! Заблудились.

Его опять разбудил Ванька. Он сидел напротив него на коленках и тормозил деда за плечи, звал громко, словно торопился куда-то. Николай Иванович глаза разомкнул, стараясь не перепугать Ваньку, сказал:

— Такое впечатление, Ваня, что мы тут не одни, словно нас здесь чуть больше, а?..

— Не одни? — совсем не испугался тот. — А сколько?

— Не знаю, — пожал плечами дед.

— А вот, знаешь деда, — вдруг голосом тихим, как заговорщик, поведал внук, — когда мы шли сюда, за нами кто-то шёл... Я тебе не говорил, потому что думал, что тебе покажется, что я боюсь...

Они быстро поднялись. Дед взял Ваньку за руку и, держа её крепко за спиной, повёл дальше. Так, ему показалось, сейчас было надёжнее.

Через несколько минут он резко обернулся — никого. Лес, кусты, птицы поют.

Прошли ещё какое-то время, Николай Иванович вновь резко обернулся — пусто. Ванька спросил:

— Не видно?

— Нет. Думаю, это просто от пустоты тебе привиделось.

Пошли дальше. Часы уже показывали семь вечера, когда Николай Иванович предложил передохнуть. Присели у сосны. Глаза смыкались. Николай Иванович попросил Ваньку сесть рядом, сказал:

— Если вдруг задремлю, ты не бойся, я пять минут отдохну, и ты меня просто буди, а то я... любитель поспать, знаешь...

Ванька бодрым голосом согласился, потом попросил:
— Деда, а можно я пока ягоды порву, тут вон её сколько, я здесь... Пить хочется.

Николай Иванович разрешил и сразу же провалился в сон, точнее, в беспамятство.

Ему приснился сон. Кто-то стоял перед ним и говорил: «Не выйдешь ты из леса, здесь тебе оставаться, тут и могилка твоя, и Ваньку погубил, и сам, дурак старый, не выйдешь из леса никогда...»

Николай Иванович внезапно, как-то очень явственно услышал голос внука:

— Деда... деда! Деда, проснись!

Он открыл глаза, внука не увидел, но потом почувствовал, что тот каким-то образом сумел протиснуться между ним и деревом, на которое он, засыпая, опёрся спиной. Ванька сидел за дедом и на ухо ему чуть ли не кричал и просил проснуться.

Наконец Николай Иванович полностью очнулся. Перед ним в двух метрах стоял... волк.

Первое что ощутил Николай Иванович — загудели ноги, как-то так нехорошо загудели, потом нехорошо и холодно вспотел лоб, за ним спина... Потом на ухо услышал голос Ваньки, тихий такой, жалобный:

— Деда, что делать будем? У меня ножик есть...

Волк стоял напротив и никуда уходить не собирался. Николай Иванович слотнул всухую, сказал зверю негромко:

— Тебе чего? Иди к себе... Не зима нынче...

Волк, похоже, всё понял, но никуда не ушёл, а вместо этого лёг и перевернулся на спину, задрав вверх лапы. И здесь Николай Иванович прозрел: на лбу зверя он увидел тёмную полоску, улыбнулся всем лицом и неуверенно, но ласково и тепло спросил:

— Тяпа? Ты?

Тяпа вскочила резво, тут же подошла к нему и мордой уткнулась под мышку. Ванька сзади спросил:

— Деда, это твой волк? Тот самый?

Тяпа вытащила морду, посмотрела Николаю Ивановичу как-то откровенно в глаза, как-то совсем не по-волчьи, а по-собачьи и осторожно обнюхала Ваньку, чуть прогнувшись в спине. Николай Иванович руками гладил Тяпу по спине и бокам, говорил:

— Это — Ванька, это внук мой... Тяпа, как же ты... Ой, — здесь рука его прошлась по брюху. — Тяпа... Да ты... уже мать?... Ах, ты же молодец... сколько же у тебя этих щенков — три? Четыре?

— Деда, — позвал его Ванька, — это я её тень видел... Это она за нами шла...

— Она, она, — согласился дед, быстро поднялся на ноги, потом присел перед волчицей, взял её за морду чуть ниже ушей, как это делал всегда раньше и... попросил: — Тяпа... Тяпа, глянь на меня... Тяпа... домой! Домой, Тяпа! Домой!

Волчица вырвалась из его рук, тут же отбежала на пару метров, обернулась и, словно позвала за собой, тут же побежала куда-то. Николай Иванович вначале не понял ничего. Волчица побежала не на юг, а совсем в другую сторону. Вначале она скрылась в кустах, но тут же выбежала из них, глянула на него особенной, радостной мордой и вновь ушла в кусты, как будто позвав следовать за ней. Николай Иванович взял Ваньку за руку, сказал:

Не знаю, может, зовёт детей своих посмотреть... Не знаю... Но лучше так... Она выведет к дому в любом случае.

Но Тяпа не звала их смотреть своих детей, она уверенно пошла лесом, правда, опять-таки совсем не на юг, а куда-то на запад. Бежать не бежала, трусила легко, постоянно оборачиваясь, иногда где-то в чаще крутила круги и выскакивала у них сбоку, из-под ног. Николай Иванович даже про отдышку и усталость забыл. Ванька шёл как заведённый. Оба постоянно озирались, искали Тяпу глазами, словно она могла здесь потеряться.

Через два часа, совсем внезапно перед ним открылось поле, за полем виднелись дома. Они вышли к деревне с другой стороны. Николай Иванович облегчённо вздохнул, Ванька подпрыгивал в высокой, сухой траве и, указывая рукой на крыши домов, тараторил:

— Деда, вышли, деда, вышли!..

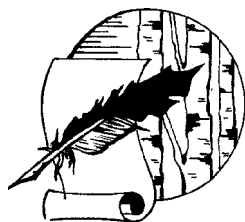
Николай Иванович присел на корточки, волчица тут же подошла к нему, ткнулась мордой в плечо и тихонько, как-то стеснительно лизнула его в лицо. Он спросил её совсем по-человечески:

— Ну-у... Зайдёшь в дом?

Волчица отбежала в сторону, посмотрела на него весёлыми глазами, тут же подлетела вновь к самым ногам, легонько потёрлась спиной о колени, выгнувшись мощным телом и, пару раз оглянувшись, ушла в лес, грациозно изгибаясь, словно не бежала, а летела по траве. Николай Иванович проводил её глазами до лесной опушки, потом глубоко вздохнул и сказал:

— Ну да... Воля. Кровь твоя волчья.

г. Салехард

Елизавета МАРТЫНОВА

Елизавета Сергеевна Мартынова родилась в 1978 году в Саратове. Окончила филологический факультет Саратовского государственного университета и аспирантуру при нём. Кандидат филологических наук. С 2008 года по настоящее время — главный редактор журнала «Волга — XXI век». Публиковалась в журналах «Наш современник», «Подъём», «Луч», «Вайнах», «Введенская сторона», «Русское слово» (Чехия), «Нижний Новгород», «Русское эхо», «Новая Немига литературная» (Минск) и других изданиях.

Автор книг «Письма другу», «На окраине века», «Свет в окне», «Собеседник», «Воздух дороги». Член Союза писателей России. Живёт в Саратове.

ЧУВСТВО РОДИНЫ

* * *

Написать небесную Россию:
Облака, туманы и поля,
Сумерки её, дожди косые,
Свет, которым полнится земля.

Так, чтоб пело сердце благодатью
И страданьем, горечью живой —
Дом родной, далёкий написать бы
Тонко над речную синевой.

Ни пером, ни акварельной кистью,
Только словом: осень и окно,
А за ним уже роятся листья,
Небо между звёздами темно.

Написать, как жизнь светло и просто
Смотрит в нас и не отводит взгляд,

Если от рожденья до погоста
Только прочерк — журавли летят.

Не поймаешь их, не остановишь,
Только смотришь, смотришь в небеса,
Словно ждёшь томительную новость,
Слышишь дальних предков голоса.

Видишь лица за дождливой синью,
Перелётных ангелов житьё.
Напишу небесную Россию,
Горних обитателей её.

* * *

Опять листвы просвеченная медь,
Сквозняк берёзы бело-синеватой.
И снова можно плакать и неметь
Пред красотой такой же, как когда-то
Давно, за много лет до наших дней —
Чем раньше, тем прозрачней и ясней.
Здесь жили деды. Мельница кружилась.
Казалось, что сам воздух был крылат.
А если что, как песня, не сложилось —
В муку перемололось наугад.
А если что, как листья, облетело —
Так это моей бабке на венок.
Чернеют птицы в небе чистом, белом.
И мы живём. И Бог не одинок.

* * *

Чьи это гены во мне говорят,
Властно зовут по России скитаться,
В дикую степь, в гулевой листопад,
Хоть мне давно уже не восемнадцать?

То ли в кибитке, а то ли пешком,
С поездом шумным, с надеждой тревожной —
Всё же покину постылый мне дом,
Так, что вернуться назад невозможно.

Да и к чему? Ведь земля широка,
Каждая ночь может стать роковою,

И разливается в небе река
Птиц, улетающих над тишиною.

Мы-то не птицы, да песня долга,
Стелется степью да вяжется шалью.
Звуки раскатятся, как жемчуга,
Вырастут звёзды на месте печали.

В чёрную полночь за рыжим костром
Тень танцевальная движется следом,
И осыпается ржавым холстом
Воздух дороги, ведом и неведом.

* * *

Не волна, не ручеек,
Не приречный соловей —
Вечер песнею истёк,
Позабыв о тьме своей.

В ней сияет при луне
Голубой листвою сад,
Словно всадники в огне,
Звёзды быстрые летят.

К небесам взойдёт опять
Между терний и трущоб
Слово — Божья благодать,
Слово — тёплое ещё.

Холод неба слишком строг,
Сизой ризою одет.
...Слову дан короткий срок,
Краткий срок — и долгий свет.

* * *

На клочке бумаги без помарок
Пишет он волшебные стихи —
Непонятный, сумрачный подарок
За его проступки и грехи.

Что бы ни случилось в эту осень:
Кутежи, дуэли, снегопад —

Музыка его уже не бросит,
Все слова до Бога долетят,

Как снежинки в хаосе метели,
Как искринки заревой свечи.
Вот и жизнь прошла на самом деле.
Но не плачь, а слушай и молчи:

Смерть лишь сон, и долго не продлится,
Кончится когда-нибудь она,
И душа, таинственная птица,
Снова будет жить и петь, вольна.

* * *

Не вспомнишь века Золотого
В эпохе трудной и скупой —
Сегодня умирает слово,
Развоплощённое толпой.

Оно уже подобно вещи
И продаётся наразвес,
И ни к чему — твой голос вещей
И жизнь на краешке небес.

От прежнего мироустройства
Остался только в книгах след.
Но не читает книг потомство
И друга в поколенье нет.

И остаются только звёзды,
Земная призрачная твердь,
Ворованный небесный воздух,
Желанье жить, стремленье петь.

Когда-нибудь ты станешь мифом.
Среди вранья и воронья
Прольётся соловьиным мигом
Вся жизнь, а с нею — песнь твоя.

Я ТОЖЕ СТАНУ СТЕПЬЮ

Не вечен город. Здесь столетья степь
Лежала — неподвижная, глухая.

Звезды погибшей добирался свет
До золотой земли — и в травах таял.

Степь — это воздух, горький и густой,
Весенний, опалённый, неповинный
Ни в чём — и опьянённый высотой
И радугой крылатой и наивной.

Стань детством, степь, воспоминаньем будь —
О девочке, на станции живущей.
Здесь будет город. Здесь намечен путь
Для молодых, безудержных, поющих.

Не страшно им, что призрачен барак,
Сквозящий на ветру войны великой,
Что слишком много выпало утрат
И в скорбных лицах проступают лики.

Играет девочка на пристальном ветру,
Дивится травяному благолепию
И говорит, что «если я умру,
То ничего — я тоже стану степью».

ОКРАИНА

Окраина, старая рана,
Старухи и малые дети,
Звезда, что горит неустанно —
И память, которая светит.

Жизнь — словно окраина эта,
Огромное жёлтое поле.
В ней хватит и ветра, и света,
И воли, и счастья, и боли.

Но мало ли что приключится —
Смотрю в поднебесье, не щурясь.
Окраина, чёрная птица,
Тень горя на сумерках улиц.

На фоне домов аварийных —
Израненный старостью тополь.
Здесь жили, стирали, варили
И жизнь не считали жестокой.

О чём сожалеть? Всё сбывалось.
О чём говорить? Всё известно.
Здесь детство похоже на старость
И старость похожа на детство.

Здесь звёзды сияют упрямо,
А сердце — светло и тревожно.
Окраина — старая рана,
Которой зажить невозможно.

* * *

Птичий день зашумел за окошком.
Замелькала рябая вода.
Не останется день этот в прошлом.
Он достанется нам навсегда.

Он продлится на долгие годы,
Разольётся туманом в крови.
Шумом крыльев и небом холодным
Отзовётся и в нашей любви.

Этой рифмой правдиво-банальной,
Рваным шёпотом ясной листвы,
Этим клёном — осенним, опальным,
Разговором людей и травы.

Это мы с тобой — тайна и тайна,
Дальний поезд, поля, ковыли.
Жизнь с печалью её не случайна,
Если в нас бьётся сердце земли.

* * *

Сладкий запах золотистых яблок,
Облачное соло в вышине —
На реке осенней белый ялик
Неподвижен, словно бы во сне.

Патиною времени покрыта,
В рамочку небес облечена
Дачная картинка — стол, корыто,
Виноград у самого окна.

А внизу — обрыв, и только волны,
С горизонтом слившаяся даль.

Наши души детством слишком полны,
Золотого яблока мне жаль —

Где оно, с какой горы скатилось,
Где весёлым семечком взошло,
Что тому кораблику приснилось
В белый день, прозрачный, как стекло?..

* * *

Чувство родины — чувство печали.
Здесь, где души земные темны,
Ходит вечер слепыми ночами,
Коридором сырой тишины.

Прикоснись ко мне кроткой рукою.
Ты живёшь, как растение во мгле.
Ну а я — только тёмной рекою,
Речью чистой и бедной листвою
Буду в сердце твоём на земле.

Та река протекает над бездной,
Листья кружатся в тихой воде.
Только слово становится песней,
Только зёрна звучат в борозде.

И за гранью зимы неизвестной
Вспыхнет зрение спелой звезды.
Смерть исчезнет — она бесполезна.
Белый снег замечает следы.

* * *

Родины слепые пустыри,
Зеленью молочной свет наполнив,
Проникают ветром на балконы,
Шелестят на краешке зари.

Молочай, татарник, суета
Одуванчиков и желтоглазой пижмы —
В предзакатном свете всё подвижно,
И роса мерцаньем занята.

Как люблю я этот странный час,
С розовыми окнами напротив.

Пятница готовится к субботе.
Тополь в небе — чёрная свеча.

В бабушкиных окнах — тишина.
На площадке детской говор слышен.
Мальшня играет между вишен,
Я сижу на лавочке одна.

Время здесь как будто бы стоит,
Жизнь и смерть сплавляя воедино.
Воздухом прошитая картина
Дышит — и прозрачностью манит.

Господи, оставь дыханье мне
Прежнее, живое, молодое,
Чтобы стать окраиной седою
В этом заревом её окне,

Чтобы чуют запах земляной —
Дождевой, непознанный, шемящий.
Родина. Свет первый. Настоящий.
Жизнь, которая произошла со мной.

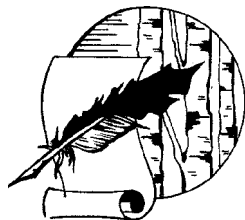
* * *

Большие колокольчики лесов
Дрожат и держат на весу поляну.
Они звонят не поздно и не рано,
Но в час, когда не нужно больше слов.

Ведь в них речная гладь отражена
Такой, какую видим утром белым,
В них — блеск листвы, луч солнца загорелый
И человек, восставший ото сна.

И так понятен свет их синевы,
Их перезвон скупой сиреневатый,
Поющий из таинственной травы,
Что мы уже ни в чём не виноваты.

Мы правы тем, что рождены на свет
И счастье вместе с горем мы вдохнули,
И нас других и не было, и нет
Перед лицом прозрачного июля.

Виолетта БАША

ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ

ПЕРЕГОНЫ РУССКИЕ

Росы порассыпались — нежная пора.
За ночь подморозило, оттепель с утра.
По траве тропинкою убегаю в синь
Гладить серебристую матушку-полюнь.

Чудо, чудо вечное, русская земля,
Вдалеке от Лобного места и Кремля.
Звоны колокольчиков. Тише, звонари!
Пусть поют соловушки с ночи до зари.

Рощи пусть притихшие отдохнут от бед.
Сотни лет истерзана... Что нам сотни лет?
Ты устала, милая, спи, Россия-грусть.
Колокол набатный не взорвется пусть.

Тише, камышовочки, тише соловьи,
Пусть поспит, кудесница, с ночи до зари.
Перегоны русские, бел туман как дым
Светлым плотным облаком над холмом седым...

Там могилы русские, родники в лесах,
Сок березки в пригоршне как душа в слезах.
Перегоны русские, земли-острова,
Души неотпетые, даль да синева...

РОССИЯ ПИШЕТ...

Россия пишет. Пусть ветра нас хлещут больно.
Нас бьют, нас травят, нас пытаются убить.

Мы — соль земли, нам быть вовеки этой солью,
Россия пишет, чтобы выжить, чтобы жить.

Россия пишет и поет, стихи слагая.
В сети сидит, сердца спасая от обид.
Россия пишет, и над Родиной святая
Набатом русская поэзия звучит.

Нас много здесь, на этом острове поэтов.
Россия пишет, и тем выше, чем больней.
Земля российская поэзией согрета.
И добротой талантливых людей.

За эти годы, что живем, нас било горе —
Леса горели, на Донбасс пришла война.
И боль, и счастье, и судьба — вскипали морем,
Где за волной торопится волна.

Россия пишет. Нас всегда добром встречали
Родные лица, и родной наш русский дом.
Спасибо, Русь, за то, что в горе выручала,
Мы снова вместе, и нам беды нипочём.

Россия пишет...

* * *

Проходит жизнь. Проходит и уходит,
Ступая по январским берегам,
И каждый раз чего-то не находит,
Но вновь и вновь всё обещает нам.

Что невлюбленным наколдует встречу,
Что несчастливым звёзд наворожит,
И кто-то за спиной: «Еще не вечер» —
Упрямо и насмешливо твердит.

И всё же, сколько б ни было метелей,
Прожитых, как мгновение одно,
Чего-то мы с тобой не доглядели,
Заглядывая в зимнее окно.

Нет, счастье было, только заплутало,
И, верится, любовь всегда была.

Как много надо им, как надо мало —
Чтоб в неизвестность дудочка звала,

Чтоб в январях не заблудилось чудо,
Чтоб вспышки Эльма виделись вдали,
Чтоб над землей летело «не забуду»
Под алыми знаменами любви.

* * *

Опаленное у чайки крыло,
Опаленная Россией душа...
Не гончарный круг и не ремесло,
А дыхание воды в камышах,

А созвездие горячих светил,
Над Россией. Первый выпавший снег
В поле русском душу мне расчертил —
Чтоб строкою — влёт, да с песней — в разбег!

В тихой заводи поют камыши,
Вечность бродит по уснувшим лесам.
Не разменивай бессмертной души —
На гроши не променяй небеса.

Если можешь не писать — не пиши.
Не гончарный круг и не ремесло.
Только пламенем по углям души!
Только чайки опаленным крылом!

* * *

Сентябрь. Седьмое. Двадцать два пятнадцать.
Под шум дождя вступает ночь в права.
И ярче всех твоих аллитераций
Твоя еще зеленая листва.

И горше всех твоих земных пророчеств
Предчувствие последнего тепла,
И неисповедимым станет ночью
Всё, что струилось с перышка крыла.

И невозстановимы, безвозвратны
Года и судьбы. В ночь поют часы

Как чертит осень траурные даты
По бездорожью средней полосы.

Судьбою нам — по сентяблям скитаться,
Смотреть, как в город входит синева,
В бессмертие легко ронять слова.
Сентябрь. Седьмое. Двадцать два пятнадцать.

* * *

Восьмое сентября. Тепло, как будто летом.
Оттаяла душа — не верит в холода.
И счастье, как вино, разлилось на полсвета,
И смерти больше нет, и горе не беда.

И вопреки всему вдруг молодость вернулась,
И город молодой был в солнце погружен,
И ангельским крылом тепло души коснулось,
И Бог сошел с небес, беспечен и влюблен.

Восьмого сентября поверила я в чудо,
Что счетчик Судных дней остановил свой бег,
Что смерти больше нет, что каждый счастлив будет,
Что будет вечной жизнь и нескончаем век.

Но кто-то там, с небес, знаток всей скорби мира,
Уставший и седой, на землю слил печаль,
И вечер наступил, и замолчала лира,
И душу лед сковал, как вечности печать.

Был холоден твой лик, иконный и точёный,
Заранее ты знал, что кончится тепло,
Что правда упадет на город обреченный,
И кто-то бросит в ночь: «Девятое пришло...»

* * *

Ах, как много света. Не спеши стареть.
Этой бабье лето прожито на треть.
Нам — любить до дрожи. Нам — ловить тепло.
Милый мой, хороший, вот — мое крыло.

Ласковые кудри уроню с плеча.
Взгляд, упавший в небо. А душа — свеча —

И нежна сегодня, и полна тоски.
Осень — вечный голод пьющего с руки.

Цветом сентябрины проступила новь,
Кустиком рябины вызрела любовь,
Робко и нежданно тронув невзначай, —
Лиственным сияньем светлая печаль.

Это — бабье лето, солнечный коктейль.
Озаренный светом добрый брадобрей.
Подстригает пряди золотых волос.
Над рассветом алым счастье занялось.

Ах, как много света. Не спеши стареть.
Это бабье лето прожито на треть.

* * *

Я вернусь в этот город морскими ветрами омыться,
 Попрошу пропустить мой кораблик, раздвинув мосты.
 И когда о весне прокричат сумасшедшие птицы,
 Я пойму, что обманщица-осень куражится из темноты.

Ей дано убедить даже чаек, не верящих в чудо,
 Будто пьяная сырость ручьев упирается в март.
 Только я никогда, никогда твой ноябрь не забуду —
 Умерщвленных надежд, коматозных и спутанных карт.

Я вернусь в этот город не раньше, чем солнце проснется,
 Побежит по каналам, швырнув золотые на дно.
 Я вернусь, когда юность моя в этот город вернется,
 И другого, поверь, Капитан, нам с тобой не дано!

Я вернусь в этот город к тебе на исходе сражений
 Сильных мира сего или как там о них говорят?
 Если я не вернусь, то вернется мое отражение —
 Чайкой, верящей в март сиротливой порой ноября.

г. Москва

РЕШАЮЩИЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ МИРА

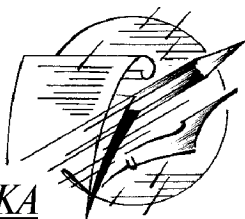
*(Отрывок из работы «Этнодемографический баланс —
решающий фактор в истории мира»)*

Плодитесь и размножайтесь, и населяйте
землю, и обладайте ею.

Бытие. I: 28

Демографический фактор, как начинают сегодня понимать многие наиболее продвинутые политологи, — есть решающий фактор человеческой истории, определяющий ход событий в мире. Конфликты и войны, революции, перемещения гигантских человеческих масс, исход конкурентной борьбы цивилизаций — всё это и многое другое зависит в своих результатах, как и в своих истоках, от такой, казалось бы, простой вещи, как рождаемость, репродуктивная функция человека. Поскольку от этого зависит жизнь и смерть этносов, а этносы, как теперь уже ясно почти всем, — это и есть субъекты истории, творящие ее в масштабах планеты Земля.

Для того, чтобы убедиться в верности заявленного тезиса, разберем несколько ярких, броских ситуаций, которые всем очевидны, но мало кем верно интерпретированы, ибо вместо их этнополитического анализа нам привычно подсовывают то политэкономический, а то т.н. геополитический

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

взгляд на вещи, от чего очень мало проку. Обратимся с этой целью как к современности, так и к прошлому, далекому и не очень.

Современные зоны политической турбулентности и фактор рождаемости

Сегодня на карте мира есть несколько зон, отличающихся сугубой политической турбулентностью и нестабильностью. Это, прежде всего, Ближний Восток (Аравийский полуостров плюс Северная Африка) и Передняя Азия, Афганистан, некоторые регионы Центральной Африки. Объясняя этот факт, политологи обычно прибегают к каким угодно аргументам, но всегда избегают при этом смотреть в корень проблемы. А он, между тем, лежит на поверхности. Стоит только взглянуть на некоторые статистические данные, чтобы обнаружить основополагающее обстоятельство: в этих зонах nämlich очень высокое демографическое давление, постоянно растущее.

Особенно ярким примером демографического роста является Ближний Восток и Северная Африка, как раз те территории, где вспыхнула «арабская весна», плавно переходящая в истребительные войны. Конечно, нам не скинуть со счета провоцирующую роль США, развязавших войну в Ираке и вдохновивших переворот в Ливии и бойню в Сирии. Но они сыграли лишь роль детонатора, поднесли, так сказать, спичку к костру, который сложился без их участия, сам собой. Судите сами.

Взять хотя бы те четыре страны, которые забурлили кровавым ключом весной 2013 года. В Египте среднегодовой прирост населения — 1,3 млн. человек, в настоящее время плотность в долине Нила (остальное — пустыня) достигла 1700 чел/км². За годы правления Мубарака численность египтян возросла почти вдвое. В Тунисе с 1997 по 2010 гг. численность населения выросла с 9,218 до 10,6 млн. человек (цифра кажется небольшой из-за огромной трудовой эмиграции, но молодежи в избытке). В Ливии население выросло с 1961 года в четыре раза: с 1,4 до 5,7 млн. человек. В Йемене ежегодный прирост — 3,8%, один из самых высоких в мире! Только за десять лет с 1986 по 1996-й население там выросло с 9,27 до 16 млн. человек, а сегодня их уже 30,5 млн.

Наконец, в Сирии на 1 женщину приходится 2,85 детей, что немногим менее Йемена (3,1), но существенно выше общемирового среднего показателя (2,42). Не сильно отстают другие страны региона. Сегодня на одну женщину в Марок-

---

ко приходится 2,55 ребенка, в Тунисе — 2,45, примерно столько же в Ливии и Мавритании, в Иране — 3,5, в Кувейте и ОАЭ рождаемость еще выше, поскольку это поощряется правительством.

А вот что происходит с этой точки зрения в Афганистане. Гражданская война там началась в 1978 году, когда Народно-демократическая партия Афганистана пришла к власти в ходе т.н. Апрельской революции. С тех пор война длится непрерывно, то с участием иностранных военных (СССР, НАТО, США), а то и без него, и конца ей пока что не видно. За 43 года непрекращающейся бойни страна потеряла множество людей. Точная статистика практически отсутствует, но только за период с 1980 по 1987 год, по данным USAID погибло 875 000 человек, а по данным исследования «Гэллап» — 1 200 000 человек. Численность беженцев уже в 1990-м году оценивалась в 6,2 миллионов. И в дальнейшем цифры потерь только росли. Но при всем том, если при первой переписи населения Афганистана 1979 года в стране насчитали 15 540 000 человек, то сегодня их насчитывается уже 37 466 414 человек — рост более чем в два раза за время нескончаемой войны. При этом только с 2019 года население уже возросло, как минимум, на 5 240 000 чел. Ежегодный прирост оценивается в 2,6 %, рождаемость — 45,5 на 1000 (5-е место в мире), суммарный коэффициент рождаемости — 6,5 рождений на женщину (4-е место в мире).

Впечатляет, не правда ли? Феноменально! Война идет, люди массово гибнут, как мухи, а население при этом растет, как дай Бог нам, русским!

Население вообще всех исламских стран продолжает расти. Необходимо иметь в виду также, что аналогичным процессом охвачена и Турция: по данным Турецкого института статистики, в 2019 году население возросло на 1 млн. человек (вообще, численность населения страны, составлявшая в 2013 году 77 695 904 чел., в 2019 году составила уже 83 154 997 человек), причем этот прирост — около миллиона в год — держится с 1975—1980 гг. Достаточно высок суммарный коэффициент рождаемости — 2,07. Прилив из Сирии иммигрантов, этнически, конфессионально и цивилизационно близких туркам, вносит свою лепту в общую картину. Территория Турции относительно мала, поэтому плотность населения (а с ней демографическое давление) весьма высока: 108,9 чел./км². Очень важно отметить, что количество турецкой молодежи огромно: люди до 15 лет составляют 26,6% населения. Национальный состав Турции довольно пестр, причем этнические турки составляют лишь четверть населения. Но

статья 66 Конституции Турции определяет всех граждан страны как турок, а турецкий язык — единственный государственный. Такова политическая нация этой унитарной страны.

Аналогичная ситуация сложилась в Африке среди государств с негроидным населением, отмеченных кровавыми эксцессами, гражданскими конфликтами и т.п. Например, в ЦАР за 30 лет (1985—2015) население выросло вдвое; в Руанде за 40 лет (1972—2012) — втрое; в Сомали за 20 лет (1990—2010) примерно в 1,5 раза, а к 2100 году, по прогнозам, вырастет до 200 млн. человек; ну а в Эфиопии к тому времени уже будет 400 млн. (там ежегодный прирост 3,2%, в среднем рождается 10 600 детей в день). Нетрудно предсказать, что аналогичные эксцессы раньше или позже развернутся в Нигере (6,91 детей на 1 женщину), Конго (5,7), Уганде (5,45), Бенине (5,47), Мали (5,63), Мозамбике (4,89), Гвинее-Бисау (4,72), Нигерии (4,67), Судане (4,66), Замбии (4,63), Танзании (4,45), Эфиопии (4,07) и др.

Весь секрет ближневосточного социально-политического взрыва, новой арабской и турецкой пассионарности, кровопролитных войн в Ираке, Ливии, Сирии, Афганистане, ЦАР, Руанде и др. — кроется в этих цифрах, что уж тут говорить! Перед нами — типичный диалектический скачок, переход количества в качество. В чем именно он состоит? Это понятно каждому даже начинающему биологу, а ведь люди, позволю себе напомнить, — это, прежде всего, биологические существа, всецело подчиняющиеся общим для всего живого законам природы.

Итак, что происходит в любой биологической популяции от саранчи и леммингов до человека, когда ее плотность перешагивает через некую критическую величину, через некий «предел допустимой концентрации»? Когда все особи начинают ощущать своей шкурой: что-то нас стало слишком много на этой территории?

Ответ известен, он неизменен в миллионах лет. Когда численность популяции превышает разумные допустимые пределы, становится чрезмерно избыточным, природа всегда включает следующие три механизма регуляции: 1) война, 2) миграция и 3) эпидемия/пандемия (а в мире животных эпизоотия). Три механизма — не больше, не меньше.

Это простой, но безусловный закон биологии. Сегодня мы свидетельствуем полный разгул всех трех названных механизмов, мощно раскрутивших свои маховики. И пандемия, и взрывная неконтролируемая миграция цветных масс, запредельно размножившихся, и непрерывные войны, которые

ми охвачены соответствующие регионы, — всё это налицо и не требует специальной оптики, чтобы предстать как очевидность.

На примере полыхающих кровавыми пожарами вышеназванных стран Азии, Ближнего Востока и Африки мы видим действие названного закона в очередной раз. (Кстати, революции и гражданские войны среди усиленно размножающихся народов Латинской Америки — в XX веке ее население учетверилось! — также указывают на близость рокового рубежа.) Ситуация там напоминает известную сказку про волшебный горшочек, который всё варил и варил кашу, а она постепенно переполняла собою кухню, затем дом, улицу, город... Только в отношении бурно размножающейся человеческой «каши» некому крикнуть: «Горшочек! Больше не вари!» — да никто и не послушает.

Пока население всех этих стран растет, пока им есть, с кем воевать, кого заправить в топку войны, они неизбежно будут это делать, и война всех против всех не прекратится. И это еще, возможно (если иметь в виду судьбу всей антропосферы), — лучший вариант естественной регуляции проблемы перенаселения. Потому что оба других варианта толком не работают, не выполняют своего предназначения. А именно.

Миграция, в условиях ограниченности территории планеты Земля, — лишь паллиатив, временное средство, не решающее проблему перенаселенности в принципе. Мы видим, что у развитых стран Запада, Европы и Америки, испытывающих депопуляцию коренных автохтонных народов, ситуация обратная: там в XX веке, в одних странах раньше, в других позже, всюду возник демографический вакуум, притягивающий и затягивающий к себе избыточное население Земли из других стран. Перепад демографического давления слишком велик, баланс не в пользу белых европеоидов, губительный для них процесс приобрел статус неконтролируемого, неостановимого. Человеческая цветная «каша» валом валит из «горшочков» Азии, Африки, Центральной и Латинской Америки, заполняет Европу, переливаясь через ее границы и создавая угрозу не только существованию белой расы, но и всему миру в целом.

Еще недавно, какие-нибудь 70 лет назад, европейцы, пользуясь своим лидерством в научно-технической и военной сфере, могли бы поставить физические заслоны этим массам. Но они поступили прямо противоположным образом, ибо на волне послевоенного антифашизма, приобретшего характер психоза, широко распахнули свои ворота для незваных гостей, пуще всего опасаясь обвинений в расизме.

Если бы европейцы сразу же поставили заслон цветной миграции, замкнув демографический взрыв цветных народов в естественных границах исторического ареала их проживания, тогда взаимное вооруженное истребление в этом ареале приняло бы гомерический размах. И Европа, со стороны наблюдая и посылно регулируя процесс (например, исправно вооружая всех участников конфликта), смогла бы сберечь свою идентичность. Но массовая миграция на Запад смягчила местные условия, снизила накал взаимоистребления на Юге и Востоке планеты. Впрочем, и того населения, что там осталось и продолжает расти, вполне достаточно, чтобы данные регионы лихорадило и «кровопускание» не прекращалось, пусть и не в той степени, чтобы решить проблему.

Ну а третий регулятор численности популяций — пандемия, как мы уже поняли на примере коронавируса, косит всех подряд, не разбирая цвета кожи, а значит также не может служить регулятором рождаемости цветных, угрожающей всему миру. Возможно, в некоторых секретных лабораториях (как Запада, так и Востока) идут работы над созданием смертельных инфекций избирательного и направленного расово-этнического воздействия, но ничего успешного в этом плане мы пока не видели.

Таким образом, из всех трех естественных механизмов регуляции этнодемографического баланса — война, миграция, пандемия — у первого из названных пока серьезного конкурента нет. В свете этого зависимость современной политической турбулентности и нестабильности от роста населения предстает вполне очевидной. Ибо всё сказанное означает, что ожидать снижения накала вооруженных противостояний на Востоке и Юге — по меньшей мере преждевременно и наивно.

Но обрисованная проблема — не единственное следствие этнодемографического фактора. Его роль в истории человечества просматривается далеко, многократно и разнообразно.

Этнодемография в белой Европе в недавнем прошлом

Еще совсем недавно, в XVIII—XX вв., этнодемографический баланс в мире был принципиально иным: стремительно размножались не цветные расы, а белая — за счет успехов медицины, снизивших детскую смертность; технического прогресса; сельского хозяйства, способного прокормить избыток населения; социальных революций и реформ, формально уравнивавших граждан в правах; военных побед над народами Азии, Африки и Америки, а также некоторых иных определяющих жизнь обстоятельств.

Есть смысл присмотреться к весьма масштабным последствиям, которые возымели этнодемографический и этнополитический факторы в истории европейских народов XVIII—XIX вв.

Самое яркое следствие демографического роста европеоидов — это «восстание масс». Феномен, впервые открытый и описанный испанским гением Хосе Ортегой-и-Гассетом в одноименной книге. Ему удалось еще в первой трети XX столетия не только выразить всю основную суть своей эпохи, но и определить ее как минимум на сто лет вперед (на деле гораздо более).

Что же такое «восстание масс», как охарактеризовал его философ? В чем это восстание проявляется?

Если коротко — количество людской массы европеоидов переросло в ее новое качество, согласно закону диалектики. Изменилась ее социальная, политическая, культурная роль. Вся суть дела в том, что огромные людские контингенты, которые в прежние века были отлучены и от основных благ цивилизации, и от участия в процессах общественного развития и культурного мейнстрима, в XIX веке с поразительной скоростью стали массово приобщаться к тому, другому и третьему. Крестьяне, рабочие, небогатые горожане, интеллигенция что попроще и даже люмпены — все, кого охватывает расхожее понятие «простые люди» или «средние люди», по Ортеге, не относящиеся к креативному и/или правящему меньшинству, — оказались, тем не менее, вовлечены в общественную жизнь в невиданных масштабах уже к концу XIX века. Причем как в качестве производителей, так и в качестве потребителей и заказчиков самых различных, в том числе духовных, продуктов.

Философ подчеркивает: «Роль массы изменилась. Всё подтверждает, что она решила выйти на авансцену, занять места и получить удовольствия и блага, прежде адресованные немногим... Никто, надеюсь, не огорчится, что люди сегодня развлекаются с большим размахом и в большем числе, — пусть развлекаются, раз есть желание и средства. Беда в том, что эта решимость массы взять на себя функции меньшинства не ограничивается и не может ограничиться только сферой развлечений, но становится стержнем нашего времени».

А в результате — «во-первых, сегодня массы достигли жизненного уровня, подобного тому, который прежде казался предназначенным лишь для немногих; во-вторых, массы вышли из повиновения, не подчиняются никакому меньшинству, не следуют за ним и не только не считаются с ним, но и вытесняют его и сами его замещают».

Вот поистине пророческие слова испанского мудреца:

«Итак, новая социальная реальность такова: европейская история впервые оказалась отданной на откуп заурядности. Или в действительном залоге: заурядность, прежде подвластная, решила властвовать. Решение выйти на авансцену возникло само собой, как только созрел новый человеческий тип — воплощенная посредственность. В социальном плане психологический строй этого новичка определяется следующим: во-первых, подспудным и врожденным ощущением легкости и обильности жизни, лишенной тяжких ограничений, и, во-вторых, вследствие этого — чувством собственного превосходства и всесилія, что, естественно, побуждает принимать себя таким, каков есть, и считать свой умственный и нравственный уровень более чем достаточным. Эта самодостаточность повелевает не поддаваться внешнему влиянию, не подвергать сомнению свои взгляды и не считаться ни с кем. Привычка ощущать превосходство постоянно берedit желание господствовать. И массовый человек держится так, словно в мире существуют только он и ему подобные, а отсюда и его третья черта — вмешиваться во всё, навязывая свою убогость бесцеремонно, безоглядно, безотлагательно и безоговорочно, то есть в духе «прямого действия».

«Цивилизован мир, но не его обитатель, — роняет Ортега-и-Гассет неутешительный афоризм в завершение сказанного. И ставит диагноз. — Ничто так не противоречит человеческой жизни, как ее же собственная разновидность, воплощенная в «самодовольном недоросле». И когда этот тип начинает преобладать, надо бить тревогу и кричать, что человечеству грозит вырождение, едва ли не равносильное смерти».

А в чём, собственно, опасность? Прежде всего: «Масса — кто бы подумал при виде ее однородной скученности! — не желает уживаться ни с кем, кроме себя. Всё, что не масса, она ненавидит смертно». Чего же можно хорошего ожидать от ее восстания? Негативные последствия в жизни европейских народов, вставших сегодня на грань вырождения, физического и морального, вполне очевидны — в политике и общественном строе, в культуре и идеологии Запада, в радикальной смене традиционных «европейских ценностей» на свою противоположность, в «религии человекопоклонства» (патриарх Кирилл), наступившей взамен христианской религии и цивилизации. И т.д. Всё это — результат властного вмешательства массового человека с его убогими критериями добра и зла, прекрасного и безобразного, должного и недолжного, в жизнеустройство окружающего мира.

Ортега-и-Гассет не только метко подметил и ярко описал ключевое, все определяющее явление своего (и нашего!) времени, но и сумел, во-первых, дать правдоподобное и глубокое разъяснение некоторых его причин, а во-вторых, предсказать некоторые его последствия в дальнейшем.

Причин, повлекших за собой восстание масс, изменившее многотысячелетний уклад жизни людей, можно найти немало в зависимости от угла зрения. Ортега подметил три, но, может быть, наиболее важные: 1) демографическую, 2) информационную и 3) глобалистическую. Все они имеют колоссальное значение для правильного понимания истории XX века. Но я остановлюсь здесь только на первой.

Итак, демографическая причина. Ортега-и-Гассет дает верный, в основном, взгляд на демографическую суть дела:

«Откуда возникли все эти толпы, захлестнувшие сегодня историческое пространство? Не так давно известный экономист Вернер Зомбарт указал на один простой факт, который должен бы впечатлить каждого, кто озабочен современностью... Дело в следующем: за многовековой период своей истории, с VI по XIX вв., европейское население ни разу не превысило ста восьмидесяти миллионов. А за время с 1800 по 1914 год — за столетие с небольшим — достигло четырехсот шестидесяти! Контраст, полагаю, не оставляет сомнений в плодovitости прошлого века. Три поколения подряд человеческая масса росла как на дрожжах и, хлынув, затопила тесный отрезок истории. Достаточно, повторяю, одного этого факта, чтобы объяснить триумф масс и всё, что он сулит. С другой стороны, это еще одно, и притом самое осязаемое, слабое того роста жизненной силы, о котором я упоминал.

... Человеческий посев в условиях либеральной демократии и технического прогресса — двух основных факторов — за столетие утроил людские ресурсы Европы».

Всё в общем так и есть, но к этому соображению нужно дать существенные коррективы. Да, Европа за сто лет выросла втрое. Но кто именно вырос? Это немаловажно для нашей темы. Вот некоторые подробности.

Рост населения вовсе не коснулся французов: напротив, у них наблюдается демографическая яма, в которую они упали, во-первых, из-за революционных потрясений и истребительных войн Первой Республики и Наполеона (под Ватерлоо уже сражались 15-летние мальчишки, взрослые мужчины были все выбиты или покалечены), во-вторых — из-за оттока населения, устремившегося «за лучшей жизнью» в новые колонии Северной и Центральной Африки и Канады, а в-третьих — из-за переезда множества мужчин ради зара-

---

ботка из сельской местности на долгие сроки в Париж, подвергшийся многолетней радикальной перестройке, потребовавшей десятков тысяч рабочих рук. Всё это привело к быстрому раскрестьяниванию и обезлюживанию Франции и как следствие — к упадку рождаемости. В 1900 году в этой стране уже был минусовой прирост населения, вскоре в нее хлынули гастарбайтеры из Польши, с Балкан, а там и с арабского Востока. Первая мировая война жестоко сократила и без того уменьшающуюся и вырождающуюся французскую этнонацию, окончательно подорвала ее жизненные силы.

Напротив, резко размножились англо-саксы, итальянцы, немцы, русские, евреи. Население России, например, за XIX век выросло втрое: примерно с 50 до 150 млн. чел. Считается, что русские в начале XX века стояли на втором месте в мире по рождаемости, после китайцев, и на первом — в Европе. За русскими по данному показателю шли немцы — второе место в Европе. Заметно выросло также население Италии. Но всех, на самом деле, обогнали евреи, чья численность на территории Российской империи (включая Польшу) за сто двадцать лет выросла в восемь раз, что привело вначале к обильной эмиграции и образованию многомиллионной еврейской диаспоры, в основном в Германии, Англии и США, а впоследствии к образованию Израиля. Влияние этого этноса в политике, искусстве и других важных сферах человеческой жизни резко выросло именно в XX веке, послужив одной из ярких иллюстраций к тезису Хосе Ортеги-и-Гассета о восстании масс.

Ортега-и-Гассет называет два главных, по его мнению, фактора демографического взрыва XIX века: либеральную демократию (Французская революция и политические преобразования, следовавшие за ней, привели к уравниванию в правах сословий в основных европейских странах) и технический прогресс («экспериментальная наука и промышленность»). Не оспаривая их, я бы добавил и иные. Приход капитализма на смену феодализму, во-первых, изменил социальные отношения в деревне, а во-вторых, повлек за собой промышленный переворот, вытягивающий рабочие руки обоего пола из села в город. Последствием всего этого стали урбанизация и раскрестьянивание, поначалу катализировавшие демографический рост. Образ жизни миллионов вчерашних крестьян, перебравшихся в город, резко изменился в благоприятную сторону, учитывая прогресс в медицине и быту, а в подобном случае первое поколение переселенцев обычно демонстрирует резкий прирост семьи (со второго поколения уже происходит спад).

Чем обернулось для всей антропосферы стремительное увеличение населения Европы, помимо «восстания масс»?

Во-первых, началась быстрая колонизация европейцами огромных географических пространств в Африке, Азии, Австралии и обеих Америках. К примеру, излишки переполнявшего Англию населения с успехом утекли с этого острова в США, Австралию, Новую Зеландию, Индию, Египет, Палестину, Канаду и другие колонии и доминионы Соединенного Королевства. Возникшие там государства обязаны своим существованием исключительно плодovitости англо-саксов. При этом сама материнская страна — Англия как таковая — обезлюдевала и запустевала, да так, что уже после Второй мировой войны Англию постигла судьба ранее уже обезлюдевшей Франции. Сегодня эта островная страна точно так же превратилась из субъекта колонизации — в ее объект. И так же терпит «обратную колонизацию» со стороны иммигрантов — жителей бывших колоний: индусов и пакистанцев, жетителей индийцев и арабов, жетителей Океании и различных негроидов, веддоидов, метисов и т.п.

Аналогичные процессы захлестывают Германию, Италию, Испанию, Голландию и Бельгию, другие страны Старого Континента. Но ведь всего каких-то двести лет назад картина была обратной, и не цветные массы захлестывали и теснили европейские народы на их исторической территории, а напротив, европейцы теснили цветные народы на их территориях по всему миру!..

Всё вышеописанное в максимальной степени коснулось также и нашей России, которая, благодаря стремительному росту населения, пережила восстание масс не только заодно со всем миром, метафизически, но и самым натуральным образом персонально, в виде Октябрьской революции, Гражданской войны и форсированного раскрестьянивания, которым сопровождалась индустриализация, урбанизация, коллективизация, освоение Русского Севера, Сибири и Дальнего Востока, а главное — Великая Отечественная война. Россия оказалась не периферией, а одним из эпицентров процесса, затронувшего весь мир. И сегодня, в условиях возникающего демографического вакуума ввиду депопуляции государствообразующего русского народа, она точно так же терпит «обратную колонизацию» со стороны бывших национальных окраин Российской Империи.

Необходимо задуматься над причиной этой пертурбации и понять ее.

Во-вторых, как и следовало ожидать, — в самой Европе разразились революции и ужасные мировые войны, повлек-

---

шие за собой колоссальные, многомиллионные человеческие жертвы, «континентальное кровопускание», о чём подробнее будет сказано ниже.

Итак, мы видим, что демографический взрыв, переполнивший Европу в XIX веке человеческим материалом, привел к огромных, поистине глобальных масштабах всё к тем же известным последствиям: войнам и миграциям (вспыхивали у этой эпохи и свои пандемии — чихотка, сифилис, холера, тиф, испанка и др., как до того — чума, черная оспа). В итоге к нашему времени человеческий ресурс европеоидной расы оказался истощен и подорван, и процесс покатился в обратном направлении, заставляя задаваться животрепещущим вопросом о нашем будущем.

Загадка мировых войн с точки зрения этнодемографии и этнополитики

Когда мы говорим о «континентальном кровопускании» в Европе, случившемся в XX веке и положившем начало вымиранию и вырождению расы белых европеоидов, необходимо понимать прямую и конкретную зависимость общественных катаклизмов от демографической ситуации. И тут, в первую очередь, нужно отметить особую роль Германии и немецкой нации, по инициативе которых разразились обе грандиозные мировые войны. Не может быть и речи о случайности этого обстоятельства; но, говоря о его необходимости, неизбежности, мы должны вновь и вновь обратить свой взор на этнодемографический фактор.

Во второй половине XIX века в Германии сложились новые важные условия жизни. Это, во-первых, долгожданное объединение разрозненных немецких земель в единую империю (1871). Во-вторых — завершение германского промышленного переворота в 1880-е годы. А в-третьих (и в главных), это бурный демографический рост немецкого этноса, сопровождавшийся раскрестьяниванием и урбанизацией. Рост стал особенно заметен уже к середине века. А с 1870 г. население объединенной Германской империи росло еще сильнее и увеличилось к 1925 г. на целых 23 млн. человек, составив 63 млн., а к 1939 — все 80 млн., из которых 70% к 1939 году уже переместилось в города. Это явление имело чрезвычайно важные последствия, оно влияло на всю жизнь страны. Немцы сумели не только восстановить популяцию, подорванную Тридцатилетней войной (1618—1648), но и встать грозным колоссом на пороге новой войны, в общем-то тоже тридцатилетней (1914—1945).

Дело в том, что избыточное население немецких государств, как и Англии, поначалу тоже искало своей доли в бурной эмиграции. Но если англичане разъезжались в основном по своим колониям, протекторатам и доминионам, у немцев такой возможности не было. В 1866—1873 г. из Германии ежегодно выезжало в среднем 130 тысяч человек, подавляющее большинство — в Америку. В результате уже накануне гражданской войны они составляли вторую по численности группу иммигрантского населения США — 31,5% (за 1851—1860 гг. в США въехало 951 667 выходцев из Германии, а в одном только 1854 г. — более 200 тыс. немцев). В 1870 году в Нью-Йорке жило уже около миллиона немцев. В итоге к началу двадцатого века немецкий был вторым по распространенности языком Северной Америки, и даже в наше время до 20% американцев имеют немецкое происхождение. Легко можно по этим данным представить себе масштаб тогдашней эмиграции немцев из Старого Света — в Новый. А ведь уезжали не только туда.

Итак, мы видим, что высокий прирост немецкого населения до поры до времени компенсировался, «гасился» ростом эмиграции. Наивысших цифр эмиграция достигла в 1882 году. Затем она начала сокращаться. Если до 90-х годов немцы составляли около 30% всего иммигрантского населения США, то к 1890 году их доля снизилась до четверти. В 1890-х годах век массовой немецкой эмиграции в Америку кончился. Но не потому, что рост нации прекратился, отнюдь: в начале XX века Германия была на третьем месте в мире (уступая Китаю и России) и на втором в Европе по рождаемости. В чем же было дело?

Ответ: в милитаристских устремлениях кайзера, мечтавшего о величайшей в мире армии. Император Вильгельм Второй положил конец столь мощному оттоку немцев. Запретив своим подданным эмигрировать, Вильгельм заклепал предохранительный клапан на этническом котле; страна стала разбухать от чрезвычайного избытка людей, от молодых здоровых поколений. Армия в этих обстоятельствах стремительно росла. Ощущение безграничной силы, переполняющей все народные жилы, вело немцев к тому, что Гумилев назвал бы «пассионарным взрывом». Немецкий этнос, как налитый соком и полный зрелых семян переспелый плод, готов был лопнуть от избытка сил — бросить вызов всем окрестным народам.

Из трех известных нам естественных регуляторов численности популяции для немцев остался только один — война.

Европа в XIX веке почти не вела войн после 1815 года, не считая периферийных (например, Крымской) и колониаль-

---

ных, «отдыхая» после наполеоновских потрясений. Но Германия даже и в упомянутых не участвовала. Зато она готовилась к Большой Войне, в которой надеялась взять реванш за-всё-за-всё: за разгром под Грюнвальдом, за апокалипсис Тридцатилетней войны, за два века униженного, раздробленного состояния, за легкость бонапартовых побед, за то, что мир оказался поделен без немцев и все самые сладкие колониальные куски уже имеют своих хозяев... Но главное — в другом. Стремительное развитие, ощущение неудержимо и безгранично растущей мощи, пассионарный толчок, обусловленный этнодемографически и государственно-политически, — всё это естественным образом породило претензию немцев на мировое господство!

Разумеется, первым объектом реванша должна была стать Франция. Не случайно у нас с французами весьма различная хронология: мы отсчитываем начало Первой мировой войны с 1914 года, а они — с 1871. Для нас Франко-Прусская война, начавшаяся в том году и закончившаяся быстрым и полным разгромом Франции, — незначительный эпизод мировой истории. Для них — первый акт грандиозной мировой драмы. И в этом они правы.

Франко-Прусская война стала пробным камнем нового немецкого могущества. Немецкий этнос, восстановленный, объединенный после двухсот лет раздробленности — и воодушевленный этим объединением, стремительно растущий, обрел, вместе с единым государством, огромную энергию: энергию новой, молодой нации.

Во Франции же этнодемографическая ситуация была зеркально противоположной, эта страна находилась, если можно так выразиться, в «демографической противофазе» по отношению к Германии. Несмотря на наполеоновские войны, уничтожившие практически всё взрослое мужское население, французам всё же удалось за 1801—1851 гг. увеличить свою численность на 8,3 млн. человек. Но в дальнейшем, по мере оттока сельского населения в город и в колонии Магриба, наблюдается неуклонное снижение рождаемости. Этим, в главном, и объясняется поражение Франции во Франко-Прусской войне.

Дальше было только хуже. В 1900 г. в стране был уже отмечен «минусовой прирост» населения — минус 26 тыс. человек; в 1911 г. — минус 33 тыс. А если сравнить население Франции за 1870 (37,5 млн.) и 1926 (38 млн.) годы, то мы увидим, что, в отличие от Германии, выросшей в полтора раза, она почти не увеличила за этот период свое население. Французам ценой невероятных человеческих жертв удалось с помощью Англии,

---

США и России взять реванш у немцев в 1918 году, но это был их последний в истории рывок. Убитыми и без вести пропавшими они в Первую мировую потеряли 1 354 тыс. человек (это не считая офицеров); искалеченными и тяжелоранеными — 1 490 тыс.; превышение смертности из-за голода и эпидемий над рождаемостью в эти же годы составило 1 500 тыс. Это был конец. Уже в самом скором времени — в 1940 году у французов не оказалось никаких физических сил для сопротивления вермахту, что легко и непринужденно привело к новой немецкой оккупации в итоге «странной войны», длившейся всего с 10 мая по 24 июня. И в дальнейшем, вплоть до наших дней, демографический вакуум заполнялся во Франции в значительной мере за счет иммигрантов.

Но вернемся к теме войны.

Казалось бы, война против всех на несколько фронтов, которую повела в итоге Германия, — безумство, строго-на-строго запрещенное всеми учебниками военной науки. Но ведь немцы повторили эту классическую ошибку дважды за какие-то неполные 30 лет! По глупости? Нет. От ложного чувства всемогущества, от избыточной пассионарности. Отчего они возникли, откуда брались? Причина упорного наступания на смертельно опасные грабли была одна: небывалый демографический подъем, преизобилие человеческого топлива, годного для военной топки.

Так было перед Первой мировой войной. Но точно так же было и перед Второй.

Гитлер был одним из самых последовательных политиков в мире, доктринером, идеократом; им полностью властвовали идеи и, если так можно выразиться, идейные мечты. Он всегда, невзирая на временные тактические, прагматические отступления, стремился воплотить в жизнь свои теории общественного устройства, свое понимание должного. Чтобы понять его мотивы, надо внимательно читать его программные тексты, в особенности и в первую очередь «Майн Кампф».

Тогда нам станет понятно, что в своих дерзких геополитических мечтаниях Гитлер вполне прогрессивно и реалистически исходил из главного: этнодемографического фактора. Налицо был стремительный рост немецкой этнонации, стоявшей по этому показателю на втором месте в Европе, сразу после русских. В «Майн Кампф» Гитлер, глядя в корень, отмечал ежегодный прирост народонаселения Германии в 900 тыс. человек, что было политическим фактором огромной силы. Весь этот избыток человеческого материала надо было куда-то девать, как-то утилизировать.

Считая плотность немецкого населения избыточной, но при этом намереваясь не снижать, а наращивать этот показатель, Гитлер естественным образом пришел к проблеме «жизненного пространства», поставив ее во главу угла внешней политики. «Нас, немцев, проживает по 150 человек на квадратный километр — разве это справедливо?!», — вопрошал он себя и всех своих слушателей и читателей, а слушала и читала его к тому времени уже вся Германия. Положим, в некоторых странах Европы (например, в Бельгии) этот показатель был повыше, но Гитлера интересовало только свое. И в поисках жизненного пространства для немцев во всех нынешних и грядущих поколениях он всегда обращал свой взор только на Восток, только на славянские земли — на Югославию, Чехословакию, Польшу и Россию. И никогда этого не скрывал. Пр процитирую самые яркие мысли фюрера.

«Мы, национал-социалисты... хотим приостановить вечное германское стремление на юг и запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе. Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены».

При этом речь вовсе не шла о превращении России в немецкий доминион, протекторат или даже колонию. Нет, Гитлер хотел «ариизировать Россию» вполне однозначным образом: ликвидировать «расово неполноценное» русское население и заменить его истинными арийцами — немцами. Он писал недвусмысленно: «Наша задача — не в колониальных завоеваниях. Разрешение стоящих перед нами проблем мы видим только и исключительно в завоевании новых земель, которые мы могли бы заселить немцами»; «Наша задача, наша миссия должна заключаться прежде всего в том, чтобы убедить наш народ: наши будущие цели состоят не в повторении какого-либо эффективного похода Александра, а в том, чтобы открыть себе возможности прилежного труда на новых землях, которые завоюет нам немецкий меч».

Русских (и вообще славян) Гитлер за людей не считал и участь им готовил незавидную. «Русский человек — неполноценен», — определенно заявил он на совещании 5 декабря 1940 года в ходе подготовки плана «Барбаросса». Его установки в полной мере проявились в ходе геноцида и этноцида русских, белорусов, украинцев, в культурной политике на оккупированных территориях Польши и СССР и т.д.

Итак, налицо, по крайней мере, один из движущих моментов, обусловивших Вторую мировую войну: жажда земельных приобретений сильно размножившегося немецкого народа. Ведомого Гитлером — вождем, хорошо понимающим объективную необходимость «жизненного пространства» для немцев, вождем, живущим истинными нуждами своего народа. Земельные приобретения немцев должны были осуществиться за счет славян, исключительно. Весь ход событий, начиная от раздела и последующего захвата Чехословакии, раздела Польши и захвата Югославии — и вплоть до попытки захватить Россию, Украину и Белоруссию, это подтвердил ясно и недвусмысленно.

Однако был и другой, не менее объективный и глобальный момент, предопределивший как Первую, так — в еще большей степени — Вторую мировую войну.

Кто мог противостоять в XX веке Германии на всём пространстве Европы — если иметь в виду чисто демографический аспект, наличие избыточных людских ресурсов? Ясно, что не Франция, растерявшая свой демографический потенциал уже к 1900 году. И не Англия, раскидавшая свое избыточное население по всему миру от Австралии и Новой Зеландии до Танганьики, Америки, Канады и Фолклендских островов.

Этим странам уже в начале XX века нечем было воевать по-настоящему, с помощью большой массы живых солдат. Если бы они выступили против Германии и Австрии только вдвоем, вряд ли они одолели бы врага, скорее были бы разбиты (немцы «задавили бы их массой», не говоря уж о техническом превосходстве). Тем не менее, втянув в боевые действия Россию и даже США, они не только продержались на фронтах пять лет, неся большие потери, но и сумели выиграть войну, даже несмотря на выход из нее Советской России. Но какой ценой? Подрыв демографического уровня Франции и Англии в результате этого кровопускания был настолько велик, что к 1939 году они уже не были способны воевать так, как воевали в Первую мировую войну. А значит, им не следовало и начинать Вторую. Кого они могли выставить на поле битвы против немецких армий?

Сухопутные вооруженные силы Германии (вермахт) к 1 сентября 1939 года составляли 3 214 000 человек. Не считая контингентов «кригсмаринен» (военно-морские силы) и «люфтваффе» (авиация). Это — с одной стороны.

С другой — Англия на случай боевых действий могла предоставить сразу лишь две дивизии, а погода — еще пять. Сокрушительный разгром под Дюнкерком обнаружил, чего сто-

---

или английские дивизии в деле. Франция, хотя и могла выставить 130 дивизий, не хотела воевать, не была морально готова к войне: урон, понесенный французами в Первой мировой, был слишком велик, жертва слишком колоссальна, травма слишком памятна. Французы понимали: основной удар волшебным образом выросшего числом и усилившегося врага на территории Европы пришлось бы вынести им. И кто знает, чем бы всё это кончилось (практика показала: кончилось мгновенным страшным разгромом и оккупацией Франции).

Единственной европейской страной, сопоставимой по человеческим ресурсам с Германией и в силу этого способной остановить ее на пути к мировому господству, была в 1913 году Российская империя, а в 1939 г. — Советский Союз. И только. Уже одно это делало совершенно неизбежным, предопределенным особо ожесточенное и кровопролитное столкновение названных двух держав в обеих мировых войнах. Приведу несколько цифр.

По уточненным данным Управления Главного врачебного инспектора МВД, численность населения России (без Финляндии) на середину года составляла в 1909 г. 156 млн., а в 1913 г. — уже 166,7 млн. человек. С 1897 по 1913 год динамика населения России показывала прирост со скоростью 2-3 миллиона (!) человек в год.

В дальнейшем, уже в СССР, несмотря на огромные потери в Первой мировой, а также в ходе революций, Гражданской войны, большевистских репрессий и раскулачивания, Финской войны, несмотря на утрату Польши и Финляндии и на разрешение аборт (вплоть до 1936 года), советское население продолжало активно расти. К 1 января 1940 г. оно выросло на 27,4 млн., составив 194,1 млн. чел.; наибольшей плотностью заселения отличались центр, районы Европейской части СССР, особенно междуречье Оки и Волги, а также районы Донбасса и Правобережной Украины.

Таковы были этнодемографические предпосылки обеих мировых войн. О том, что в этих войнах решались прежде всего судьбы избыточно размножившихся европейских народов (конкретно: немецкого и русско-славянских — русских, украинцев, белорусов), ярко свидетельствует сравнительная статистика человеческих невозвратных потерь у основных стран-участниц этой глобальной бойни.

Результаты Первой мировой войны в этом отношении вполне сопоставимы среди них. Страны Антанты потеряли убитыми: Россия — 1 650 000, Франция — 1 357 800, Англия — 908 371 (итого 3 916 171 чел.). Центральные державы: Германия — 1 773 700, Австро-Венгрия — 1 200 000; их союзник

Италия потеряла около 400 000 (итого 3 373 700). В целом Европа только убитыми недосчиталась примерно 7,3 млн. человек.

Эти потери разные страны — участницы Первой мировой войны — перенесли по-разному. Ни Франция, ни Англия так и не смогли восстановить свой демографический потенциал в степени, достаточной для повторного полноценного участия в новой мировой войне. Не то Германия и Россия (в обличье Советского Союза). Население этих двух стран — немецкая и русская популяции, выражаясь единственно уместным в данном случае языком биологии — продолжало активно увеличиваться, о чём говорилось выше. Решающая схватка между ними, по закону природы, становилась неизбежной.

Достаточно взглянуть на сводку невозвратных потерь личного состава армий стран, участвовавших во Второй мировой войне на территории Европы (Дальний Восток и Африку мы не берем во внимание, хотя и там прослеживается та же закономерность), чтобы ясно увидеть биологический смысл этой бойни.

Англия и Франция потеряли на полях ее сражений всего (да простится мне это негуманное, но точное в данном контексте слово): первая — 300 000 чел., вторая — еще меньше, 253 000 чел. Замечу здесь же, что общие потери США составили 405 399 чел. (из которых 113 842 — небоевые); но при этом на Евро-Атлантическом театре военных действий погибло лишь 183 588 человек. Итого, совокупные потери наших так называемых союзников на полях той войны составили 736 588 военнослужащих. Меньше, чем потеряла одна только Англия в ходе Первой мировой войны.

Принципиально иную картину видим мы в третьем рейхе и СССР. Как резюмирует хорошо изучивший вопрос ректор Московского Гуманитарного университета И.М. Ильинский в статье «Правда о цене победы»: «Принято считать, что безвозвратные боевые потери Германии (убиты, умерли от ран и болезней, погибли в результате несчастных случаев, расстреляны по приговорам военных трибуналов, не вернулись из плена) за 1418 дней войны составили 8 млн. 876,3 тыс. военнослужащих, а вместе с потерями ее союзников — 10 млн. 344,5 тыс. человек. Безвозвратные боевые потери СССР за те же 1418 дней войны — 11 млн. 444 тыс. человек, а вместе с потерями союзников (76,1 тыс. человек) — 11 млн. 520 тыс. человек».

Но ведь потери несли не только армии, но и мирное население. И здесь сопоставление итоговых цифр просто потрясает! Совокупно Англия, Франция и США потеряли 507 673

чел. мирных жителей. Третий рейх — в три раза больше: 1 580 000 чел. Ну а СССР — вовсе несопоставимо большее количество: 15 760 000 чел. — в десять раз больше, чем немцы, на порядок больше! И в тридцать раз больше, чем союзники...

В результате двух мировых войн демографическое давление в Европе резко и, похоже, необратимо упало, и вся демографическая ситуация изменилась. Европейские народы не перенесли такого двойного удара за какие-то тридцать лет. Если предположить, что Природа, извечно контролирующая рост любых биологических популяций, могла иметь такую цель и такое средство, то надо признать: цель была достигнута, кровопускание удалось на славу. Постепенное запустевание Европы, наглядное вымирание ее автохтонных народов было предопределено этими событиями и шло крещендо. На месте бывшей области высокого демографического давления белой расы образовался в наши дни демографический вакуум.

Отчасти это связано, конечно, с изменением места и роли женщины в общественной жизни индустриальных и постиндустриальных обществ, с возникновением «общества потребления» и идеологии консьюмеризма, с изменением шкалы ценностей и лестницы приоритетов современного человека, с тотальной секуляризацией общественной жизни и пр.

Однако сильно сказывается, безусловно, также и шлейф, оставленный военным избиением многих миллионов людей. Со всеми вытекающими последствиями: отказами от деторождения, умножением неполноценных семей и массовым феноменом матерей-одиночек, да и просто нерождением миллионов детей, которые могли бы родиться у тех, кто погиб в ходе войн. Главное же — в результате такого чудовищного избиения народов у избитых произошел подрыв витальных сил и упадок пассионарности, изменилось всё мироощущение, общественное самочувствие.

Общую картину легко себе представить, воспользовавшись разведанными из ежегодно возобновляемого источника «Всемирная книга фактов ЦРУ», где приводятся цифры рожденных детей, приходящихся на одну женщину в той или иной стране. Эти цифры вызывают у меня наибольшее доверие.

Что же мы видим, обратившись к списку? Известно, что для простого воспроизводства этноса необходимо, чтобы на одну семью приходилось не менее троих детей, чтобы компенсировать грядущую смерть родителей и энное количество младенцев, не рожденных по причине бездетности некоторых женщин. Список не дает представления о такой статис-

---

тике, но показывает, сколько детей приходится на одну женщину в среднем, включая бездетных. Это тоже неплохой показатель, если смотреть в сравнении: среднемировой показатель — 2,42 ребенка на женщину, но показатели по разным странам могут отличаться друг от друга в разы.

Итак, вернемся в Европу. В среднем по Евросоюзу указанный показатель равен 1,62, существенно ниже общемирового. Ну а по основным историческим европейским странам, добрую тысячу лет лидировавшим на континенте, а лет четырехста-пятьсот и в мире, результаты еще хуже: Франция — 2,04; Соединенное Королевство (Великобритания) — 1,86; Нидерланды — 1,78; Испания — 1,51; Австрия — 1,5; Германия — 1,48; Венгрия — 1,48; Италия — 1,47; Португалия — 1,42; Польша — 1,39. В ту же детородную парадигму ложатся также основанные белыми европеоидами-христианами Канада — 1,57 и США — 1,84, а также страны «русского мира»: Россия — 1,6; Украина — 1,56 и Белоруссия — 1,51.

Однако эту картину надо рассматривать более пристально, через специальную оптику, поскольку беспристрастная, казалось бы, статистика на самом деле обманчива. На первый взгляд, лучше всех рожают Франция, Англия, США и Нидерланды. Но это только на первый взгляд, потому что относительно высокий показатель в этих странах обеспечивают цветные граждане (в т.ч. мигранты), а вовсе не настоящие, природные французы, англичане, белые американцы или голландцы. Об этом говорят специальные исследования, рассматривающие вопрос в более детальном приближении.

К примеру: в относительно благополучной на вид Франции по состоянию на 2018 год в общей сложности иммигранты и их прямые потомки составляли 20,9 % населения. И в результате 13% рождений во Франции приходится на семьи, где оба родителя иммигранты, а еще 15% — на семьи, где один из родителей иммигрант. Вот эти семьи и дают существенный — целая треть — прирост населения. Но понятное дело: сколько бы поколений негры или арабы ни жили в стране Бальзака и Гюго, обладая всеми правами гражданства, французами от этого ни они, ни их дети и внуки не становятся. Натуральные же французы, чья популяция была необратимо подорвана еще в XIX столетии, с начала XX века только сокращали свою популяцию.

В Англии, по переписи 2001 года, белые британцы составляли 85,67% населения. Но это за счет пока еще аутентичной английской провинции, в столице картина уже совсем другая. В 2017 г. конкретно по Лондону от матерей-мигранток родилось больше половины детей: 58% (73 тыс. рождений из

---

126 тыс.). Следует уточнить: из этих 73 тысяч детей 38 тысяч (т.е. 30% вообще новорожденных) родились в Лондоне от мигранток из Азии и Африки. Это сказывается на ситуации по всей стране. По данным Бритстата, в целом по Англии и Уэльсу процент детей, рожденных от матерей-мигранток, составляет 28% (193 тыс. рождений из 679 тыс.).

Если посмотреть масштабнее, то за 200 с лишним лет (с 1806 г.) рождаемость в Англии снизилась втрое, во Франции — вдвое. Примерно так же обстоит дело и в других странах Западной Европы, даже в маленькой Финляндии, где на 5,5 млн. населения страны приходится уже 450 тыс. цветных беженцев. Причем в Хельсинки каждый шестой житель иммигрант (16,5%), а если брать возрастную категорию 30—35 лет, то иммигрант каждый четвертый житель!

Что же до Америки, там со второй половины XX века из-за цветной иммиграции, а также высокой рождаемости у цветных и низкой у белых, доля белых американцев начала быстро падать. Если в 1940 году она составляла 88%, то к 2014 сократилась до 61,9%. В наши дни этот процесс продолжается с ускорением, особенно благодаря увеличению иммиграции из Центральной и Латинской Америки, а к чему это ведет — мы воочию лицезрели в 2020 году на примере движения BLM, и это еще только цветочки.

Положение в России, на первый взгляд, не хуже и не лучше других, примерно среднее, если сравнить с общей цифрой по Евросоюзу. Но на самом деле и тут не всё так гладко, поскольку собственно у русских — основного, государствообразующего народа — прирост минусовой, а растет население Тувы (она чемпион по рождаемости) и Кавказа. В Белоруссии ситуация тоже внушает тревогу, а уж на впавшей в маршак Украины, по данным государственной службы статистики этой страны, за 30 лет «независимости» уровень рождаемости и вовсе снизился более чем в два раза.

Итак, если, опять же, взглянуть на дело масштабнее, в глобальных пределах, то вся белая раса, еще в середине XX в. занимавшая примерно треть населения Земли, сегодня занимает всего 15%, а к концу века и эта цифра заметно снизится. По прогнозам ООН, Нигерия уже в 2047 году превзойдет США как третью по величине населения страну в мире, а к 2100 году 5 из 10 крупнейших по населению стран мира будут в Африке. Две трети всех стран и территорий в Европе (32 из 48) потеряют население, а половина детей всего мира будет рождена в Африке, которая по количеству новорожденных перегонит Азию.

Роль двух мировых войн в этом неутешительном и макабрическом (страшном) процессе, нанесшем жесточайший удар

по витальным силам белого европеоида, представляется мне весьма очевидной и значительной. Но не забудем, что эти войны были лишь ответом на тот вызов, который бросил природе весь Европейский континент, население которого столь быстро и радикально расплодилось в XIX — первой трети XX вв. Особенно эти войны сказались на судьбе двух народов, чей бурный и неумеренный рост, собственно, и сдетонировал катаклизм. Я имею в виду немцев и русских.

Взглянем на них поближе. Как широко известно из СМИ и научных изысканий, Германию в 2010-е гг. буквально затопила мощная волна цветной иммиграции. Благодаря чему страна несколько поднялась в таблице суммарного коэффициента рождаемости, где еще в середине 2000-х гг. занимала самое последнее, 224-е место, по данным «Всемирной книги фактов ЦРУ». Но всё равно осталась среди самых неблагополучных в этом отношении стран (хуже дела идут в Южной Корее, Сингапуре, Гонконге, Японии). Тем, кто бывал в Берлине, в глаза бросалось наличие целых неформальных гетто на окраинах города, где проживают турки, ливанцы и пр. Но гораздо печальнее другое.

Как известно, за двенадцать лет полновластия гитлеровцев, с 1933 по 1945 гг., вся биосоциальная элита немецкого народа была скрупулезно, тщательно и целенаправленно собрана и сконцентрирована в расово-этническом ордене СС. Чтобы войти в это специфическое сообщество, надо было быть не только хорошо образованным, культурным и здоровым человеком, дисциплинированным и ответственным, желательным представителем истеблишмента, но надо было прежде всего документально подтвердить свою принадлежность к немецкому этносу по обеим линиям за 300 лет. Эсесовцы были в полном смысле слова биосоциальной элитой своего народа — без малейших скидок. Во время и после войны эту элиту столь же скрупулезно, тщательно и целенаправленно враги разыскивали по всему миру, отлавливали, как диких зверей, и уничтожали. Эсесовцы, притаившиеся в недрах собственной страны, маскировались и скрывались, сидели тихо, опасались заводить семьи и детей. Некоторым удалось притвориться на службу к американцам, некоторым — спрятаться в Латинской Америке и так уцелеть. Но для Германии, в любом случае, весь этот отборнейший человеческий материал был утрачен. Произошла тотальная антиселекция: немецкий генофонд понёс непоправимую, фатальную потерю.

Результат сказался на качестве нации самым плачевным образом. Сегодня, посещая Берлин, нельзя не обратить внимания на полное отсутствие среди населения былых витрин-

---

ных арийских типов, пресловутых «белокурых бестий». Напротив, немецкая молодежь производит унылое впечатление своей плюгавостью, невзрачностью, особенно заметной, скажем, в сравнении с очень красивым, рослым и физически совершенным населением Белграда. Да и европеоидной Москвы, пока еще.

В Вене я еще не бывал, интересно было бы сравнить с Берлином впечатления о физическом качестве населения. Но что касается низкой рождаемости, тут Австрия и Германия сегодня идут рука об руку.

Суммарный коэффициент рождаемости в Германии съехал с 4,93 в 1900 году — до 1,24 в 1994 году. Важно отметить: в истории этой страны выделяются два периода, резко и радикально изменивших характер рождаемости: 1) отмеченные минусовым приростом и падением суммарного коэффициента рождаемости (СКР) с 3,27 до 2,33 годы Первой мировой войны, а затем 2) годы Второй мировой войны и, в особенности, войны с СССР, когда этот коэффициент снизился с 2,4 до 1,53. Подчеркну: мировые войны — это настоящие рубежи в истории немецкой демографии.

Пик падения, как уже говорилось, — 1994 год, после чего СКР стал немного подниматься — за счет, вначале, высокой волны немцев-репатриантов из бывшего СССР, а потом, когда этот ресурс исчерпался, — за счет цветных иммигрантов из Азии и Африки. В итоге доля населения с миграционными корнями составила в 2015 году 21% (в группе «дети до 5 лет» — 36%). Самая большая группа — турки, около 3,74 миллионов человек. Иммигранты рожают гораздо больше детей, чем немцы: если у немцев в 2016 году отмечен коэффициент рождаемости 1,46, то у иностранок — 2,28. На первый взгляд может показаться, что разрыв между СКР Германии и России не так уж велик: около 0,1. Но значительная часть человеческого ресурса Германии — это уже не немцы. При этом прирост населения в Германии, несмотря на такие усилия приезжих, — стабильно минусовый с 1972 года, и цифра потерь в 2020 году достигла 212 428 человек. Чем всё это закончится — понятно без слов.

В Австрии картина во многом аналогична. Суммарный коэффициент рождаемости съехал с 4,33 в 1900 году до 1,33 в 2001, минусовый прирост в 2020 году — 7.024 человека. Отрядным фактом является пока что относительно небольшое число цветных мигрантов (тут Австрия заняла более прагматичную позицию) и высокий процент немецкоязычных австрийцев (89%). Хотя язык, как мы знаем, ненадежный показатель этничности — мало ли кто говорит по-немецки. Но

основной контингент иммигрантов — это белые славяне с Балкан и иных стран, а также немцы-репатрианты. Возможно, положение австрийских немцев не столь безнадежно, как у их сородичей из Германии, деградирующих качественно и количественно, но общая тенденция все равно нерадостна.

Из сказанного можно сделать вывод о подлинной цене полной и безоговорочной капитуляции немцев 1945 года. За полученный в итоге мир и некоторое продление своего земного существования немецкий этнос заплатил перспективой полного вырождения и вымирания. Осознавать эту перспективу немцы начали только-только, о чём можно судить по некоторому оживлению правого движения, но я не вижу оснований видеть в этой робкой попытке дышать, жить и думать по-немецки — залог возрождения немецкой нации. Мне кажется, немцы — уже конченный народ, «уходящая натура». Я не вижу у них сил, способных сопротивляться цветному потоку, который их в конечном счете навсегда переродит и похоронит.

Обратимся теперь к России и ее государственно-политическому предшественнику — РСФСР.

Как уже говорилось, в Советской России долгое время сохранялась инерция высокой рождаемости, набравшая ход еще в царское время. Так, в 1927 году у нас был высочайший общий суммарный коэффициент рождаемости (СКР): 6,653. Это почти столько же, сколько сегодня в самой плодovitой африканской стране — Нигере (6,91), но выше, чем даже в следующих по рангу Конго, Мали, Сомали, Бенине, Уганде и др. Подчеркиваю, что речь идет не обо всём СССР, а именно об РСФСР. Большевики распорядились человеческим избытком довольно рационально, направив его энергию на урбанизацию, индустриализацию, освоение Сибири, Севера, Дальнего Востока. Но главный расход человеческого материала ждал впереди: война.

К 1940 году СКР снизился до 4,252, а после войны упал до 2,8 по вполне понятной причине, на чём я хотел бы особо заострить внимание читателя. Вот конкретный результат нашего участия во Второй мировой войне: резкое снижение рождаемости почти в два раза!

В дальнейшем СКР в России колебался, в основном, в пределах 2,9—2,7, но с 1959 года начал регулярно снижаться, упав к 1980 году до 1,87. После чего последовал небольшой подъем — и новое падение до 1,73 в 1991 году. Предельного падения рождаемость в России достигла в 1999 году: 1,157, а затем, колеблясь вокруг цифр 1,5—1,8, дала в наши дни по-

---

казатель 1,61, если верить той же «Всемирной книге фактов ЦРУ». К сожалению, приходится признать, что и у нас, как в Германии, этот показатель в значительной степени обеспечивают представители не государствообразующего народа, а совсем других этносов. Но, по крайней мере, хоть не иммигрантов...

Таким образом, мы видим, что и у нас, как в Германии, рубежом, за которым снижение рождаемости стало фатальным, явно выступает период 1941—1945 гг.: Великая Отечественная война, начавшаяся как Вторая мировая. Разница только в том, что истекшие 80 лет были для немцев годами унижения и покаяния, моральной депрессии, разрушительными для национального сознания. Что выразилось, не только в утрате витальных сил и физическом бесплодии, но и в бесплодии творческом — в литературе, изобразительном искусстве, в кинематографе и т.д. А для русских, несмотря на ужасающие жертвы военного времени, наступили годы подъема, что выразилось в фантастически быстром восстановлении народного хозяйства, достижениях науки, техники, литературы и искусства, а также в том, что нам хватало человеческого ресурса, чтобы держать под контролем своих армий два поколения половины Европы — «социалистический лагерь» или «страны Варшавского договора». В этом главная разница между Великой Победой и безоговорочной капитуляцией, ценой которых мир достался русским и немцам.

Высокое демографическое давление, подтолкнувшее некогда Германию и Россию к двум мировым войнам, окончилось для Германии бесславным коллапсом, а для России — пассионарным взрывом и мощным выбросом человеческой массы вовне. Но на сегодня судьба обоих некогда самых богатых человеческим ресурсом народов Европы — почти одинаково плачевна и внушает опасения, как и судьба всей белой европеоидной расы. У немцев дела несколько хуже, у русских — несколько лучше, но общая смертельная тенденция видна у всех.

Было бы, разумеется, ошибкой считать, что ПМВ и ВМВ — единственная причина, по которой Европа покатила в демографическую яму. Но не меньшей ошибкой была бы попытка игнорировать данный фактор, явно послуживший, как теперь говорят, «триггером» такого падения. Историческая грань слишком хорошо различима. Если даже обе нации, немецкая и русская, бывшие до ВМВ лидерами европейской рождаемости, встали на путь ускоренной депопуляции именно после нее, то что говорить про некоторые другие страны и народы, для которых роковой гранью оказалась уже ПМВ.

Сказанное позволяет, между делом, подтвердить один побочный, но важный вывод: суть, секрет и тайна Второй мировой войны — в том, что это была война этническая.

Скажу больше: это была итоговая битва извечного германо-славянского противоборства. Хотя этнический характер войны этим фактом не исчерпывается, но ядро проблемы именно в нем. Было именно и только то, что было: в 1945 году русские переломили полуторатысячетный ход истории, остановили экспансию германцев на славянские земли и геноцид славян, вернули славянам часть утраченных земель и восстановили их независимость от германцев.

Любопытно, что оба вождя народов — как немецкого (Гитлер), так и русского (Сталин) — осознавали этнический характер войны. Гитлер — с самого начала, о чем уже говорилось выше. Ну а Сталин всё понял уже в ходе войны, зато сделал это в присущей ему манере последовательно, четко и радикально. У нас об этом предпочитают не говорить, поэтому объясню подробнее, приведя один факт, о котором сегодня мало кто знает и мало кто помнит.

28 марта 1945 года, незадолго до окончательной победы, в Кремле проводился торжественный обед в честь Э. Бенеша, президента только что созданной на освобожденных Красной Армией территориях объединенной Чехословакии. На приеме взял слово товарищ Сталин. Он сказал удивительные вещи, которых никто не ожидал от него услышать: предложил создать Союз славянских государств. И разъяснил свою идею:

«Старые славянофилы, например, Аксаков и другие, требовали объединения всех славян под русским царем. Они не понимали того, что эта идея вредная и невыполнимая...

Мы, новые славянофилы-ленинцы (так! — А.С.), славянофилы-большевики, коммунисты, стоим не за объединение, а за союз славянских народов. Мы считаем, что независимо от разницы в политическом и социальном положении, независимо от бытовых и этнографических различий все славяне должны быть в союзе друг с другом против нашего общего врага — немцев.

Вся история жизни славян учит, что этот союз нам необходим для защиты славянства.

Вот возьмите хотя бы последние две мировые войны. Из-за чего они начались? Из-за славян. Немцы хотели поработить славян. Кто больше всех пострадал от этих войн? Как в Первую, так и во Вторую мировую войну больше всех пострадали славянские народы: Россия, Украина, белорусы, сербы, чехи, словаки, поляки».

Сталин высказал мысль о том, что рано или поздно немцы оправятся от поражения и «чтобы немцам не дать подняться и затеять новую войну, нужен союз славянских народов». И завершил выступление тостом «за союз и дружбу независимых славянских народов, больших и малых».

Сегодня всё это кажется невероятным. Как?! Давно ли большевики-ленинцы клялись в верности Третьему Интернационалу? Давно ли действовал во многих странах мира боевитый Коминтерн (Коммунистический интернационал), руководимый из Москвы, из Кремля? И вдруг вместо всего этого — Союз славянских народов...

Что произошло? Почему в такой краткий срок, за какие-то два года (Коминтерн прекратил свое существование в 1943 году) Сталин так круто развернулся, так радикально переменял свои установки, пересмотрел свою позицию в международной политике, в мире? Перешел от «пролетарского интернационализма», по сути дела, к панславянскому национализму?

Секрет прост: Сталин, вместе со всем нашим народом, за годы войны постиг простую истину и глубоко ею проникся: война носила этнический характер, это была война германцев против славян. Заглянув, как он любил и умел это делать, в историю, Сталин без труда убедился в том, что корни этого этнического противостояния уходят далеко-далеко в глубь веков. И сделал единственно верное умозаключение.

Он сделал бы его еще раньше, если бы поинтересовался статистикой рождений у народов довоенной Европы: ведь неизбежность именно русско-немецкой войны сразу же бросилась бы ему в глаза.

Этнодемографический фактор и территориальные экспансии

История — поистине кладезь примеров тому, как этнодемографический фактор определял судьбы если не всего мира (хотя вышеприведенные примеры именно таковы), то по меньшей мере целых континентов, а то и двух-трех. Или, по крайней мере, значительных регионов. Хотел бы остановиться на некоторых из них, как из далекого прошлого, так и из наших дней.

На древней земле современного Казахстана.

Передо мной — уникальная книга: Балановская Е.В., Балановский О.П. «Русский генофонд на Русской равнине» (М., ООО «Луч», 2007. — 416 с.). Удивительна ее история. Это не просто многие годы труда двух научных работников, по случайности играющих роли матери (антрополога, докто-

---

ра биологических наук) и сына (генетика, тогда кандидата, а затем также доктора биологических наук). Это жизнь, которую на данное исследование положила мать, а потом свою добавил сын. Научный подвиг двух поколений одной семьи биологов, служащих одной идее.

Среди множества интереснейших сведений, фактов и умозаключений, которые мне в свое время довелось самым подробным образом анализировать, авторы сообщают нам о древней этнодемографической катастрофе, реконструировать которую помогли археология и палеоантропология. Ссылаясь на специальные исследования, авторы рассказывают нам о жуткой судьбе генофонда, некогда расположенного на территории современного Казахстана. Этот факт слишком выразителен, чтобы не поразить наше воображение даже в таком виде.

Оказывается: 1500 и даже 1000 лет до н.э. на указанной территории монголоидного компонента в населении не было вообще, а был только 100-процентно европеоидный. Затем, 500 лет до н.э. монголоидный компонент появляется, но пока довольно скромно, в объеме примерно 20%. К концу I тысячелетия нашей эры европеоидный и монголоидный компоненты сравнялись: 50 на 50%. К тому историческому моменту, когда Россия взяла эти земли под свою руку, европеоидов там уже почти не оставалось, если не считать небольших суб-этносов (племен) тюркского происхождения.

Это — сокрушительная катастрофа неведомой нам части белой расы, растянувшаяся на 3500 лет и окончившаяся ее постепенной гибелью. Столетие за столетием возрастал в данном ареале один этнодемографический компонент и убывал другой, пока не произошло почти полное вытеснение европеоидов монголоидами. Гибель происходила, возможно, незаметно для самих гибнущих. Незаметно — значит, «неопасно»? Нет, именно в этой постепенности, незаметности — главная угроза! Своего рода варка лягушек на медленном огне, как учат французские повара, чтобы те притерпелись поначалу и не повыпрыгивали. Обреченные представители исчезающей расы вряд ли даже понимали, что с ними происходит, и не пытались протестовать, сопротивляться своей судьбе. Хороший пример необъявленной и незаметной глазу расово-этнической войны, каковые видны лишь историкам в макромасштабах времени и места.

На какое-то время, благодаря русским переселенцам-казакам, колонизировавшим часть указанного края, баланс восстановился. Но советская власть прирезала к Казахстану земли Южного Урала, населенные русским Семиреченс-

---

ким, Уральским и Гурьевским казачеством, которое никакого отношения к тем древним европеоидам и тому ареалу не имеет. В результате чего уже в наши дни точно такой же процесс, только в микромасштабе, получил новый импульс в вновьявленном государстве Казахстан, где количество русских с 1989 года уменьшилось на сегодня вдвое: грубо говоря, с 6 до 3 млн. человек. Три миллиона — это, всё же, не так уж мало. Но даже с учетом этого остаточного контингента белых монголоидность в ареале уже к 2000 году выросла до 75%, и этот процент продолжает расти. Поэтому можно смело сказать, что всё повторяется, но с резким ускорением, и перед нами — вновь картина постепенной замены генофонда на некоей исторической территории. И на землях, занятых и обустроенных в XVIII—XX вв. русскими европеоидами, в ближайшей перспективе могут вновь, как до того, остаться лишь монголоиды и тюркоиды, из каковых, собственно, и состоит казахский псевдоэтнос (на деле — конгломерат этносов).

О чём говорит этот выразительный пример? О том, что только географическая карта неизменна в веках, а вот политическая — меняется постоянно. И меняет ее именно этнодемографический баланс, поскольку именно удельный вес того или иного племени на данной территории, растущий или, напротив, падающий, определяет, наряду с военной силой, судьбы регионов. В результате чего «коренная», «исконная» земля одного народа подчас становится «коренной» землей другого (близкий нам пример — судьба Крыма, который крымские татары, пришельцы всего лишь XIII века, считают «своим»).

Никакая земля не дается народу на веки вечные. Любой народ мечтает о суверенности, стремится к ней. Но не каждому этносу дано ее достигнуть, а некоторые и вовсе исчезают с лица Земли. Всё решает, в конечном счете, демографический баланс. Не какими-то «правами» определяется ареал проживания народа, а лишь его жизненной силой — и только. Способен народ занять (вариант: захватить), удержать, заселить, освоить, окультурить, защитить тот или иной край — значит, достоин его иметь. Не способен — будет выдавлен другим народом, только и всего. Без пощады и без вариантов. Как выдавили грузины — месхетинских турок. Абхазы — грузин из Сухуми и Гальского района. Осетины — ингушей из Пригородного района. Армяне — азербайджанцев из Карабаха. Азербайджанцы — армян из Баку (а теперь также и из Карабаха). Албанцы — сербов из «сердца Сербии», Косово. Как выдавили в 1990—1991 гг. чеченцы русских из традиционных казачьих областей Чечни и самого Грозного. Как выдав-

---

ливают сегодня русских из Казахстана и Прибалтики, Кавказа и Молдавии, Средней Азии и Украины, Якутии и Тувы, и, между прочим, из Москвы. И т.д. Таков закон жизни.

Косово и Чечня.

Наглядное и весьма актуальное подтверждение этого закона дают два исторически близких нам государства, о которых речь пойдет ниже.

Ярчайший пример, подтверждающий и детализирующий сказанное: Косово — «сердце» Сербии и сербского народа, где албанцы за какие-то сто лет превратились из меньшинства — в большинство со всеми вытекающими последствиями.

На сегодня суммарный коэффициент рождаемости у основных народов — участников этнического конфликта в Югославии 1990-х гг. выглядит так: Босния и Герцеговина — 1,35; Сербия — 1,47; Косово — 1,92. Уже само по себе сопоставление этих данных достаточно красноречиво, оно подсказывает нам, на чьей стороне демографическое преимущество и кому суждено выиграть в противостоянии. Но история вопроса еще более ясно расставляет акценты.

Косово считается сербами исторической «священной» землей, «сердцем» их исконного ареала на Балканах. Героическое сражение сербов с турками на Косовом поле можно сравнить с нашим Куликовым полем, только сербы там с честью и славой пали в неравном бою, не победив. В память о чём в Косово всегда было множество православных церковных земель и сохранилось немало средневековых храмов и монастырей. Что всегда раздражало албанцев, на 80% состоящих из мусульман. Но их раздражение не имело особого значения, пока сербы были многочисленны и сильны.

Сербы были основным населением Косова еще в XIX веке. Резкое изменение в этнодемографический баланс Косова внесла Вторая мировая война, когда территории Косова и Метохии были оккупированы Италией и искусственно включены в состав Албании. В результате чего в крае немедленно начались этнические чистки: албанскими националистами были убиты тысячи сербов и черногорцев. По разным данным, от 100 до 200 тысяч сербов бежало прочь, а на их место из Албании переселились от 70 до 100 тысяч албанцев. После войны, чтобы умиротворить албанцев Косова, недовольных возвращением в состав Сербии, премьер-министр Югославии Иосип Броз Тито, хорват, всю жизнь борющийся с т.н. «великосербским шовинизмом», запретил изгнанным из Косова сербам возвращаться на родину. Мало того, Тито всячески способствовал переселению в Косово албанцев из других регионов. Также в Косово находили себе постоянное

прибежище многочисленные албанцы, бежавшие из Албании от бесчеловечного режима Энвера Ходжи (за сорок лет его правления в этой маленькой стране было казнено до 7 тыс. человек, более 34 тыс. осуждены на различные тюремные сроки, интернировано и депортировано 50 тыс., а задержания, допросы, принудительные работы, полицейский надзор применялись к трети населения Албании). Югославия милостиво принимала любых албанских беженцев Христа ради.

В 1963 году Броз Тито, бывший президентом Югославии с 1953 по 1980 г., провел принятие новой Конституции, согласно которой национальные меньшинства стали именоваться народностями, а автономные области получили статус краев. В 1969 году название края было изменено на Автономный край Косово; албанцы получили возможность блокировать любое решение Сербии, в то время как Сербия не могла влиять на решения своих автономных краев.

Ситуацию определял тот главный факт, что у албанцев всегда была очень высокая рождаемость, совокупный коэффициент которой (СКР) составлял в 1950 г. — 7,7, в 1960 г. — 6,64, в 1970 г. — 5,4, в 1980 г. — 4,82, в 1990 г. — 3,59, в 2000 г. — 2,31. С годами, мы видим, рождаемость албанцев падала, как во всей послевоенной белой Европе, однако продолжала оставаться относительно высокой, существенно выше, чем у сербов. Тем самым этнодемографический баланс всё время продолжал меняться в пользу албанцев и не в пользу сербов.

В один прекрасный момент количество переросло в качество по закону диалектики. Размножившиеся необыкновенно в тепличных условиях, созданных для них в Югославии (население Косово, по оценкам 2015 года, уже составляло 1 870 981 чел.), албанцы плохо «отблагодарили» приютившую их страну. Национальные албанские лидеры начали ставить вопрос о том, что албанский народ имеет право объединиться в одно государство и что необходимо бороться за это объединение. Албанцы почувствовали свою силу и решили диктовать собственные правила игры.

Распад Советского Союза повлек за собой своего рода цепную реакцию в Чехословакии и Югославии. Возникла Армия освобождения Косова, начавшая свою деятельность в 1994 году с объединения нескольких албанских вооруженных группировок. Трудно сказать, выстояла ли бы она против армии Сербии, но тут в дело вступили глобальные игроки другого масштаба.

Дальнейшее хорошо известно — албанско-сербская война, вмешательство США и НАТО привели к отделению Косова, где возникло независимое этнократическое албанское

государство. 22 июля 2010 года международный суд ООН признал, что провозглашение независимости Косова не противоречит нормам международного права. С Албанией объединяется новая власть, естественно, не стала, предпочитая бесконтрольно править в маленьком Косово, нежели быть под управлением «Великой Албании».

Но вернемся к этнодемографическому балансу. Сегодня сербов в Сербии (за вычетом Косова и Метохии) — 86,61%, это сугубо мононациональная страна. Но в Косово этнодемографический баланс совсем другой. Как пишут изучившие вопрос специалисты: «Естественный прирост в Косово составлял в 1997 г. 2,1% — очень высокий показатель для Европы, давно находящейся в зоне демографического кризиса. Благодаря высокой рождаемости велика доля младших возрастов: на детей до 15 лет приходится более трети населения. Расширенное воспроизводство населения характерно в основном для косовских албанцев, называющих себя косо-варами. Быстрый демографический рост стал одним из элементов албанской стратегии постепенного растворения сербской общины края... За сравнительно небольшой период времени с 1931 по 1991 г. (60 лет) доля албанцев в населении края возросла с 60 до 90%». Сегодня эта доля еще выросла: 93%. Остальные — это боснийцы (1,6%), сербы (1,5%), цыгане и др. Они никак не влияют на ситуацию в этой новой — и тоже сугубо мононациональной стране.

Важно отметить, что Косово имеет самое молодое население в Европе: согласно недавнему докладу Программы развития ООН, половина ее примерно 2-миллионного населения моложе 25 лет. А согласно правительственным данным, моложе 30 лет более 65 процентов населения.

При таких обстоятельствах ясно и понятно, что Косово потеряно сербами необратимо, навсегда. Или, по крайней мере, до тех пор, пока этнодемографический баланс не изменится в пользу сербов с такой очевидностью и таким существенным перевесом, как это имеет быть сейчас в пользу албанцев.

Сербы, позволив себе мало рожать, чего не позволяли себе албанцы, предопределили собственную судьбу со 100-процентной заданностью. Этот наглядный и убедительный пример легко экстраполировать на судьбу и Европы, и Северной Америки, да и всего мира.

Аналогичный, по сути, и столь же яркий, наглядный пример представляет Чечня. Где этнодемографический баланс менялся таким образом. Изначально Чечня была мононациональной маленькой горной страной, населенной преиму-

---

шественно чеченцами, размножавшимися, как и весь Кавказ, достаточно интенсивно, но уступавшими в этом отношении русским. Впрочем, по переписи 1926 года в той маленькой Чеченской автономной области (образованной в 1922 году из Чеченского национального округа Горской АССР), русских проживало всего 9122 человека разного пола и возраста, что совершенно не влияло на мононациональный характер АО, где чеченцы составляли 94%, а русские всего лишь менее 3%.

Всё резко изменилось в 1929 году, когда недалёковидная (точнее, преступная) национальная политика большевиков изменила территориальные границы Чечни, включив в них в 1929 году город Грозный и Сунженский округ, до того входившие напрямую в состав Северо-Кавказского края. И Грозный (более чем на две трети) и Сунженский округ (на 90%) были населены русскими, которые неожиданно для себя оказались в составе нерусского территориально-административного политического субъекта.

В результате этого волюнтаристского решения Москвы уже по переписи 1939 года численность русского населения во вновь образованной Чечено-Ингушской АССР достигла 201 010 чел. Что на фоне общей численности населения (697 009) составило 28,8%, то есть почти треть.

Решение большевиков о насильственном объединении русских с чеченцами было во многом продиктовано тем обстоятельством, что жаждущая независимости Чечня представляла собой перманентную угрозу для мира и спокойствия на Северном Кавказе. Не говорю уж о временах имама Шамиля, но надо знать, что после крушения Российской монархии всем претендентам на власть в России приходилось усмирять вечно бунтующую Чечню. Краткий очерк этих попыток необходимо привести для понимания сути дела.

Еще до начала Гражданской войны, в 1917 году, регулярные части старой русской армии и вернувшийся с фронта 1-й Кизлярско-гребенской казачий полк уже были вынуждены держать оборону Грозного и окрестных станиц против чеченцев. Летом 1918 года чеченцы создали Меджлис горских народов Северного Кавказа и ударили в спину Добровольческой армии, не переставая громить и грабить ее тылы. В дальнейшем бои с Чечней стали буднями деникинцев.

Нет ничего удивительного в том, что чеченцы не принимали идеалов Белой Армии, стоявшей на позициях «единой и неделимой России». Но и победа большевиков не сделала их союзниками новой власти, также воспринимавшейся как имперская угроза независимости Чечни.

Большевики пытались купить лояльность чеченцев за счет русско-казачьего населения Кавказа. Ибо установление Советской власти на Северном Кавказе проходило в условиях централизованного уничтожения донского, терского и сунженского казачества, причем Советы использовали чеченцев и ингушей как союзников, а порой и как ударную силу. Целые казачьи станицы, предварительно обезоруженные Красной Армией, вырезались спустившимися с гор «удальцами». Всё имущество при этом разграблялось. Таков был негласный договор, обеспечивавший обеим сторонам желанный результат. Но союз чеченцев и большевиков против общего исторического врага (казачества) очень скоро показал свой сиюминутный, тактический характер.

Окончилась Гражданская война, и чеченцы стали воевать теперь уже с Советской властью, поскольку та пыталась навести порядок в стране. Грабежи, угоны скота и взятие заложников продолжались. Чеченские аулы были переполнены оружием, практически каждый житель, начиная с подростков 12—13 лет, имел револьвер и винтовку. Второе место по криминогенности обстановки занимала Ингушская область.

В 1922—1924 гг. ОГПУ совместно с частями Северо-Кавказского ВО предприняло несколько походов против повстанцев, но не достигло конечной цели. Отчеты советских командиров производят впечатление борьбы с гидрой, у которой непрерывно отрастают новые головы на месте отрубленных.

Эскалация вооруженного конфликта продолжалась. Всё это уже походило на настоящую войну. Летом 1925 года командование Северо-Кавказского военного округа (СКВО) и местное ОГПУ предложили провести широкомасштабную операцию по зачистке территории Чечни от т.н. «бандформирований» и изъятию оружия у местного населения и, получив в июле санкцию Сталина, начали ее подготовку.

Одновременно органы ОГПУ провели чистку центрального аппарата власти Чеченской республики, в ходе которой были выявлены пособники главарей «бандформирований». Среди них оказались довольно крупные фигуры из числа высшего руководящего состава ЧечЦИКа. В ряде районов Чечни представители органов самоуправления активно поддерживали бандитов и оказывали им содействие.

Согласно плану, войска, разделенные на 5 групп, сосредоточившись на северной, восточной и западной границах Чечни, должны были одновременно двинуться к центру республики, разоружая население и осуществляя зачистку. Всего к операции привлекались силы численностью 4840 штыков и

2017 сабель при 130 станковых и 102 ручных пулеметах, 14 горных и 8 полевых орудиях. Для поддержки с воздуха были выделены 3-й и 5-й авиационные отряды СКВО (12 самолетов). Общее руководство операцией осуществлял командующий войсками СКВО И. Уборевич, а по линии органов госбезопасности — полпред ОГПУ по Северо-Кавказскому краю Е. Евдокимов. Иными словами, готовилась полноценная войсковая операция против чеченцев — это стоит отметить.

Операция в горах началась 23 августа 1925 года. Наиболее сложная задача — разоружение Шароевского района, где скрывался имам Гоцинский, — была возложена на группу войск, возглавляемую командиром 5-й кавалерийской дивизии И. Апанасенко (будущим героем Халхин-Гола). Апанасенко предъявил ультиматум населению Шароевского района с требованием выдать Гоцинского. Требование не было выполнено, однако Апанасенко знал, что местные жители понимают лишь язык грубой силы, и действовал соответственно. 40 чеченских старейшин были взяты в заложники. Район подвергся суровой бомбардировке. Результат не замедлил проявиться — 5 сентября 1925 г. Гоцинский был выдан. 7-8 сентября группа комдива Апанасенко разоружила население аулов Шали и Шатой.

Вторая группа во главе с командиром 28-й дивизии А. Козицким должна была ликвидировать банду шейха Ансалтинского, который базировался в ауле Дай. Аул был блокирован и в течение нескольких дней подвергался артиллерийскому обстрелу и ударам авиации. 2 сентября шейх Ансалтинский сдался, после чего группа Козицкого продолжила зачистку в юго-западной части горной Чечни.

Выполнив свои задачи в горной Чечне, группы Апанасенко и Козицкого совместно осуществили зачистку ее равнинной части. Таким образом, к 10 сентября, т.е. менее чем за три недели, операция по умиротворению Чечни была успешно завершена.

«Умиротворение» Чечни, однако, не было продолжительным. С началом проведения коллективизации в Чечне в ноябре-декабре 1929 года здесь вспыхнуло новое крупное восстание.

В связи с этим командованием СКВО был сформирован отряд общей численностью около 2 тысяч человек при 75 пулеметах, 11 орудиях и 7 самолетах, который 10 декабря приступил к ликвидации восстания. Однако задачу «решительным ударом уничтожить банды, препятствуя их распылению», выполнить сразу не удалось, т.к. главаря восстания, набравшись опыта, искусно сопротивлялись.

В марте 1930 года была проведена повторная войсковая операция, в которой участвовало 3920 военнослужащих при 16 орудиях. Но и это дало лишь временный результат.

23 марта 1932 года, в районе аула Беной в горной Чечне вновь началось вооруженное восстание. Войска ОГПУ попытались подавить восставших собственными силами, но затем были вынуждены обратиться к помощи Красной Армии.

Следующее обострение обстановки в Чечено-Ингушетии происходит в 1937 году. По данным справки о результатах борьбы с террористическими группами в республике в период с октября 1937 по февраль 1939 г., на ее территории действовали 80 группировок общей численностью 400 человек, более 1000 человек находились на нелегальном положении. Однако благодаря принятым мерам в 1939 году с их выступлениями в основном удалось покончить.

Впрочем, как и в предыдущих случаях, затишье оказалось недолгим. Уже в следующем, 1940 году, «бандитизм» в республике вновь поднимает голову. Таково было положение в Чечено-Ингушетии накануне Великой Отечественной войны.

Этот краткий очерк вполне заслуживает заглавия вроде «Русско-чеченская война 1917—1940 гг.». Ведь чеченцы никогда не сомневались в том, что ведут войну именно с русскими. Нетрудно догадаться, как подобные отношения Советской России со своим непрерывно бунтующим и воюющим национальным регионом сказывались на русском населении Чечни и окрестных областей и краев. И как они воспринимались русскими с одной и чеченцами — с другой стороны.

По всей видимости, объединяя Чеченскую АО с русско-казачьими областями, Советская власть надеялась таким образом надеть некую узду на воинственный и своевольный народ. Но не тут-то было. Как видим, эффект получился прямо противоположным.

Эту свою этническую войну чеченцы продолжили и в годы Великой Отечественной войны, с начала которой и до января 1944 года в Чечено-Ингушетии было ликвидировано 55 банд, убито 973 их участника. Однако на учете НКВД на территории республики состояло еще порядка 150—200 бандформирований. Массовым было дезертирство и уклонение чеченцев от призыва (в январе 1942 г. при комплектовании национальной дивизии удалось призвать лишь 50 процентов личного состава), немецкие разведчики и парашютисты находили у населения поддержку и помощь. И т.д., и т.п. Руководству СССР стало окончательно ясно, что за 37 лет советской власти ситуация в Чечне нисколько не изменилась к луч-

---

шему, и шансов на такое изменение не имеется. Места для иллюзий не оставалось.

Всё это требовало радикального решения: на массовые преступления чеченцев и ингушей решено было ответить адекватно — их массовым выселением. Моральная и политическая правота этого мероприятия вряд ли может быть оспорена. Дело закончилось для чеченцев депортацией в Казахстан и Киргизию сразу после освобождения нами Кавказа от немцев. Казалось бы, проблема оказалась решена и эта горная республика перестала, наконец, напоминать незаживающую рану на живом теле России. А для русских, оказавшихся в ней не по своей воле, настали времена относительного покоя и нормального, безопасного существования. Но...

Тут мы вновь возвращаемся к вопросу о влиянии этнодемографического фактора на историю народов и стран, да и на мировую историю тоже.

Переписи населения позволяют представить картину размножения чеченской популяции в СССР, начиная с 1939 года, когда численность чеченцев была определена в 408,5 тыс. человек. Исходя из сложившегося в 30-е годы естественного прироста, накануне войны численность чеченцев приблизилась уже к 433 тыс. человек, а к моменту депортации их насчитывали 450 тыс.

А затем начались важные изменения. В ходе выселения (с 23 февраля по 9 марта 1944 года) и в первые годы после него погибли примерно 120 тысяч чеченцев — четверть этноса. И, таким образом, численность всей популяции снизилась примерно до 330 тыс. человек. Отметим эту цифру.

По воспоминаниям ряда выживших, в трудные годы высылки старейшины тейпов смогли провести свой сход, на котором постановили: поскольку-де Россия ведет против них войну на уничтожение, чеченским ответом станет усиленное деторождение. Каждый чеченец, каждая чеченка должны родить, выкормить и поставить на ноги максимальное количество детей. К чему привело это решение, выполнять которое чеченцы взялись не за страх, а за совесть, благо власть дала им землю, скот и средства на обустройство?

Депортированные чеченцы быстро росли числом, несмотря ни на что. К тому моменту, когда Хрушев на антисталинской волне принял решение о возвращении всех высланных обратно в Чечено-Ингушскую АССР, по переписи 1959 года чеченцев насчитали 418,8 тыс. человек (неофициальная цифра выше). Это значит, что за какие-то 13 лет у этого народа (с учетом обычной смертности) родилось не менее 90—100 тысяч детей, он вырос на целую четверть. Взятый «разбег» ока-

---

зался неостановим: в течение всех 1960-х годов чеченцы по уровню рождаемости опережали даже традиционно многодетные народы Средней Азии: с 1959 по 1970 год их численность возросла на 46,3% и составила уже 612,7 тыс. человек.

Но на этом чеченские демографические чудеса не кончились, а продолжали развиваться по экспоненте: по переписи населения 1979 года — 756 тыс. человек (прирост 23,4%), а в 1989 году — уже 958 309 человек (прирост 26,8%).

Хрущев не только дал бурно размножающимся чеченцам возможность вернуться в горы, но и наделил Чечню землями, никогда ей не принадлежавшими, словно бы для того, чтобы размножившимся было куда переселяться из скудных и неплодородных горных аулов. В январе 1957 года официально было объявлено о том, что Чечено-Ингушская республика приросла (помимо Грозного и Сунженского округа) теперь еще и ставропольскими территориями: Наурским, Каргалинским и Шелковским районами, где испокон веку проживало тюркское и гребенское казачество — русские люди, которых в СССР никто никогда не защищал.

Для этих русских людей, оказавшихся в Чечено-Ингушской АССР, после хрущевского указа начался ад. Такой же, как для сербов в Косово после Второй мировой войны и титовских указов. Им стали грозить, их стали унижать, грабить, похищать, насиловать...

Попытка русских защитит себя оказалась жестоко усмирена Советской властью. Этот эпизод тщательно замалчивался вплоть до 1990-х, как и бойня в Новочеркасске. А дело было так: в августе 1958 года в Грозном чеченец, ошалевший от своей национальной ненависти и от полной безнаказанности «возвращенцев», ранил ножом двух русских, от чего один из них умер. Чаша терпения русского населения Грозного оказалась этим переполнена: в Грозном разразился грандиозный митинг, переросший в бунт, длившийся несколько дней. Бунтующие штурмовали обком партии и почту, заняли часть здания МВД республики, требуя выселить всех чеченцев из столицы ЧИ АССР (Грозный к моменту возвращения чеченцев превратился в русский город, но в 1957 году ситуация сразу катастрофически изменилась). И тогда против русских в бунтующий Грозный были введены войска, которые подавили народное возмущение. Подавили навсегда: с тех пор, что бы чеченцы ни творили с русскими, организованного сопротивления они уже не встречали.

Уже в 1970-е годы начинается постепенный отток (чтобы не сказать бегство) русского населения из ЧИ АССР, где ему становилось всё более опасно находиться. Между тем, как и

в послевоенном Косово, этнодемографический баланс, точнее — дисбаланс, всё время менялся (нарастал) за счет экстремально высокой рождаемости у чеченцев против вполне обычной, средней для СССР тех лет, рождаемости у русских. Отток русских ускорился и усиливал процесс: если в 1970 году в Чечено-Ингушской АССР насчитывалось 367 тыс. русских, то в 1989 году уже только 293,7 тыс. Вместе с дисбалансом росли рознь, неприязнь, вражда.

Но самое главное — вместе с ростом своей популяции, особенно ее молодой части, у чеченцев росло сознание своего могущества, витальной силы, а с нею — пассионарность, воля к господству, к решающей битве, к победе любой ценой. Незабываемое интервью во время второй чеченской войны дала как-то раз мать-чеченка по российскому ТВ: «У меня пятеро сыновей. Двое воюют с вами, русскими. Этих убьют — я еще двоих пошлю!»

Межнациональная напряженность до крайности обострилась с 1990 года, даже еще до распада СССР. Всё существо дела лучше всех выразил российский президент Владимир Путин, который в интервью французскому еженедельнику «Пари-матч», данном 6 июля 2000 года публицисту Мареку Хальтеру, сформулировал: «По сути, в последние годы на территории Чечни мы наблюдали широкомасштабный геноцид в отношении русского народа, в отношении русскоязычного населения. К сожалению, на это никто не реагировал». Сказано четко и определенно: вещи недвусмысленно названы своим именем.

Материалов, подтверждающих факт геноцида русских со стороны чеченцев, отмеченный президентом Путиным, более чем достаточно. Кое-что опубликовано в открытых источниках, например, в книге «Комиссия Говорухина», в которой изложены выводы Комиссии Государственной Думы РФ, возглавлявшейся С.С. Говорухиным. Там черным по белому написано, что в Чечне, начиная с 1990—1991 гг., когда чеченские сепаратисты захватили власть в Грозном, проводилась политика геноцида по отношению к русскому населению. Тот же вывод подтверждает и т.н. «Белая книга ФСБ», посвященная чеченской войне. И т.д. Есть множество разрозненных свидетельств в периодической печати. Масса показаний накоплено различными правозащитными организациями. Огромное количество сведений хранят (а точнее — хранят) правоохранительные органы: МВД и Прокуратура, а также Федеральное Собрание Российской Федерации, Администрация президента России и другие ведомства, имеющие касательство к Чеченской Республике. Но гораздо боль-

---

ше осталось невысказанного, нерасказанного. Необозримое море русской крови, русских слез, пролитое с 1990 года в Чечне, ждет еще своего исследователя.

Итак, президент Путин был совершенно прав, охарактеризовав всё произошедшее в Чечне как геноцид: был русский народ в этой небольшой стране — и нет его. Как известно, данное преступление не имеет срока давности. Дальнейшее — на совести Следственного комитета, Генеральной прокуратуры и Государственной Думы.

При вышеизложенных обстоятельствах ясно и понятно, что Чечня потеряна русскими необратимо, навсегда, как Косово — сербами. Вместе со всеми когда-то чисто казачьими, русскими землями и с казачьей станицей Грозная, превратившейся в столицу Чеченской республики. Несмотря на то, что и республика, и ее столица формально входят в состав Российской Федерации, для русского народа это — отрезанный ломоть.

Еще и еще раз хотел бы здесь подчеркнуть: Чечня — это «русское Косово». Оба эти примера с убедительной наглядностью демонстрируют: судьбы территорий определяют не международное право или ссылки на историю и нравственные законы, а исключительно этнодемографический баланс, сложившийся на этих территориях в его динамике. «Кровь и почва» — не пустое словосочетание, а формула, суть которой — неразрывная связь основополагающих и притом взаимозависимых понятий.

«Плодитесь и размножайтесь, и населайте землю, и обладайте ею», — главная заповедь, данная Богом человеку с момента его создания. Судьба сербов и косоваров в Косово, русских и чеченцев в Чечне показывает нам, что бывает с народами, которые выполняют либо не выполняют эту заповедь.

*Полностью статья будет опубликована
в одном из научных журналов*

СТАРИК И ГОЛУБИ

РАССКАЗ

Старик сидел в глубоком кожаном кресле, поставленном под небольшим навесом у крыльца своего дома. Весеннее солнце щедро освещало уголок его пребывания и, похоже, он наслаждался юным, ласковым теплом начала светлого дня, откинув голову на спинку кресла и прикрыв глаза. Но вот лёгкий трепет беспокойства потревожил безмятежность его лица, старик открыл глаза, поднялся на ноги, обнаружив кряжистую фигуру, где угадывалась несгибаемая выправка кадрового офицера, слегка согбенную прожитыми годами, но напоминавшую крутым изгибом плеч о мощной мужской силе в период её расцвета. Взявшись за спинку кресла, он не без труда передвинул сидение к центру двора, поднял голову к небу и, сунув пальцы рук в рот, по-молодецки засвистал, оглашая воздух заученными навсегда звуками понятного кому-то призыва. Звуки взлетели к небесам, а вслед им с крыши дома рванулась в полёт стая голубей, закружилась над землёй, уносясь в голубую небесную высь. Старик вертел головой, следя за кружением птиц, куда стая выстраивалась в

ПРОЗА

необходимый порядок разлёта, и присел в кресло, когда голуби обратились в малые точки на огромности картины небесного пространства. Он снова прикрыл глаза и будто бы задремал, но его сознание ясно рисовало для него одного понятное движение птиц на недоступной глазу высоте. Что делать, если прожитые годы утомили чувства и силы, но оставили светлую память происшедших событий, а всё происходящее ныне и есть лишь повторение твоего прошлого участия в жизни? Память — одно из самых удивительных человеческих чувств, которое никогда не утрачивается людьми, желающими помнить прошлое. Теряют память только злодеи, чьё прошлое темно и жутко, Господь лишает их добрых чувств, ввергая в безумие.

Полёт голубей — светлая радость незабвенного детства, юности, как песни матери и сказки бабушки, остаётся с тобой навсегда, до окончания жизни, а может быть, и потом, когда на крыльях голубиной стаи ты вознесёшься в небесное царство и там обратишься птицей Божьей — той мечтой крылатого детства, в которую всегда верил. Старик и сейчас верил своей давней мечте и потому мысленно парил в небе и видел, как кувыркаются в нем его любимые голуби и следил, чтобы они не увлекались «боем» чрезмерно — до смертельного падения на землю. Бывало и такое, всем хочется первенства и птицам тоже, у них свои соревнования — кто выше взлетит, кто ниже всех кувыркнётся с той невероятной выси. Но, слава Богу, все они всегда возвращаются домой от любых просторов и высот. Что нельзя сказать о людях, в том числе и о собственных детях. Вылетев из гнезда для познания жизненной науки, дети редко возвращаются назад даже своей памятью, но почему они так жестоки в этом беспамятстве к малой родине и родным лицам — неразрешимый вопрос нынешних и прошлых взаимоотношений отцов и детей.

Старик родился и вырос в одном месте и, помотившись по белому свету, здесь же оставался жить, наверное, потому, что разумом, насыщенным видами скитаний по местам далёким и близким, понимал бессмысленность перемены мест в поисках лучшего бытия или желания начать жизнь в новом мире — светлом и чистом, без греховной вины в событиях прошлого времени. Лучше всего жить там, где в сюжетах жизненного пространства остались твои детские и юношеские годы, а с ними и ты сам продолжаешь жить в них — деревьях, реке, и даже камнях. Он знал, что счастье человеческой души — это лишь прекрасные мгновения в узнавании красоты Божьего мира, что нет на белом свете территорий всеобщего счастья, счастливых государств и народов, а начать новую жизнь

невозможно, даже за тридевять земель за тобой проследуют живущие в тебе нравы и привычки, мироощущение и память прошлого. Всюду, всюду, в какую сторону ты бы ни подался, тащишь с собою самого себя — любимого и нет. Уехать — не значит перемениться, это просто смена интерьера, обстановки природной или ещё какой-нибудь декорации, которые на некоторое время успокоят шатание разума, нечистую совесть, бродяжью сущность мыслей. У взрослеющих детей желание свободы столь велико, что, её обретая, они теряют чувство меры вольных пределов и растворяются в туманных пространствах чужбины, проживая жизнь среди таких же иванов, родства не помнящих. Тяжело так думать отцу и время эту боль не лечит, родная кровь взывает к единению, но это твоя кровь течёт в жилах детей, а их крови в тебе нет, а внуки, никогда не видевшие деда, воспринимают тебя как сказочное явление, нарушающее устои их понимания жизни (хотя какие устои у отроков неустойчивых?), но вы уже не можете повести их за собой, показать пример силы и мужества и проигрываете сражение в битве за семейное единство.

Нет, его дети бывают у него редко, но приезжают погостить. Гости они в своём родном доме, для них построенном, и хотя все люди на земле только временные постояльцы, но существует же живоносный родник — родня, родина, где тебя ждут и любят просто так, за то, что ты есть на свете, да и само твоё появление, как дивный свет в глазах отчих, который вселяет в них радость и продлевает дни жизни. Эта радость заканчивается, когда начинаешь понимать, что твои дети чужие люди, а все их неудачные попытки осознать родство заканчиваются скорым отъездом и обещаниями бывать чаще. Но так повелось: меньше всего любви достаётся нашим самым любимым людям — только начинаешь привыкать к присутствию родных людей, а их уже след простыл.

Он остался один после ухода в другой мир жены — молещицы и плакальщицы за весь род свой, а также знакомых и даже незнаемых людей, для всех живых просила милости Божьей и покоя умершим. Особо за детей, внучат и их семьи, просила подать им доброго здоровья, душевный покой и привести их в храм Господень. Старик слушал её молитвы и верил, что слова эти будут услышаны, очень уж истово молилась мать, слезу её молитва вышибала из сердца мужского, к невзгодам привыкшего. Теперь и сам пытался славить и молить Всевышнего, но не получалось той искренности в его обращениях к небесам. Мешали молиться мысли шальные, безбожные — лукавый смущает, наверное, вера ещё не окрепла, не объяла разум сознанием Господнего присутствия в

каждом человеческом движении по времени жизни. Видно, Бог сам назначает молельщиков за род человеческий и словом дарит пронзительно-верным. Чтобы быть услышанным, надобно слышать боль и страдания человеческие, как свои собственные. В страданиях жив человек, а кто от боли умалается, тем не суждена жизнь вечная. Жизнь вечную надобно заслужить, но и просто долгая жизнь земная, она зачем-то дана, на радость или для чего-то другого, ведомого только Творцу? Долгая жизнь с течением времени всё непонятней становится, всё неуверенней в ней себя чувствуешь — меньше людей рядом, готовых прийти на помощь. Да и кто нынче помочь готов, измельчал народ, боится душу открыть перед людьми, как пред Богом. Хотя чего напраслину возводить на всех сразу, грех на душу брать. Соседский парнишка всегда готов помочь и звать не надо, сам приходит и выспрашивает — не надобно, мол, чего дедушка, как добрый друг поступает, и отец его ничего против их дружбы не имеет, тоже заходит за жизнь поговорить. Добрые соседи попались, но с другой стороны тоже сосед живёт, но человеком его трудно назвать.

Поселился он здесь за высокой оградой и сразу вроде хозяином всей улицы вознамерился стать, хотя никто его о том не просил. До него в этом доме старушка жила — вежливая, чистенькая, как херувим, из прошлой жизни человек — Божьим светом осиянная. Всё к ней странники ходили, да голытьба местная, и всех она привечала, угощала, хотя сама жила с огорода и ещё чем-то, верно, пенсию получала. Разговаривала мало, улыбалась лишь всем и всему по-детски — светло. Дом большой, добротный, сын её ставил, но потом она почему-то одна жила, а как померла, так этот сосед и появился, наследовал, видно, имущество старушки. И пошло, поехало — с улицы ворота и забор поставил выше дома, и соседство ему сразу не понравилось — то деревья кронами на его территорию проникли или собака лает не вовремя, а голубей невзлюбил до помутнения рассудка, садятся, мол, на крышу его дома, но никто этой причины его ненависти не видел, да он всякую напраслину возводил: гадят птицы ему на голову и перья во двор летят. Деревья и птица тут ни при чём, просто через них он весь белый свет ненавидел. Весь дом перестроил, в казарму превратил, двор перелопатил, говорят, бабкин клад искал, в огороде кусты заморские посадил, по сей день чахнут, потому как солнца южного им не хватает, но и в этом соседи виноваты: мол, их деревья свет закрывают. От слов, не раздумывая, к делу приступил. У забора, что межвал их земли, на стариковской стороне издавна росли пло-

---

довые деревья — абрикосы, сливы и радовали ежегодным урожаем, но только стали высыхать без причины, захирели и пропали. Нашлась, однако, причина, сосед налил вдоль своего забора солярки под корни соседским растениям, и зачахли деревья во всей красе весеннего цветения, от невиданной в этих местах человеческой злобы. Жестоким сосед оказался, всё для себя и под себя грёб, но и себя и имущества своего не жалел, лишь бы ближнего ущемить, унижить — свою ведь землю керосином погубил, но соседский ущерб важнее для такого, как он, ненавистника. Жена его мужику под стать подвизалась, со всеми бабами в округе переругалась, а сама дура-дурой и обличем чистая Яга. Детей им Бог не послал, видно, испугался, что наплодят бесенят злющих, как и сами. Страшно за таких людей, от них ничего, кроме обид и ущерба, нет, а для чего живут, сами не знают.

Старик задремал, и покати́лась перед ним жизнь его, будто чёрно-белые кадры старого фильма. А рассказать в том многосерийном фильме было о чём, и слова мудрецов о том, что всякая человеческая жизнь достойна внимания — верны во все времена. Больше большого повидал на своём веку старик и многое из прожитого запомнилось навсегда, будто вчера происходило или сегодня произошло. Воевать он не успел, послали учиться воинскому искусству в город Хабаровск, а тут победа великая приспела, а им, молодым дуракам, будущим офицерам, было жаль, что не успели на фронт попасть, не досталось по пуле, как Высоцкий поёт. Но училище он закончил, и отбыл служить на Дальний Восток, в город Дальний. Лучше не придумаешь названия — дальше в дальнем. Но приноровился к бытию дальнему, суровому, приобщился к технике военной, квалификацию получил, стал начальником радиолокационной станции в чине капитана. Должность ответственная — небо на замке держать и решения принимать самому, кого пропустить, а кого... Всякое бывало — враг не дремлет и нам нельзя впадать в умиротворение от прошлых побед, это капитан твёрдо знал и потому служба мёдом не казалась, но и тягостью не была, потому что знаниями дела обеспечивалась сполна.

Но служба службой, награды, конечно, в радость, а вот главной награды — женской любви в дальнем отдалении от городов и весей сыскать трудно. Жёны сослуживцев, будто приманка для холостых офицеров, раздражитель спокойствия мужского — не хочешь, но свернёшь с дороги чести и достоинства и падёшь в сумбур сомнений — почему он, а не я на ней женат. И пойдёт и подхватит ветром вселенской несправедливости, и помчит туда, куда нельзя, но можно потому,

---

что ты тоже заслуживаешь любви и ласки и выполняешь все приказы командира, а призывы его жены к взаимопониманию тоже можно признать отчасти службой, правда, более приятной, нежели основная. Тут главное не расслабиться и не перепутать себя с командиром — если у тебя шашни с его женой, это ещё не значит, что ты старше по званию. Тут как раз и нужна полная субординация и тогда всё и всем будет хорошо. Но хорошо всем не бывает никогда, а тайна, она только для тебя тайна и потому кажешься себе эдаким Штирлицем, хотя на своей территории находишься и даже в части воинской, тоже родной, но делаешь дело, а заодно ворует любовь, востребованную в супружеской постели.

Так у него и получилось, он к ней в амбулаторию, подлечиться от простуды, она его на кушетку, его в дрожь от близости женской роскоши — один короткий халатик на ней — прижался к ней, а она не против, по-хозяйски дверь в кабинет закрыла, ну и случилось то, что получилось и всегда получается между мужчиной и женщиной. Короче разбудила она, жена командирская, всю его дикую силу, долго томившуюся в недрах... под формой солдатской, в самом центре всех сплетений жизненных чувств мужских. Начались встречи без желания прощаний, и такая любовь меж ними возникла, что и минута жизни без неё казалась томительно вечной. Ситуация серьёзная вышла, тут смелость нужна или дурь безусловная, чтобы под носом у командира его за этот самый нос водить, но получалось, как им казалось, очень неплохо, а им было совсем хорошо, встречались и в кабинете, и в лесу, и в его холостяцкой берлоге, но постепенно бдительность утратили, стали в лес уходить среди бела дня и на ночь в капитанской каюте оставаться, любовь всё должна была оправдать. Но такого оправдания не вышло, хотя и суда не было, кроме людского, который за твоей спиной происходит, а ты и не знаешь, что осужден мнением света, в посёлке Дальнем. Кончилось всё однажды и навсегда, быстро и удачно для любовников. Вечерком приятным раздался в дверь капитановой квартиры стук, кинулся открывать, думал, любимая пришла, а там полковник — муж любимой женщины. Вошёл и говорит оторопевшему подчинённому: «Капитан, что-то плохо гостей встречаешь, наверное, выпить нечего, так я прихватил», — и бутылку водки на стол ставит. Хозяин ожил, засуетился, соорудил закуску нехитрую — колбаску да огурчики. Выпили, закусили. «Что-то огурцы мне больно вкусом знакомы: чай, не из моего ли подвала?» — определил тему разговора гость, а ответить хозяину нечем, только глаза спрятал и молчит. «Люди мы военные, ко всему привыкшие, по-

---

тому ругаться не будем. Завтра поутру отбываешь, капитан, на службу в город Владивосток. Документы уже на месте, рапорт подготовлен, характеристика добрая в соответствии с твоей службой под моим руководством, и ничего личного, так что не поминай лихом, но чтобы я тебя больше не видел, появишься на глаза — застрелю. Давай на посошок и собирай вещи, завтра в шесть ноль ноль отбываешь, и без прощаний», — командир выпил и вышел из дому без рукопожатий и слёз, по мужски. Запомнил тогдашний капитан слова командира про застреленность, а что, боевой офицер, мог и сразу пристрелить, но предупредил и очень серьёзно. Поэтому утром раненько капитан сел в приготовленную для него машину и отбыл на военный аэродром, не попрощавшись с любимой, но чужой женой, и не потому, что испугался, а потому, что поверил в искренность непереносимой сердечной боли своего седовласого командира, фронтовика-орденоносца.

Прибыв на место новой службы, которая никак не изменилась в рабочей специализации, он согласно хорошей характеристике получил очередное звание и в чине майора заступил на должность начальника отделения связи. Любимая часто приходила к нему во снах, там же он порывался куда-то ехать, но в реальности оставался на месте и ещё долго тосковал по своей запретной любви, которая так и осталась лучшим его воспоминанием на всю остальную жизнь. Не те девчонки, с которыми они гуляли, обучаясь в военном училище, юные, смешливые и отчаянные, а именно эта зрелая любовь женщины в часы одиночества сводила его с ума и не давала покоя душе ни днём, ни ночью. Он безмерно страдал, но не посмел нарушить запрет, сознавая, что достаточно причинил достойному человеку страданий гораздо более тяжких, нежели его нынешние огорчения. Женщин в городке было много, а в городе — тьма, но он, прикипев сердцем к дальней, невозвратной и желанной чужой жене, долгое время оставался равнодушен к откровенным жестам и взглядам местных красавиц, чем ещё больше возбуждал женское любопытство. В его сердце будто бы вошла колючая заноза, но время не рассосало это чужеродное образование, а наоборот, она разбухала и не давала мыслить о чём-нибудь другом, кроме женщины, оставленной в Дальнем и совсем неблизком месте. Служба на новом месте больно напоминала о ней прежними приборами связи, формой сослуживцев, а когда он заходил в воинский медпункт, то в каждой медсестре ему чудился образ любимой. Однажды приснился сон, очень похожий на явь, где он, увлекаемый зовом невидимой женщины, шёл по полю, зная, что это она, его радость и боль, зовёт неизвестно куда,

---

но где-то в дымке тумана, у самого горизонта его ожидает награда за усердие в долгом пути. Проплутав всю ночь, так и найдя предмет поиска, он проснулся, и, как некое неожиданное прозрение, пришло решение уйти со службы, чтобы освободить память от вещей и событий, напоминающих о потерянной любви. Волнительные последствия внезапно оборванных отношений оказались более продолжительны, чем само время любовных утех, и вырваться из этих пут памяти было нельзя, не изменив самого жизненного уклада.

Командир удивился его рапорту об отставке, пытался уговорить, но, влюблённый в свою память, майор был неколебим. После некоторых формальностей наш майор, совершенно свободный от службы, уставной дисциплины и прочих обязанностей, — без дома и семьи вышел в мир малоизвестный, где надобно было жить без приказов, равенний, а по собственному желанию и способностям к умению проживать в мире алчном и недружелюбном. Пышных проводов не последовало, он немного времени отслужил на новом месте, но успел зарекомендовать себя как знающий офицер с чуткий товарищ, и его наградили именованным оружием, доброжелательной характеристикой и добрыми напутствиями.

Ему повезло, он очень скоро устроился на рыболовецкое судно, надолго покидавшее суетливое пристанище людей — сушу, для промысла рыбы в необозримых океанских просторах. Такие условия новой работы ему сразу понравились, в отдалении от человеческих страстей легче переносятся муки любви, а тяжелая работа гасит брожение плоти, пусть даже очень легко возбуждаемой неуёмной памятью. Он сразу ушёл в море, а военная закалка характера и мышц тела помогла ему выдержать тяготы обучения профессии рыбака, и скоро бывший майор вписался в пёстрый рабочий коллектив суровых мариманов и отчаянных бродяг. Знакомство и дружба с такими людьми существовали, но ни к чему не обязывали — всё было временным: и работа в море и отдых на суше, менялась только обстановка и условия жизни. На судне, во время всего похода действовал сухой закон, а на берегу эти трудолюбивые парни пускались во все тяжкие и после такого «отдыха» едва приползали на судно для продолжения трудовой деятельности. Такая жизнь рыбака считалась нормой, даже жёны, что ожидали их как награда за тяжкий труд, были общими — один уходил в море, другой являлся на смену, если не на белом коне, то при деньгах обязательно. Эта бесшабашная жизнь не приглянулась Майору, которого рыбаки так звали, обратив звание в прозвище, и он после первого прибрежного загула отстранился от всех пьяных мероприятий

на суше, снял жильё и проводил время, познавая город и его достопримечательности. Еще будучи отроком, он пристрастился к чтению книг, но на службе военной времени для такого досуга недоставало, и тут он принялся навёрстывать упущенные возможности для узнавания о прошлых событиях, так как любил книги познавательные, исторические. Женщины, конечно же, присутствовали в его жизни, но жертвовать ради них свободой он не решился, они того не стоили, да и отъезды на долгие месяцы в море гасили любую сердечную привязанность, кроме той, далёкой, но и её образ потускнел во времени отдаления его взгляда от пленительной природы — она редко снилась и уже не манила бегать за ней по просторам сновидений. Любовь минула, но признаться себе в этом было трудно, хотя недавно он этого желал, чтобы забыть о ней, но сделать этого не смог и научился мечтать о любви, которую представлял нежным облаком, плывущим в ареале небес, недостижимых в недоступности этой высоты.

Несколько лет были проведены в некотором одиночестве, насколько так можно назвать положение человека читающего и глубоко понимающего прочитанное, умеющего создавать образы героев книг и ареалы их обитания, живущего несколько отвлечённо от многоголосия и суеты мира сего. Ко времени или нет, объяснить можно по-разному, у него появилась тоска-печаль по родным местам малой родины: может быть, бессемейное, пустое существование желало объединиться с чем-то, если не в настоящем, то хотя бы с прошлыми видениями и людьми в них. За время работы на траулере он прослыл трезвенником, но смелым и умелым рыбаком и добрым товарищем, сумел скопить приличную сумму денег и потому, устроив корешам по работе пир на весь мир, без сожаления отбыл домой, где его тоже уже никто не ждал. Родители умерли ещё во время его службы на Дальнем, сестра некоторое время жила в отчем доме, но вышла замуж и, продав имущество, уехала обживать просторы мужниной родины.

Как приехал отставной воин и рыбак на родину, закружилась голова его от радости видения просторов отеческих — купил дом у реки Вольгарки, где купался мальцом, обустроил жильё, завёл голубей и... женился. А что, если крепок ещё человек, не утомился от жизни, не растратился телом и духом. Познакомился со своей суженой на службе, куда устроился начальником охраны трикотажной фабрики. На таких производствах женщин пруд пруди, но он долго держался особняком, потом приметил девушку, которая вроде и внимания не обращала на его бравый вид, а между тем некото-

---

рые под ноги бросались, лишь бы внимание обратить. В клубе познакомился и сразу, а чего тянуть — время не медлит, предложил расписаться, короче, по-солдатски — штурмом взял, хотя и против никого не было и соперников тоже. Мужики девок шустрых любят, а эта тихоня, но такой доброй и ласковой оказалась, а от добра добра только дураки ищут. Уже позднее, как вместе жить стали, так и любовь в нём восхитилась, теперь уже не краденная — своя. Любил он свою жену неброско, показушная любовь проходит быстро, потому как на обмане построена, а он берёт её от труда тяжкого и в заботах помогал житейских. А как сын родился, тут уж сам Бог повелел жену благодарить да делять, а потом совсем привязался к семье, домой спешил со службы, будто после долгой разлуки. Вспоминалась, конечно, старая любовь, но уже как-то вместе с прошлым временем: была служба военная, и женщина там тоже была красивая, но временная, а теперь жизнь постоянная, семейная. Молодая жена его прошлым не интересовалась, так оно и лучше: что было, прошло, и ничего не вернёшь, не поправишь, а станешь прошлым томиться, только усталость раннюю наживёшь и болезни душевные. Так и прожили, слава Богу, не бранясь, не бегая за чужими советами, а своим умом и любовью своей — тихой и верной...

Вдруг звук выстрела потряс воздух, старик вскочил из кресла и тут на него, крышу дома и землю во дворе посыпались перья и безжизненные тушки голубей. Он быстро взобрался на крыльцо и увидел, что во дворе своего дома стоит сосед и перезаряжает дробовик. «Ты что же делаешь, сволочь», — закричал старик. Сосед зло ухмыльнулся и направил ствол в сторону старика: «А вот сейчас и тебя, старая калоша, подстрелю», — он прищурил глаза, целясь в грудь жертвы. Старик замер, но не от страха, от прилива ненависти к человеку, что принял образ зверя в его глазах, и он, не мигая, смотрел в жерло смерти, имея одно желание — раздавить эту гадину собственными руками или умереть. Выстрел грянул, но опять вверх, сосед передёрнул ствол, и заряд ушёл в небо, а стрелок, торжествуя победу, закричал: «Что, испугался, старый, ладно живи, а ворон твоих всех изведу сегодня!» — и снова стал менять заряд. Старик ожил от этой угрозы и скрылся в доме. Сосед долго вылавливал небесную цель и уже хотел нажать курок, как щёлкнул пистолетный выстрел, и стрелок, заорав благим матом, бросил оружие и, согнувшись от боли, схватился за руку, ещё недавно державшую палец на курке. Старик навёл пистолет на голову раненого врага и, наверное, застрелил бы его, но тут в его руку вцепился соседский мальчишка, невесть откуда взявшийся, со слезами на глазах

твердя одни и те же слова: «Не надо, дедушка, дедушка не надо», — слёзы мальчишки охладили кипящую ненависть, и старик обмяк и отдал оружие в его руки. Отдавменной пистолет, который давно уже не использовался по назначению, а вынимался из домашнего сейфа только для чистки и смазки, но выстрелив в первый раз за долгое время молчания, сразу же попал в нужную цель, хозяин дома, двора и голубей, будто слепой, шарил по двору, подбирая мертвых птиц и складывал на кресло. Слёзы неудержимо текли по его лицу, бороздя и без того глубокие морщины, но он продолжал свой нелёгкий труд, поднимая пернатых друзей для какой-то ему одному понятной и надобной цели. Горка убитых в полёте птиц росла, за забором выл, не переставая, сосед, посреди двора стоял мальчишка с пистолетом в руках, а вокруг уже собралась толпа сочувствующих и зевак. Люди молчали, молчали и милиционеры, прибывшие на место происшествия и знавшие хозяина голубей по его службе в охране, а старик стоял на коленях и, обняв руками грудь убитых голубей, плакал. Плакал мальчишка, вытирая слёзы кулаком руки, в которой был зажат пистолет и почему-то никто оружие не отнимал, женщины тоже утирали слезу концами платков, а на другом дворе, за забором, врач «скорой помощи» бинтовал руку беспрестанно воющему соседу, и больше там никого не было — ни сочувствующих, ни просто любопытных, и только жена раненого убийцы выкрикивала проклятия в адрес всего белого света, но никто этого не слышал или не слушал.

г. Талгар, Казахстан

НА ОПОРЕ

РАССКАЗ

Рыбалка оказалась неудачной. Продолбив пяток лунок, Степан Петрович поймал всего двух чебаков и одного сижка. Сидеть дольше не имело смысла, надо было возвращаться домой. Рыбак пересёк протоку и поднялся вверх, на косогор. Дороги он особо не выбирал, да в этом и не было нужды — пару дней назад случилась сильная оттепель, снег подтаял, потом схватился крепким настом и стал твёрдым, как асфальт.

Одолев крутой гребень, Степан Петрович не спеша двинулся по пологой его части, почти в виду посёлка. Он совсем не смотрел по сторонам, шагая по-хозяйски уверенно и твёрдо, пока взгляд его — неожиданно и резко — не споткнулся о фигуру пса, торчавшую прямо по ходу. Ещё несколько сидели поодаль...

«Свадьба, что ли?» — безотчётно подумал Степан Петрович, не сбавляя шага. Но собаки вели себя как-то странно: не толкались кучей, не визжали и не лаяли, а сидели молча, почти через равные промежутки одна от другой, полукруглой длин-

ПРОЗА

ной цепью. Кто мордой, кто влоборота, а иные даже спиной к нему..

Но стоило Степану Петровичу сделать ещё несколько шагов, как вся стая развернулась и замерла. Казалось, будто караулила его давным-давно. Именно его.

«Что за хреновина?» — Степан Петрович остановился в недоумении. Праздновать труса он не привык и не умел, а потом — это были собаки, не волки. И, на всякий случай, он попытался рассмотреть каждую: обычные дворняги, некоторые с примесью лайки — и только. Но намерения у них, видимо, были серьёзные, поскольку ни одна не лаяла попусту, не суетилась и не сводила с него глаз.

Степан Петрович, тоже не суется, осторожно потянул за верёвку пешню и сразу успокоился, ощутив в пальцах её твёрдую, крепкую рукоять. Несколько минут прошло в тишине и напряжении. Человек лихорадочно соображал, куда двинуться, если собаки бросятся на него. Стоять и отбиваться — дело пустое. Пешня тяжела, много ею не намашешь. Хотя, возможно, удастся ранить или прибить какую-нибудь тварь, а остальные разбегутся. Может, они разбегутся и сейчас?..

Он только хотел угрожающе вскинуть руку, но псы разгадали его — кто-то негромко заворчал, все дружно оскалились и тут же сдвинули ряды. Степану Петровичу сделалось неуютно — собаки упреждали его действия.

И тут начался поединок нервов. Человек пустился на хитрость — придав своему голосу привычные, хозяйские интонации, он зычно закричал на собак:

— Пошли! А ну пошли! Ишь, оскалились! Я вас!..

Псы даже не двинулись, и Степан Петрович успел заметить, что они смотрели не в лицо ему, не в глаза, а на руку с пешнёй. Только вид острой увесистой железяки удерживал их. И тут ему стало на секунду страшно. Сколько их? Где-то с десятка полтора, и все, как назло, довольно крупные. Дерзкие. Отступить назад? А куда? Он может свалиться с косогора, и псы сразу начнут его рвать, не давая встать на ноги. Загонят, как волки сохатого...

Идти вперёд? Но до посёлка километра четыре голой заснеженной земли — ни куста, ни дерева... Степан Петрович даже запомнил, что на нём были неуклюжие валенки с галошами и длинный дождевик поверх телогрейки — в такой амуниции далеко не убежишь...

Он осторожно скосил глаза влево, вправо... Шагах в двадцати чернела мощная высоковольтная опора. Но как только рыбак принял быстрое и единственное решение — собаки сразу догадались, мгновенно перестроились, сдвинувшись

вправо и медленно пошли на него, стараясь отсечь от возможного убежища...

Человек взял в обе руки острую железку с деревянной ручкой. Псы, видимо, слишком хорошо знали, что это такое, и потому двигались осторожно и осмотрительно. А рыбак предпринял неожиданный манёвр — решительно шагнул навстречу. Собаки чуть расступились, а человек проворно — туда-сюда — взмахнул железкой, потом, перехватив верёвку, привязанную к ручке, молниеносно раскрутил снаряд вокруг себя. Пешня угрожающе засвистела, один из псов, получив жестокий удар в спину, откатился, визжа. Остальные попятнулись...

Степан Петрович подтянул пешню и вновь пошёл в атаку — он выиграл уже шагов десять. Собаки явно занервничали: то одна, то другая нарушала боевой порядок, заступая дорогу остальным, сваливая строй в кучу. Человек заметил это и, как только возникла очередная заварушка, саданул туда пешнёй. Псы отпрянули. Теперь до опоры было рукой подать...

Среди собак возникло замешательство. Они огрызались, свирепо косились одна на другую, бестолково металась из стороны в сторону. Рыбак отвоевал ещё несколько шагов, успев при этом вычислить вожака стаи. Пятнистая, с примесью лайки сука незримо руководила всеми, одна сохраняя спокойствие и выдержку. Против неё он и повёл наступление.

Махнув пару раз пешнёй, Степан Петрович едва не разможил суке голову, заставив её в панике отступить. Следом шарханулись остальные. Теперь опора была в двух шагах...

Рыбак повернулся к опоре спиной и, не сводя глаз с пятнистой суки, стал осторожно пятиться. Сука кинулась вправо, влево — он держал её на прицеле. Полупустой рюкзак упёрся в стальную полосу — опора была рядом. Сука издала сдержанный властный рык, и, словно по приказу, один из псов бросился человеку на грудь. Степан Петрович огрел храбреца пешнёй и мигом направил её в грудь суки. Та отступила, увлекая за собой стаю. Всё перемешалось...

Человек мгновенно развернулся и с удесятерённой силой и прытью стал карабкаться на опору. Снега выпало много, бетонный фундамент был скрыт сугробом, и потому рыбак без особого труда вскинул ногу на стальную перекладину, ухватился за другую руками, подтянулся. Псы, остервенелая, кинулись ему на спину, но на Степане Петровиче был плотный прорезиненный дождевик, прочный, как кровельная жёсть, под ним толстая телогрейка... Через мгновение собаки уже хватили его за валенки, у одной в пасти торчала галоша...

Рыбак передвинулся на угол опоры, к её боковине и попытался устроиться удобней. Собаки нервно, злобно повизгивая, суетились кучей внизу. Человек сел на узкую стальную полосу, свесил ноги, с лица его исчезла тревога, сменившись азартом и злорадством:

— Ну что, взяли? Твари поганые!..

Псы стояли и смотрели, задрав головы.

— Ждёте? Хрен дождётся!.. Погодите, я вас!..

Тогда, повизжав, собаки расположились вокруг опоры. Те, кому досталось на орехи, зализывали раны. Сука-предводительница спокойно легла в центре, поместив голову между вытянутых лап, временами поглядывая на человека острыми злобными глазками...

Степан Петрович сменил позу, свесив ноги по обе стороны перекладины. Несмотря на ватные штаны, плащ и телогрейку, сидеть было неловко — железка врезалась в тело. «Долго я тут, пожалуй, не продержусь», — здраво рассудил он и глянул на своих налётчиков. Они делали вид, что не обращают на него внимания, но уходило, как видно, не собирались.

Отсюда, с высоты, отлично просматривался посёлок. Дымил трубы, мелькали машины, можно было даже различить крохотные фигурки людей. Своего дома Степан Петрович не разглядел, но родная улица была видна отчётливо. И вся эта мирная, будничная картина будто отрезвила его. Что за чертовщина? Там, невдалеке, идёт спокойная, привычная жизнь, а он сидит здесь, как попугай на жёрдочке, спасаясь от поганых шавок!..

Рыбак пошевелился. Псы наострили уши. Сука окинула его холодным оценивающим взглядом. Они встретились глазами. Не злость, не ярость, не месть стояли в её маленьких серых зрачках — только одно желание: порвать. Как же должен ожесточиться бывший верный друг и помощник, чтобы не видеть в человеке ничего, кроме лёгкой и доступной добычи! Чувствуя своё превосходство и презирая его безмерно...

Содрогнувшись и забыв о стыде, рыбак закричал отчаянно:

— Эй, люди! Помогите кто-нибудь! Э-гей!.. Сюда, на помощь!..

Половина стаи вскочила на ноги и все, как по команде, повернули головы в сторону посёлка...

Степан Петрович надрывал горло с полчаса, потом умолк. Усилия были потрачены впустую, в посёлке его никто не услышал. К тому же, увлёкшись, он едва не сверзился наземь, прямо в голодные жадные пасти. Руки и ноги у него затекли, в душе окончательно поселилось уныние. «Неужели вот так

и придётся окончить жизнь? — явилась отчаянная мысль. — На зубах у бродячих псов?»

Он почти равнодушно оглядел упорных, неумолимых врагов. Среди них наверняка не было своих, поселковых собак. В округе раскинулся ещё пяток деревень, большей частью полупустых и заброшенных, и Степан Петрович частенько слышал разные истории про одичавших собак. Ходили слухи, что они сбиваются в стаи и нападают даже на крупную дичь. Но чтобы вот так!

Один из псов поднял голову, встретился с ним глазами. Степан Петрович вздрогнул и вгляделся. Кажется, он узнал этого крупного рыжего кобеля.

— Шайтан! Эй, Шайтан!.. Это ты?.. Точно ты?.. Да неужто?..

Пёс склонил лохматую башку направо, потом налево... У Степана Петровича ёкнуло сердце. Он не мог ошибиться, это была собака его бывшего соседа — Генки Белана. В прошлом году Генка купил квартиру в городе и переехал, а кобеля оставил в посёлке. Не брать же с собой деревенского дворового пса в городскую квартиру! Лето и осень Шайтан прожил в пустом доме, жена Степана Петровича иногда подкармливала его, а потом он куда-то исчез...

— Шайтан! Шайтанчик! Ты узнал меня, псина?.. — голос человека дрожал от нахлынувшей радости, за которую ему тут же сделалось стыдно. Кобель недоверчиво повёл ушами, напрягся.

— Шайтанушка! Ах, ты хороший! Славный ты пёс!.. Молодчина!..

Сука глухо заворчала, а Шайтан неуверенно мотнул хвостом.

— Шайтанчик! Шайтанушка! Это я. Я... Не узнал, что ли? Соседа не узнал? Да ты что?!..

По телу пса прошла лёгкая дрожь, затрепыхался хвост. Сука вскочила, а с ней ещё полдесятка собак.

— Шайтанушка! Ну, как же так?.. Ты что же это? Айя-яй!.. Напасть на меня хотел!.. Разве можно так?.. Нехорошо... — продолжал искушать человек, неизвестно на что надеясь. Может, ему становилось легче оттого, что в стане врагов нашлась добрая, сочувствующая душа. А, может, хотел разоружить их лаской?..

Сука мигом насторожилась, поняв, что жертва пустила в ход последнее, самое коварное средство, на которое Шайтан, к сожалению, поддался. Он подбежал к опоре, сделал невысокий, но услужливый прыжок, всем видом показывая, что он вспомнил, а главное — опять готов подчиниться. Теперь

вся стая была на ногах и молча наблюдала почти свершившееся предательство.

— Узнал! Он узнал... Ах, ты хороший! Добрый ты пёс! С толку тебя эти гады сбили!.. Ну ничего, мы им не поддадимся... Не дождутся, твари поганые!.. — радовался человек, зорко следя за остальными.

Может, кто-то ещё последует этому заразительному примеру? А Шайтан благодарно взвизгнул. Сука подняла верхнюю губу, выставив череду мелких острых зубов, у остальных вздыбилась шерсть на загривках.

— Шайтан! — окликнул встревожено рыбаки, — Шайтан, берегись!..

Но пёс и сам почуял грозящую опасность, прыжком обернулся к стае, и на спине его вздулись комки мышц. Сидящий на опоре человек был забыт, собаки переключили всю ненависть и злобу на бывшего сотоварища. Сука ещё раз глухо заворчала, словно предлагая Шайтану покориться и занять своё место, но тот, видимо, никак не мог совершить двойное предательство и тоже заворчал в ответ.

— Шайтан! Оставь, Шайтан! Ну их, сволочей! Брось!.. — стал увещевать Степан Петрович, увидя такой оборот и следуя податливой людской природе.

Но голос человека подействовал на пса совершенно неожиданно, точно подстегнул его. Шайтан медленно повёл сильной шеей и чуть подался вперёд...

Тогда сука злобно осерилась, пасть её наполнилась слюной. Слепая, бешеная ярость полыхала в маленьких глазках — и если бы теперь отступник покорился, пощады бы он не вымолил. Шайтан это понял, и сам бросился навстречу стае. Все сбились в плотный шевелящийся клубок. У Степана Петровича потемнело в глазах и гулко заколотилось сердце...

Псы дрались остервенело и жестоко, а человек, совсем потеряв голову, кричал что-то злое и бессмысленное, несколько раз едва не свалившись с верхотуры. Ком рыжих, пятнистых, серых, чёрных тел носился под ним какими-то рваными зигзагами, иногда глухо ударяясь о железо опоры. Различить, кто кого рвет и на чьей стороне перевес, казалось невозможным. Все терзали всех, так, по крайней мере, представлялось рыбаку...

Ключья шерсти летели во все стороны. Кровь запятнала снег. И вдруг стая словно приклеилась к одному месту, псы сжались тесным кружком, мотая задами и плотоядно взвизгивая. Степан Петрович похолодел и замер, он будто бы увидел собственную гибель...

Потом, растерзав несчастного Шайтана, утолив голод и чувство справедливой мести, псы несколько минут отдыхали: кто сидя, кто лёжа. Некоторые старательно вылизывали окровавленный настил...

Человек сидел, ни жив, ни мёртв, как бы заново переживая своё невероятное приключение. Вот в какую злобную, беспощадную тварь может обратиться обыкновенная дворняга! Кто бы мог подумать?! А псы даже не поднимали на него глаз, словно его и не было здесь. Наконец сука-предводительница лениво встала, не спеша, потянулась, помочилась, аккуратно присев. Кобели подбежали, толкаясь и ворча, стали жадно нюхать жёлтые следы. А сука, ни на кого не оглядываясь, бодрой рысцой побежала туда, откуда пришёл рыбак. Псы, сломя голову, кинулись следом...

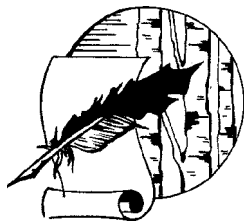
Посидев для уверенности ещё полчаса на тонкой полоске железа, Степан Петрович тяжело слез с опоры. Первым делом подобрал брошенную пешню, опасливо косясь на рыжий комок шерсти, весь в бурых пятнах крови. Кажется, это была голова Шайтана. Рывком отвернулся. И тут в груди его стало горячо, глаза защипало.

Быстро, как только мог, он зашагал к родному посёлку. По щекам его катились слёзы. Ему было жалко убитую собаку, убитую по его вине, вернее, во его спасение, и жалко себя, угодившего в такой переплёт...

Он шёл, плача и ругаясь неизвестно на кого, а скорее всего — на эту жестокую, нескладную, непонятную жизнь...

Над полем и посёлком уже сгущались сумерки...

г. Хабаровск

Василий КИЛЯКОВ

Прозаик и поэт Василий Васильевич Киляков родился в 1960 году в г. Кирове (Вятке). После окончания Московского политехникума работал мастером на заводе, служил в армии. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Публиковался в журналах «Молодая гвардия», «Литературная учеба», «Наш современник», «Новый мир», «Огни Кузбасса», «Октябрь», «Подъём», «Юность». Лауреат Всероссийских литературных премий. Член Союза писателей России с 1996 г. Живет в г. Электросталь Московской обл.

ВСЁ ЖИВОЕ

* * *

Кричит испуганная птица.
Ночь распахнулась, как крыло,
и на уснувшее село
холодный лунный свет ложится.

Я, очарованный луной,
смотрю на дальнее светило.
И вдруг очнулся: что за сила!
И что за бездна надо мной!

А там, в мирах иных полей
так мрачно облака теснятся,
что хочется к земле прижаться,
как в детстве — к матери своей.

НОЧНОЕ

Река дышала, словно вечность.
Звенели жабы до утра,
ругая жизни быстротечность
и пламя моего костра.

Река плескала и дремала,
и девки пели на току...
Семья лосей переплывала
в восходе плоскую Оку.

Лось плыл и шевелил ноздрями,
хрипел, костра глотая дым,
и даже звёзды егерями
застыли, улыбаясь им.

Потом на берег первозданный
все выбрались —
и затрубил
сохатый дико и гортанно
в избытке грозных, дерзких сил.

* * *

На сеновале поселился я
и здесь живу на свежем, душном сене.
Корова да баран — вот вся моя семья,
а вместо тюфячка — котомка на полене...

Раскосый взгляд двух щелей надо мной —
в них Неба вечность...
Всё замкнулось.
Дождём холодным и весной
душа, как пашня к семени, проснулась.

И жизнь сама — как яблоневого сада:
вчера прозрачен, завтра — бел и розов...
Дед трёт виски и курит самосад.
И курица клюёт, гребёт в навозе...

А бабка Поля гонит самогон,
над вешним садом — чад от барды,
и на крыльце играют в карты
мальчишки, как гусары: на патрон!

ВСЁ ЖИВОЕ

Дождь пробежал — грибной, несчастый.
Играет пескарями брод,
и, как овец печальный пастырь,
пасёт три тучи небосвод...

Я в лес нырнул, я стал невидим — зелень!
Кромсает небо пахарь-самолёт...
Встаёт заря — как петушиный гребень,
и самолёт — как клюв, её клюёт!

ПАМЯТНЫЙ ПОКОС

Извечной грусти полон зов кукушки,
и шапки пламени, и писк ольхи в костре,
и кислый квас из оловянной кружки,
и дальний окрик дружных косарей...

Как в этой зорьке ветрено и зябко!
Всё больше дел, всё меньше — сил и слов.
И долгий-долгий взгляд кухарки с тряпкой,
и сладкий пар вскипающих котлов...
Совхозные за речкою покосы,
и жеребёнка с маткой росный бег...

Кухарка — девочка.
Мы счастливы и босы.
И долог день,
как век.

* * *

Как хорошо в горячий летний день,
пережидая полдень косовицы,
у старых ив найти густую тень
и на траву устало опуститься.

Зной безнадёжно ровен и глубок,
но тем отрадней из прохладной чащи
смотреть на зыбкий марева поток,
текучим хрусталём кипящий.

Кузнечиков песчаный звон
то скупно-сух,
то так прозрачно-тонок...

И в небе, кажется, поёт не жаворомнок,
а летний зной поёт.
И клонит в сон...

* * *

Край корявый мой, край мой древний,
где в дождях — паутины грибниц...
Я хотел бы уехать в деревню,
я устал от людей и больниц.

Чтоб опять мне по горло — туманы,
чтобы небо — лазурь со стекла,
чтобы бойкий петух горланил,
и заря на ладонь легла.

Чтобы в лодке рыбачьей — течи,
чтобы реку туман ласкал...
Что ж ещё в этой жизни беречь нам,
как не запах ржаного куска?

Налетай, огольцы и плотвицы!..
Мякиш я разомну-раскрошу,
родниковой святой водицы
вместе с солнцем черпнуть поспешу.

* * *

Вновь сирень плеснула в подоконник,
вновь я жить хочу!
Под луной широк и светел конник —
хоть на нём ночуй.
Хоть ложись к окну — мечтай на звёзды,
по-мальчишьи, в дым...
Ветер пьёт сиреневые гроздья,
трогает гряды.

Тихо входит в душу ужас бездны:
«Беспределен мир?!»
Небо надо мною — омут звездный
с чернотой дыр!..
Крест иконным ликам — от порога!
Дома как в гостях:
чувство одиночества и Бога...
И вселенский страх!

---

* * *

Ночь! Такая звездѣнь — не до сна!
Тѣплый ветер углей не потушит...
И сиреневая тишина
бездной Божьей упала в душу.

Догорает дорожный постой,
захрапев, стригунок встрепенулся...
Тонкий месяц над рыжей рекой,
как ребѣнок, во сне потянулся.

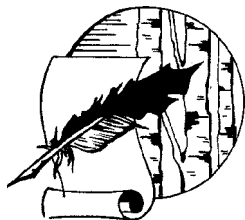
* * *

Я бы век промолчал здесь,
в берѣзовой роще заречья:
словно вновь я вернулся на землю,
как будто бы жил уже здесь...
Всѣ по-новому ясно,
и понятнее — всѣ человече,
и теплее молитва,
и святая — любовь, а не месть.

Песню льѣт жаворонок,
и пробуют голос кукушки...
Сколько здесь я дышу?
Полчаса? Или час?
Или день? Или век?
И берѣз золотые, с поклоном, верхушки
протянулись к небесной,
бездонной для всех синеве.

Как случилось,
что жизнь прокатилась бесследно, не пыльно?..
Слишком рано, так рано в туманы окуталась даль!

Не вернусь я сюда,
я уйду по дороге неторной, ковыльной —
в Небеса,
где смиренье, любовь
и печаль.

Вадим ТЕРЁХИН

СЛОВО И МУЗЫКА

* * *

Известно, что придя в движенье,
По всем законам естества
В системе общего снабженья
Вода безвидна и мертва.

И ждёт спасения, доколе
Не образует в трубах течь.
Вода не может жить в неволе
Как поэтическая речь.

Она подвижница течения,
Напора, скрытого в груди.
И из любого заточенья
Всегда пробьёт себе пути.

И если посмотреть на воду,
Примерить жалкий опыт свой —
Лишь вырываясь на свободу,
Вода становится живой.

* * *

Я решил, что я — Жар-Птица!
А Жар-Птице ни к чему
За любовь начальства биться,
Низко кланяться ему.

Тёмным силам потакая,
Всем начальство говорит:

Птица? Жар? Да, есть такая.
Но не очень-то горит.

И, сказать, она не очень.
Светит тускло, хоть убей.
А у нас есть, между прочим,
Птица лучше — воробей.

Но и он по всем законам
В тщетном поиске огня
Светит светом отражённым,
Исходящим от меня.

СЛОВО И МУЗЫКА

Слышишь, заводит сверчок
Песню на лире запечной.
Как бы мир не был жесток,
Слово и музыка вечны.

Мы рождены, чтоб пропасть.
Канет во мгле бесконечной
Слава, богатство и власть.
Слово и музыка вечны.

Как же нам жить на земле
Тихо, неспешно, сердечно?
В мире, лежащем во зле,
Слово и музыка вечны.

Жизнь поместилась в семь нот.
Но в суете быстротечной
Всё в этом мире пройдёт.
Слово и музыка вечны.

* * *

И когда ты себя исчерпал,
И уже всё не будет, как прежде,
Возвращаясь к началу начал,
Из последней и робкой надежды,
Подводящей последний итог,
У тебя появляется Бог!

Непонятный людскому уму,
Он стоял за невидимой шторой.
Оказалось, ты нужен Ему!
В этой жизни туманной, в которой
Ты бродил по углам, как слепой,
Он всё время был рядом с тобой!

Ты у мира уже не в чести.
Ходишь тенью немого укора.
Всё отдать, чтоб Его обрести —
Непременная часть договора.

* * *

Прости, Боже, нас многогрешных!
Известно о том наперёд —
Уверенных, смелых, успешных
Земля без остатка возьмёт.
Хотя и везёт им во многом,
И радостно их бытие,
Придётся предстать перед Богом,
Ответить за счастье своё!

* * *

Одна ты у нас самых близких кровей,
И нету на свете румяней.
Всё меньше и меньше нас в жизни твоей.
И скоро мы облаком станем.

Не будем мешать и стоять под рукой.
Сожжёт нас житейское пламя.
Ни слова сказать, только вечный покой.
И — как её? — вечная память!

Мы будем витать над твоей головой,
Как ровня с другими телами.
Под ноги посмотришь, и сорной травой
Мы будем лежать под ногами.

Живую беседу считая за честь,
Её мы дождёмся не скоро.
И вроде мы живы, и вроде мы есть,
Но не поддержать разговора.

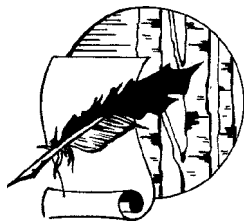
* * *

От язвы мировой
Таюсь в лесной избёнке.
Теперь я домовой
Поэт на удалёнке!

Бессрочно находясь
На карантине строгом,
Налаживаю связь
Я ежедневно с Богом!

Творю молитвы я,
Жгу восковые свечки.
Чтоб судьбы бытия
Предвидеть из-под печки.

г. Калуга

Борис ОРЛОВ

РУССКИЙ РУБЕЖ

* * *

Заскрипели славянские скрепы,
Над Донбассом сгущается мрак.
И Донецк, словно Брестскую крепость,
Уничтожить планирует враг.

Свист снаряда и скрежет фугаса
Не погасят сиянье надежд.
Сталинградская битва Донбасса:
Город Сталино — русский рубеж.

* * *

Всегда они разума против,
В затеях живут без затей.
Тщеславие — это наркотик,
Оно отравляет людей.

Посмотришь — ни кожи, ни рожи,
Но сколько презренья в глазах!
В тщеславии мир перекошен —
Он тонет в кривых зеркалах.

ЛИБЕРАЛ

Его пугает тень ГУЛАГа,
Но демон с ним накоротке.
Великовозрастный стилияга
Живет в придуманном мирке.

Он для неведомого блага
Ведет невинных под обстрел.
Великовозрастный стилига,
Состарившись, не повзрослел.

* * *

Посещение злачных мест —
Время грешных грёз.
Не туда приносишь крест,
Что по жизни нёс!

Для чего из кожи лез?
Влез гадюкой в виллу.
Каждый сам приносит крест
На свою могилу.

* * *

С неба спустилось тепло постепенно —
Солнце... А лужи прозрачны до дна.
Печь подавилась последним поленом —
Бросилась лету навстречу весна.

Рожь колосится, чтоб жить в караваях.
Дремлет в проветренных копнах трава.
Греясь на солнышке, не забываем —
На зиму надо готовить дрова.

* * *

Он в этой жизни — глух и нем —
Плывет, как рыба, в море сплетен.
И прячется от всех проблем
В потустороннем интернете.

А пошлый сайт — что хлороформ
В реанимации на койке.
Он — жертва ельцинских реформ
И горбачевской перестройки.

* * *

Кто во что — перекошены стены,
Непонятны толпе языки.
Бесы ангелам рвутся на смену —
Глобализм строят ростовщики.

Ни станок, ни конвейер, ни пашня —
Банк, придавленный древней звездой.
Глобализм — Вавилонская башня,
Где на шпиле — телец золотой.

* * *

Мы раскручены судеб пращами,
По-французски твердим: «Шер ами».
Люди-цифры народ сокращают,
Чтобы меньше считать и кормить.

Не уйти ни кустами, ни рвами —
Есть для каждого ключик и шифр.
Люди-цифры, но были словами,
А молитвы из слов — не из цифр.

* * *

Страдальцы? Плачут, чувства теребя,
Выпрашивая деньги и медали.
Они страдали от самих себя,
И мы от них — неистовых! — страдали.

Нам в уши льют косноязычный стих,
Твердят, что Бродский был мудрей Тацита.
От холокоста мы спасали их...
А нас никто не спас от геноцида!

* * *

Гнусно «отрывается» синклит
В Куршавеле, в Лондоне, на Мальте.
Он там синим пламенем горит,
Но задвижку вы не закрывайте.

И разврат, и подлость напоказ —
Все они в одном гремучем деле.
Пусть горят, не согревая нас...
Пусть горят, чтоб мы не угорели.

* * *

Лес темен внутри и снаружи.
Листою покрыты холмы.
И морщатся мутные лужи
От запаха близкой зимы.

Волнение и светлые слёзы —
Творению Господа рад.
Зима пахнет льдом и морозом:
Для русской души — аромат.

* * *

...А во дворцах коньяк бандиты пьют
И обзывают честных граждан стадом.
Люблю уют подводничкиных кают —
И большего простора мне не надо.

На плавказармах пьем из кружек спирт —
Нам не нужны ни виски, ни текила.
Россия предков — наш ориентир.
Мы не собьемся — это в наших силах!

* * *

В дождик сутулятся плечи
И расплывается след.
В старости время не лечит —
В старости времени нет.

Старость?! Но стоит ли плакать,
Если в душе — молодой.
Не прогляди — в дождь и слякоть
Время уходит водой!

* * *

Не тучи — стаи воронья.
Еще один день прожит.
Вчерашний я совсем не я —
Тот жестче и моложе.

Прощайте, младшие братья —
Я прочь от вас ушел бы.
Но тех, кем был когда-то я,
В фотоальбомах — толпы.

г. Санкт-Петербург

НУЖНА ЛИ РУССКИМ ИМПЕРИЯ?

300 лет назад, 22 октября (ст. ст.) 1721 г., вскоре после окончания Северной войны и подписания Ништадского мира со Швецией, Сенат провозгласил Петра I Императором Всероссийским, и с тех пор «Всея Русь» почти 200 лет именовалась «Российской империей».

Сенаторам, видимо, хотелось польстить самолюбию царя, ибо оснований для такого титула, по правде говоря, было маловато. Если не считать возвращения русских северо-западных (невских) земель, ранее захваченных шведами и именуемых Ингерманландией, к огромному Московскому царству после 21-летней разорительной войны были присоединены северная часть Прибалтики (Эстляндия и Лифляндия) — и только. Да и то за большие деньги, заплаченные Швеции. Это намного скромнее того, что присоединили Иван Грозный и Алексей, отец Петра. И доля великороссов была ещё велика — 71%. Так что и многонациональным русское государство назвать можно было с очень большой натяжкой.

Расширение же территории ни началось при Петре, ни закончилось при нём. Титул императора применял в переписке с француз-

РУССКИЙ ВОПРОС

ским и английским королями и турецким султаном в начале XVI века ещё Василий III, отец Ивана Грозного. К 1917 году территория Империи составила 22 млн. кв. км. Больше была только Британская Империя, принципиально отличавшаяся от Российской тем, что составлена она была из отдельных лоскутов, расположенных в Азии, Африке, Австралии, Океании и Латинской Америке, а не из цельной территории, и тем, что население этих «лоскутов» подвергалось безжалостной эксплуатации.

Юбилейная дата дала повод ряду патриотических публицистов пропагандировать идею возрождения Империи, с упором на русский менталитет — жертвенность и широту души, а на основе этого утверждать, что Империя — это призвание России и форма существования русского народа, и народ этот может быть либо имперским, либо никаким.

Стоит, однако, подумать: а действительно ли нужна сегодня Империя русскому народу и действительно ли без Империи он существовать не сможет? Прежде чем дать ответ, уместно вспомнить два обстоятельства.

Во-первых, все империи создавались в периоды необыкновенного подъёма, энергии, сплочённости и инициативы стержневого (государствообразующего) этноса (пассионарности, по Л.Н. Гумилёву). Причём народ и власть являли собой монолит и действовали в одном направлении. Государствообразующий этнос нёс затем ответственность за развитие страны и большую часть государственной тяжести: управление, обеспечение внутреннего порядка, защиту от внешних угроз и создание материальных ценностей. Постепенно картина менялась. По мере расширения империи происходило уменьшение доли государствообразующего этноса, у него накапливалась усталость, наступал надлом, по Гумилёву. Синхронно с этим усиливался сепаратизм на окраинах.

Во-вторых, без сильной государственной власти империи существовать не могут. Как только власть ослабевает, этим сразу же пользуются враги империи — внутренние (сепаратисты) и внешние (со своей внутренней агентурой).

Сочетание этих двух факторов — усталости государствообразующего этноса и слабости центральной власти — и приводило к развалу империй. Привело оно и к крушению Советского Союза. Различие только в том, что если большинство империй прошлого разрушалось десятилетиями, а то и веками, то СССР рухнул почти сразу. Тому были, по крайней мере, три причины.

Первая из них — мина замедленного действия, которую заложил Ленин под Империю, произвольно разделив её на

союзные республики «с правом наций на самоопределение вплоть до отделения». Коммунисты, конечно, встанут на дыбы: — неправда! Развал начался при Временном правительстве, и именно Ленин собрал отделившиеся части в одно целое. Но это утверждение — результат однобокой советской пропаганды.

Конечно, масонское Временное правительство, выполняя задание своего зарубежного «начальства», постаралось бы добить Империю. Но ведь Ленину, Троцкому, Свердлову и прочим руководителям Октября в действительности нужна была не «единая и неделимая» Российская Империя, пусть и под другим названием, а союз государств с перспективой на Всемирную республику советов, к которой по мере нарастания мировой революции будут присоединяться другие страны и которой будут править большевики. Если бы в Германии в 1918—1919 гг. победили коммунисты, можно не сомневаться, что штаб мировой революции (то есть мировое революционное правительство) Ленин перенёс бы в Берлин. Поэтому и обрушился он с резкой критикой на Сталина, предлагавшего дать союзным республикам не государственно-политическую, а только национально-культурную автономию в рамках единого, а не федеративного государства. Вот почему в названии ленинского государства — СССР отсутствует указание на национальность государствообразующего народа (как у большинства стран) или на географическое местоположение (как у США, Австралии, ЮАР и др.). И хотя Сталин фактически превратил СССР в унитарное государство, юридически он этого сделать не мог — иначе пришлось бы радикально менять не только конституцию, но и само название государства.

Вторая причина — это «ленинская национальная политика» с ущемлением прав государствообразующего народа, с огромными субвенциями республикам и неравноценным товарообменом за счёт коренной России, с деликатным и даже заискивающим отношением к национальному достоинству нерусских национальностей, с воспитанием в союзных и автономных республиках «национальных кадров», которые потом стали главными носителями и исполнителями идей сепаратизма. Все 74 года советской власти продолжалась национальная и социально-экономическая дискриминация русского народа. И это — несмотря на страшные национальные катастрофы, три Русских Холокоста, пережитых в 1918—1922, 1929—1933 и 1941—1945 гг.

Третье — ослабление после смерти Сталина центральной власти, перешедшее в 1980-е годы в загнивание правящего

режима, в недрах которого родились предатели Горбачёв, Яковлев, Шеварднадзе и Ельцин. При них мина и рванула.

Каково же сегодня положение русских в осколке Империи — Российской Федерации?

С 1992 года (после, как выразился Ельцин, «российско-американской революции») начался процесс вымирания русской нации — Четвёртый Холокост, продолжающийся до сего времени. Если общая численность населения России с 1989-го по 2010 год снизилась на 4,16 млн. чел., то число русских — на 8,85 млн. чел. (с 81,5 до 77,7%), а с учетом притока русских беженцев из бывших союзных республик — на 15 млн. чел. — число, сопоставимое с жертвами Великой Отечественной войны. Новая перепись, запланированная на 2020 г., была отменена под предлогом эпидемии ковида, поэтому более свежих цифр нет, но можно не сомневаться, что они стали ещё страшнее.

Сделала своё дело и государственная политика разнuzданной русофобии в 1990-е годы, когда осмеянию и поруганию подвергалась не только русская история, но и сам русский народ, когда открытая дискриминация русских проводилась почти во всех автономиях, а в Чечне, Туве, Горном Алтае русских попросту вырезали (и наказание за это никто не понёс).

Политика русофобии продолжается и ныне, хотя и в не столь откровенной форме. Достаточно вспомнить 280 и 282 статьи Уголовного кодекса, которые почти исключительно применяют к людям, отстаивающим русские национальные интересы. Достаточно вспомнить реакцию президента Медведева на события на Манежной площади в 2010 году — массовую акцию протеста против произвола кавказцев и покровительство им правоохранительных органов. Достаточно вспомнить, что страну искусственно, без всякой необходимости накачивают иммигрантами, вытесняющими русских с рынка труда и не желающими вписываться в Русский мир, предоставляя им гражданство и социальные льготы.

Русские стали ощущать себя чужими в своей стране. Поэтому и бегут в европы наиболее способные и энергичные из них. Не слишком ли много «жертвенности»? Не боком ли обходится русским их «широта души»?

Очевидно, что причины современного положения лежат в политике государства, которая создаёт условия для сокращения численности и национальной деградации русского народа и, одновременно, условия для высокого прироста населения и национального подъёма кавказских народов и азиатских мигрантов. Народ ощущает, что его интересы и интересы власти всё больше и больше расходятся, пропасть меж-

---

ду ними всё больше и больше увеличивается (это подтверждают и рейтинговые опросы, хотя последние выборы в ГД показали куда более бодрые результаты).

Единственный институт, который сегодня мог бы сплотить, поднять дух и волю русского народа, — Православная церковь, Русская по названию. Но, увы. Неумеренная лояльность властям церковных иерархов существенно понизила ее авторитет, бывший столь высоким на рубеже 1980—1990-х годов. Тогда поднялась мощная народная волна прилива к Церкви, давно уже отхлынувшая. Зато активную роль в сплочении и воспитании напористой позиции играют мечети и нерусские национально-культурные центры. Что там проповедают, мало кто знает.

Всё перечисленное даёт немалые основания считать, что русский народ находится, по Гумилёву, на стадии обскурации, «когда пассионарии почти полностью заменяются субпассионариями, которые подвергают сомнению трудолюбие, интеллектуальные успехи; ширится коррупция, падает дисциплина, расцветает невежество». Это и происходит на наших глазах.

Поэтому пропаганда того, что русские, мол, не могут существовать иначе как имперская нация, является не только бесполезной, но и попросту опасной. И без того ослабленную нацию призывают, грубо говоря, снимать с себя последнюю рубашку в пользу «сырых и убогих». Сегодня главная задача русских — сохраниться как нации. Империя сейчас русским не нужна, она им непосильна (ведь нельзя же считать Российскую Федерацию империей!). Да ещё и вопрос: а захотят ли сопредельные страны и народы добровольно войти в состав империи? Добровольно ведь просят в сильное, находящееся на подъёме государство. Кто же пойдёт в государствообразующей нацией?

ДЕСАНТ МИРОВОЙ ЗАКУЛИСЫ

Ясно, что Локкарт был человеком непростым. Уже поэтому поездка Дзержинского в Швейцарию, хотя и заслуживает отдельного разговора, в рамки данной статьи не уместается. Я могу только порекомендовать тем, кто этим интересуется, ознакомиться с книгой А.Б. Мартиросяна, в которой о вояже главы ЧК за рубеж рассказано весьма подробно (Мартиросян А.Б. Заговор маршалов. Британская разведка против СССР. М.: Вече, 2003).

Дзержинский провел в Швейцарии почти месяц и, конечно, вращался это время не только в кругу семьи. Свердлов, как уже сказано, приставил к Дзержинскому члена коллегии ВЧК и одновременно секретаря ВЦИК Варлаама Александровича Аванесова (он же Сурен Карпович Мартиросов (1884—1930). Аванесов всех «нужных людей» знал в лицо. Он окончил медицинский факультет Цюрихского университета еще в 1913 г. и в общении с другими эмигрантами всю войну поддерживал контакты с немцами. «Аванесова — секретаря самого Свердлова — «пристегнули» к Дзержинскому для контроля за его действия-

---

Продолжение. Начало в №9 за 2021 г.

УРОКИ ИСТОРИИ

ми, — пишет Мартиросян. — В этом был крайне заинтересован сам Яков Михайлович, еще с весны 1918 г. сконцентрировавший всю власть в стране в своих руках, а после ранения Ленина и вовсе единолично распорядившийся всем». И брат Свердлова, французский разведчик Зиновий Пешков, тоже был к этому визиту причастен. Сам-то Феликс толком не ведал, с кем там, в сытой Швейцарии, надо иметь дело. Одно можно сказать уверенно: советские товарищи не со швейцарским пролетариатом налаживали контакты!

Некоторые источники указывают на то, что Аванесов устроил ему встречи с германским разведчиком, посланником в Берне бароном Гисбертом Ромбергом, его личным агентом Робертом Гриммом, являвшимся главным редактором печатного органа швейцарских социалистов-интернационалистов журнала «*Berner Tagwacht*», с давним германским агентом, а также агентом японской разведки еще со времен Первой русской революции 1905 г., Александром Э. Кескюля (Кескюля), известным также под псевдонимом Александра Штейн, и некоторыми другими персонажами, которых Дзержинский в лицо не знал (Мартиросян А.Б. Цит. соч.). Контакты с этими людьми, как и с Локкартом, у Дзержинского имели место. Разведка боем, таким образом, шла на два фронта. Шеф ВЧК хотел точно знать: будут ли и дальше с Запада поддерживать большевика, а точнее Якова Михайловича Свердлова, после денонсации Брестского мира и поражения Германии или ставка будет сделана на контрреволюцию? Для большевиков это был действительно вопрос жизни и смерти. Вот это, как считают многие западные и отечественные исследователи, и было главной задачей того зондажа, которые Дзержинский провел в Швейцарии с помощью Аванесова. И последующие события подтвердили, что потрудился он не напрасно. Историк Н.С. Кирмель в своем исследовании, посвященном тому периоду, писал: «Курс союзников, прежде всего Англии, свелся к отсечению от России молодых государственных образований в Прибалтике и Закавказье под флагом образования так называемого «санитарного кордона» вокруг РСФСР. Как только эта задача была выполнена, тут же финансовая и материальная поддержка белых армий совершенно прекратилась. Следуя в русле своей прагматической политики, союзники пошли на соглашение с правительством В.И. Ленина» (Кирмель Н.С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне. 1918—1922 гг. Монография. М.: Кучково поле, 2008. С. 49).

Такова подоплека тех громких дел, которые вошли в нашу историю под названием «Мятеж левых эсеров и убийство Мирбаха». В свете событий того времени и начинавшейся

Гражданской войны в России смысл их становится понятнее. С одной стороны, руководство большевиков в лице Свердлова и Дзержинского продолжило сотрудничество с германской разведкой, начавшееся в эмиграции, а затем отработанное в ходе подготовки экспорта революционеров в Россию в «ленинском» и других вагонах. С другой — контакт в Лугано с Локкартом свидетельствует о том, что Свердлов, очевидно, по совету своего брата Зиновия, решил сделать ставку на англичан исходя из того, что дни кайзера сочтены. Трудно сказать, чем бы обернулись тайные переговоры главаря ЧК со своими немецкими и английскими коллегами, если бы не рухнула кайзеровская Германия, от которой к 1919 г. осталась грязная лужа в виде Веймарской республики, и если бы Свердлову не помогли уйти на тот свет. В любом случае роль Дзержинского в сговоре большевиков с Антантой была далеко не последней. Один из историков советских спецслужб Первушин считает, что Дзержинский вел двойную игру с тех пор, как летом 1918 г. «его сотрудники оказались замешанными в левоэсеровском мятеже, последовавшем за убийством Мирбаха, покушении на Ленина и убийстве Володарского». Эта двойная игра продолжалась и после его возвращения в Россию через Берлин, когда после смерти Свердлова Дзержинский перешел под начало Троцкого. Не случайно Сталин в кругу друзей как-то признал: «Дзержинский был убежденным троцкистом».

В перечне преступлений Я.Свердлова на первом месте стоит геноцид казачества, который он развязал самолично, не дожидаясь одобрения вышестоящих советских и партийных инстанций. Повторилась та же ситуация, что и с расстрелом Царской семьи. Чёрный Янкель вершил самосуд. 9 января 1919 г. Я.Свердлов подписал директиву ЦК РКП(б) «Ко всем ответственным товарищам, работающим в казачьих районах». Вот этот текст, вполне достойный быть предметом рассмотрения преступлений против человечества:

«Циркулярно, секретно. Последние события на различных фронтах в казачьих районах — наши продвижения вглубь казачьих поселений и разложение среди казачьих войск — заставляют нас дать указания партийным работникам о характере их работы при воссоздании и укреплении Советской власти в указанных районах.

Необходимо, учитывая опыт года Гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость пути недопустимы. Поэтому необходимо:

---

1) провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти;

2) конфисковать хлеб и заставить ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам;

3) принять все меры по оказанию помощи переселяющейся пришлой бедноте, организуя переселения, где это возможно;

4) уравнивать пришлых «иногородних» к казакам в земельном и во всех других отношениях;

5) провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи;

6) выдавать оружие только надежным элементам из иногородних;

7) вооруженные отряды оставлять в казачьих станицах впредь до установления полного порядка;

8) всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания.

ЦК постановляет провести через соответствующие советские учреждения обязательство Наркомзему разработать в спешном порядке фактические меры по массовому переселению бедноты на казачьи земли» (Известия ЦК КПСС. 1989. №6. С. 177—178).

На самом деле ЦК ничего не постановлял. Пленум ЦК РКП(б) 16 марта 1919 г. (в день смерти Свердлова) отменил эту его январскую директиву. Но было уже поздно — адская машина была пущена в ход по распоряжению самого председателя ВЦИК. Вот так и пошло со времен Свердлова: «Центральный Комитет постановляет...» Росчерком одного человека — миллионы шли на эшафот. И всё неукоснительно выполнялось под страхом смерти. В соответствии с директивой Свердлова начались невиданные в истории России массовые убийства казачества. Специальные карательные отряды расстреливали русских казаков день и ночь по 40—60 человек в сутки. Убивали не только взрослых мужчин, но и детей, женщин и стариков. Было запрещено слово «казак», а также ношение фуражек и штанов с лампасами. Станицы переименовывались в волости, хутора — в деревни. Казац-

---

кие семьи выселялись из родных куреней, а на их места селили голытьбу из Воронежской губернии. 5 февраля 1919 г. местные советы получили инструкцию Ревкома, согласно которой:

— все оставшиеся в рядах казачьей армии после 1 марта объявлялись вне закона и подлежали истреблению;

— все семьи казаков, оставшихся в рядах казачьей армии, объявлялись арестованными и заложниками, их имущество описывалось;

— в случае «самовольного ухода» одной из семей, объявленных заложниками, подлежали расстрелу все семьи, состоявшие на учете данного Совета;

— в случае «самовольного ухода» одного из членов семьи, объявленной заложником, расстрелу подлежали все члены данной семьи;

— имущество расстрелянных подлежало конфискации и распределению среди сельсоветчиков. (Казачий круг. 1992. №2. С. 56).

Хотя 16 марта 1919 г., в день смерти Я.Свердлова, директива по истреблению казаков была отменена, но ее реализация продолжалась. Руководитель Донбюро С.И. Сырцов требовал расстреливать за каждого убитого красноармейца сотню казаков-заложников. Ретивый каратель приказывает подготовить этапные пункты для отправки на принудительные работы в Воронежскую губернию, Павловск и другие места всего мужского казачьего населения в возрасте от 18 до 55 лет. Караульным командам отдавался приказ расстреливать пять человек за каждого сбежавшего казака.

Для организации истребления русских казаков на Дон направляются известные большевистские террористы. По приказу Ленина в апреле 1919 года одним из руководителей карателей с чрезвычайными полномочиями становится участник убийства Царской семьи 28-летний А.Г. Белобородов (Некрасов В. Тринадцать «железных» наркомов. М., 1995. С. 101–102).

Сын кишиневского фармацевта 20-летний еврейский большевик И.Э. Якир как член Реввоенсовета 8-й армии отдает приказ «О расстреле на месте всех, имеющих оружие, и даже процентном уничтожении мужского населения...» Всего в ходе войны против русского казачества 1918—1920 гг. было убито около 2 млн. казаков и членов их семей (Бернштам М. Стороны в Гражданской войне 1917—1922 гг. М., 1992. С. 64).

За то время, пока действовала директива Свердлова «о расказачивании», а по сути, о геноциде казаков, его подручными было истреблено более 70% казачьего населения Дона и

Кубани. Были почти поголовно уничтожены казаки Терека, Урала, Сибири, Семиречья, Уссурийска и других казачьих войсковых областей. Уничтожение казачества носило самый лютей и человеконенавистнический характер: священников распинали на воротах храмов, прибывая руки и ноги гвоздями; казачьим офицерам вырезали на плечах и ногах погоны и лампасы. Многих заживо закапывали, сжигали в куренях и хатах вместе с семьями. Перед зверскими казнями казаков на их глазах совершались массовые групповые изнасилования их жен и несовершеннолетних дочерей (Магнер Г. Расказачивание в системе массовых репрессий. Л., 1992; Голуб П.А. Правда и ложь о «расказачивании» казаков. М., 2009).

Советская власть, по расчетам Свердлова и его подельников, должна была с помощью зверских репрессий и казней привить русскому народу «Стокгольмский синдром» — настолько запугать его всесилием и невиданной жестокостью новой террористической власти, чтобы он полюбил своих палачей и безоговорочно им подчинился. Увы, нечто подобное и произошло. Известный русский писатель В.Г. Короленко в своем письме к Горькому писал: «История сыграла над Россией очень скверную шутку. <...> Лишенный политического смысла, народ тотчас подчинился первому, кто взял палку. <...> Вот к чему привело раздувание вражды — самая трудолюбивая часть народа положительно искоренялась» (Родина. 1989. №3).

Крайне антирусская направленность деятельности Свердлова и сплотившейся вокруг него еврейской мафии в РСДРП заставила многих в то время вспомнить о захвате власти иудеями в древней Хазарии. Свердлова явно прочили в каганы — главным ставленником мировой закулисы. Он должен был стать лидером нового государственного образования, которое намеревались создать на месте Российской Империи — «второй Хазарии». На этот раз речь шла уже не о покорении приволжских земель, а о захвате всей России с ее неисчерпаемыми природными богатствами и 100-миллионным населением, которое новые захватчики планировали превратить по терминологии Троцкого в «Трудовую армию», т.е. в покорных рабов — новых хазар. Такие параллели напрашивались сами собой после того, как к лету-осени 1918 г. карательные органы большевиков и Красная армия приступили к организованному геноциду русского народа. Только смерть Свердлова не позволила довести Русский холокост до конца.

Существует целый ряд версий смерти Чёрного Янкеля. Официальная звучит так: 7 марта 1919 г. во время выступле-

---

ния на одном из заводов Орла Яков Михайлович серьезно простудился и сгорел за неполные десять дней. Поговаривали и о том, что в Орле его жестоко побили рабочие, отчего он и умер. Но подтверждений тому нет. Не исключено, что с Чёрным Янкелем расправился сам вождь мирового пролетариата. Еще одна версия родилась несколько позже — уже после разоблачения культа Сталина. Мол, устранил Свердлова не кто иной, как Иосиф Виссарионович, так как другим способом не мог избавиться от могущественного соперника. Доказательств им здесь нет, хотя как заместитель Ленина Сталин вполне мог начать расчистку «химеры» еще ранней весной 1919 г. и поучаствовать в «устранении» заговорщика Свердлова.

То, что у Свердлова перед смертью протекал воспалительный процесс, не вызывает особого сомнения. Но он и не собирался умирать, так как, по некоторым данным, даже за сутки до смерти выступал на одном из заседаний. Некоторые свидетели вспоминают, что Яков Михайлович был в те дни не в себе — он ловил в кремлевских коридорах знакомых и говорил им, что намерен открыть предстоящий VIII съезд РСДРП(б), назначенный на 18 марта 1919 года. До него он не дожил. Серьезное ухудшение состояния здоровья произошло уже 14 марта. А за полтора дня до начала съезда, 16 марта, в 16:45 Свердлов неожиданно умирает. Многие современные исследователи считают, что Свердлову «помогли». На VIII съезде должна была разгореться острая борьба. Ленин после ранения был уже не в той форме, и мог встать вопрос о его замене. Мафия Свердлова надеялась, что именно в руках Чёрного Янкеля и сосредоточилась бы вся полнота власти...

Известно, что за полчаса до смерти Свердлова посетил Ленин. О чём они говорили — неизвестно. Но тот же Бонч пишет, что Свердлов пытался что-то сказать Ленину. Потом затих, сжал руку того и умер. Ленин тут же отправился в свой кабинет, позвонил Троцкому и сухо произнес: «Скончался». Ритуал «прощального поцелуя» был совершен в полном соответствии с традициями большевистского подполья.

Свердлова похоронили со всеми почестями у Кремлевской стены. Был на похоронах и Ленин, его снимали, но затем по непонятным причинам кадры изъяли из кинохроники. Ленин, и на это многие обратили внимание, не сказал ни слова сожаления о кончине Свердлова, ни слова сочувствия его вдове... Потом тот же Ленин воздал ему должное за небывалые организаторские способности. Машина террора, запущенная Свердловым, продолжала набирать обороты. Под ее жерновами еще предстояло погибнуть миллионам русских людей.

Пройдет много лет, прежде чем тщательно скрывавшиеся преступления Свердлов и его уральской мафии станут явью. Мы узнаем правду и об истреблении казаков, и о зверских казнях Романовых. Мы узнаем, что после того, как 31 октября 1918 г. Белая армия заняла Алапаевск, останки убитых Алапаевских мучеников извлекли из шахты, положили в гробы и поставили на отпевание в кладбищенской церкви города. В апреле 1920 г. в Пекине их встречал начальник Русской духовной миссии, архиепископ Иннокентий (Фигуровский). Оттуда два гроба — великой княгини Елизаветы и сестры Варвары — были перевезены в Шанхай и затем пароходом — в Порт-Саид. Наконец, гробы прибыли в Иерусалим. Погребение в январе 1921-го под храмом Равноапостольной Марии Магдалины в Гефсимании совершил Иерусалимский Патриарх Дамиан. Так было исполнено желание самой великой княгини Елизаветы быть похороненной на Святой земле, выраженное ею во время паломничества в 1888-м. В 1992 году Архиерейским Собором Русской Православной Церкви великая княгиня Елизавета и сестра Варвара причислены к лику святых новомучеников Российских (ранее, в 1981 году, они были канонизированы Русской Православной Церковью за границей). В 2004—2005 гг. мощи новомучениц находились в России, странах СНГ и Балтии, где им поклонились более семи миллионов человек, прежде чем мощи были возвращены в Иерусалим. По словам Патриарха Алексия II, «длинные очереди верующих к мощам святых новомучениц — это еще один символ покаяния России за грехи лихолетья, возвращения страны на исконный исторический путь». Но может ли она вернуться на этот путь, когда всего в километре от Храма Христа Спасителя, в который шли православные поклониться святым мощам великомучениц, у Кремлевской стены всё еще лежат те, кто приказал их зверски убить в 1918 году?..

«Вожьд мирового пролетариата» № 2

Зиновьев Овсей-Гершон Ааронович Радомысльский-Апфельбаум родился на Украине в состоятельной еврейской семье владельца молочной фермы Аарона Радомысльского в Елизаветграде (в 1927—1934 гг. этот его родной город носил название Зиновьевск, затем, после его расстрела, переименован в Кировоград, а 14 июля 2016 г. Верховная рада переименовала его в рамках декоммунизации в Кропивницкий).

Зиновьев действительно участвовал в организованном революционном движении с 1901 г., когда и стал членом РСДРП.

Подвергшись преследованию полиции за организацию стачек рабочих в Новороссии, эмигрировал в Берлин, затем жил в Париже и Берне, где в 1903 г. и познакомился с В.И. Лениным. Там же, в Швейцарии, будущие «вожди мирового пролетариата» свели знакомство с видными сионистами, в том числе с самим Теодором Герцлем.

Зиновьев был одним из наиболее близких к Ленину людей и его постоянным представителем в социалистических организациях Европы. После Февральской революции 1917 г. Зиновьев вместе с первой и второй женами возвращается в Россию в запломбированном «ленинском вагоне» и сразу входит в состав ЦК большевистской партии. После июльских событий 1917 года они опять же вместе скрываются в знаменитом шалаше в Разливе. Считают, что к Ильичу Зиновьева приставил сам Свердлов.

Овсей достиг больших высот в партийной иерархии большевиков. Никто, кроме него, в партии не называл Ленина на «ты» и Володей. Наряду с Ильичём его именовали «вождем мирового пролетариата» — ведь именно Г.Зиновьев был первым председателем Исполнительного комитета Коминтерна. Но его же сами большевики первым называли Отцом террора. По своей натуре Зиновьев был прирожденным предателем и не раз предавал даже Ленина. Если в СССР о нем кто-то еще и помнил, то только потому, что в Истории ВКП(б) было отмечено, как буквально за несколько дней до Октябрьского переворота Зиновьев вместе с Каменевым опубликовал в газете «Новая жизнь» свои соображения о том, что вооруженное восстание преждевременно. Тем самым они выдали дату задуманного большевиками переворота. Разъяренный Ленин назвал тогда Зиновьева и Каменева «изменниками и штрейкбрехерами революции». Тем не менее простил и того, и другого.

13 ноября 1917 г. Зиновьева избирают председателем Петроградского Совета. Петроград становится его вотчиной, его владением. Он пришел на эту должность со своей программой подавления национального самосознания русского народа и осуществления сословного геноцида. Зиновьев требовал «каленным железом прижечь всюду, где есть хотя бы намек на великодержавный шовинизм». Русских этот выродок ненавидел просто паталогически и в своем питерском правительстве окружил себя одними евреями.

Именно Зиновьев провозгласил на 7-й Петроградской большевистской конференции в сентябре 1918 г.: «Мы должны увлечь за собой 90 миллионов из ста, населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить — их надо уничтожить...» (Северная Коммуна (П.). 19.09.1918).

В дальнейшем под руководством таких большевистских бонз, как Свердлов и Зиновьев, эта программы уничтожения десяти миллионов русских людей была значительно перевыполнена. «Мы постараемся направить костлявую руку голода против истинных врагов трудящихся и голодного народа, — писал Зиновьев. — Мы даем рабочим селедку и оставляем буржуазии селедочный хвостик». И довел уже в 1918 г. норму хлеба для интеллигенции до «восьмушки». Ёрничал: «Мы сделали это для того, чтобы они (буржуи) не забыли запаха хлеба». В 1918 г. Ленин всю власть в деревне отдал комбедам — комитетам бедноты. Левые эсеры, которые еще входили в состав ленинского правительства и в Советы, резко выступили против произвола люмпен-погромщиков. Зиновьев, как всегда, «пламенно» возражал: «Не плакаться надо, что в деревню, наконец, пришла классовая борьба, а радоваться, что деревня начинает, наконец, дышать воздухом Гражданской войны».

Ни в одном городе Советской России красный террор не был столь массовым, как в Петрограде. Зиновьев одним из первых стал практиковать уничтожение людей только из-за принадлежности к господствующим ранее классам. Современники подтверждают, что Зиновьев был не только теоретиком, но и повседневным практиком террора. Бывало, что даже приёмы в его кабинете заканчивались расстрелом его недавних гостей. Очевидец рассказывал, как, находясь в Смольном, видел, что к Зиновьеву в кабинет пришла какая-то депутация матросов из трех человек. Зиновьев принял их и, почти тотчас же выскочив из своего кабинета, позвал стражу и приказал: «Уведите этих мерзавцев во двор, приставьте к стене и расстреляйте! Это контрреволюционеры...» Приказ был исполнен без суда и следствия.

Когда армия Юденича начала наступление на Петроград, Зиновьев дал приказ об уничтожении тысяч невинных заключенных: интеллигенции, дворян, офицеров, женщин и детей — членов семей офицеров, которые по приказу Троцкого были взяты в заложники. Петроградские газеты пестрели заголовками: «Зададим буржуазии кровавый урок!», «Смерть буржуазии!» Некоторые биографы Зиновьева отмечают, что летом 1918 г. Зиновьев якобы отказался начать красный террор в ответ на убийства Урицкого и Володарского, а также на покушение на Ленина. Но это ложь. На призыв вождя к массовому террору он отвечал: «Буржуазия убивает отдельных революционеров, а мы уничтожаем целые классы». По команде Зиновьева в качестве «ответных мер» были уничтожены 512 заложников. По другим данным — около двух тысяч.

За время властвования Зиновьева в Петрограде в подвалах ЧК не затихали выстрелы, пытки, казни. Сословный геноцид шел полным ходом.

О зверствах большевиков и чекистов под руководством Зиновьева в Петрограде с возмущением говорили даже его прежние соратники по революции. В 1920 г. Г.Зиновьев как председатель Исполкома Коминтерна, образованного в 1919 г., едет в Германию, в Галле, на съезд Германской независимой социал-демократической партии. На этом съезде лидер меньшевиков Мартов сказал: «В ответ на убийство Урицкого и покушение на Ленина в Петрограде, где правительствует Зиновьев, казнены не менее восьмисот человек. Это были офицеры, арестованные задолго до покушений и никакого отношения к ним не имевшие, к тому же арестованные не за контрреволюцию, а только якобы за их оппозицию революции. Список этих людей опубликован в газете «Известия», и Зиновьев не может отрицать этот факт... Уже сам по себе факт, что жены и сыновья политических противников были также арестованы как заложники и многие из них из мести за действия их мужей и отцов были расстреляны, является доказательством масштаба террора». В зале съезда по адресу Зиновьева во время этой речи Мартова звучали крики: «Палач!», «Бандит!», «Убийца!» Когда в 1921 году против большевиков восстал Кронштадт, Зиновьев в панике потребовал у Ленина направить на подавление восстания «надежные части Красной армии и войска чекистов». В компании с Лениным, Троцким, Тухачевским, Дыбенко и другими палачами времен красного террора и вместе с ними Зиновьев несет прямую ответственность за гибель нескольких тысяч кронштадтских рабочих и матросов, преданных смерти именем той самой революции, которую они совершили и защитили в 1917 году.

Дорвавшись до власти, Зиновьев обеспечил себе просто царскую жизнь. Наружу вылезло всё, что так тщательно скрывал поборник «социальной справедливости» в предреволюционные годы: склонность к демагогии, отсутствие выдержки, исключительное честолюбие, тщеславие и барство. Вот отрывок из воспоминаний Г. Соломона, который в 20-х годах был торговым представителем России в Эстонии: «Однажды ко мне прибыл личный представитель вождя Коминтерна некто Сливкин, имевший поручение приобрести по специальному списку товары, якобы необходимые Коминтерну, — вспоминает Г.Соломон. — На эти цели по приказу Зиновьева я должен был выделить 200 тысяч марок. Товары Сливкиным были закуплены, и он потребовал два вагона для их срочной отправки.

Я спросил у своего коллеги, ведавшего отправкой этих вагонов, что это за срочный груз, который должен быть отправлен вне всякой очереди ранее столь необходимых в то время России народно-хозяйственных грузов. Вот его ответ: «Все эти предметы для стола и тела «товарища» Зиновьева... У Зиновьева, у этого паршивого Гришки, царскому повару (Зиновьев, по слухам, принял к себе на службу царского повара) не хватает разных деликатесов, трюфелей и черт знает чего еще для стола его барина... Ананасы, мандарины, бананы, разные фрукты в сахаре, сардины... А там народ голодает... А мы должны ублажать толстое брюхо ожиревшего на советских хлебах Зиновьева...» До революции это был худощавый, юркий парень с совершенно скромными манерами. Теперь же когда мы встретились, передо мной сидел растолстевший малый с жирным, противным лицом и громадным брюхом. Держал он себя важно и нагло. Этот ожиревший на выжатых из голодного населения деньгах каналья едва говорил, впрочем, он не говорил, а вещал...»

Сотрудница Коминтерна А. Куусинен в своей книге «Господь низвергает своих ангелов» вспоминала: «Личность Зиновьева особого уважения не вызывала, люди из ближайшего окружения его не любили. Он был честолюбив, хитер, с людьми груб и неотёсан... Это был женолюб, уверенный в том, что он неотразим. К подчиненным был излишне требователен, а с начальством — подхалим...»

Как вспоминал бывший помощник Сталина Борис Бажанов, Зиновьева в партии не любили, хотя его недостатки были присущи многим вождям большевиков. Он был трус, интриган, любил пользоваться благами жизни, при нём всегда был клан его людей...

Впрочем, Зиновьев был не одинок в своем русофобстве, комчанстве и склонности к обжорству. Это нам в революционных фильмах сообщали о том, что вожди большевиков были беззаветными интернационалистами и питались едва ли не корочкой черного хлеба, страдая вместе со всем народом от голода. На самом деле всё было иначе. Вот свидетельство жены Троцкого — Натальи Ивановны Седовой: «...Красной кетовой икры было в избытке... Этой неизменной икрой окрашены не в моей только памяти первые годы революции». В то время, когда в Москве и Петрограде обезумевшие люди стояли в длинных очередях за хлебом, когда в Поволжье умирали от голода, комиссарша Красного флота Лариса Рейснер, занимая особняк с прислугой, принимала ванны из шампанского и устраивала званые вечера. На приеме делегатов Первого конгресса Коминтерна в Большом Кремлевс-

---

ком Дворце 5 марта 1919 г. большевики повергли всех в шок, столы ломались от яств. Ленин лично приказал доставить к столу из запасов Совнаркома «икры — 110 пудов, поросят молочных — 800 пудов, рыбы красной — 200 пудов» (Козенков Ю. Голгофа России. М., 1977. С. 354).

Этот пир во время чумы тем циничнее, что проходил он в голодной и нищей стране. В России от лютого голода в 1921—1922 гг. погибло 5 млн. человек. А если учесть голод 1918—1920 гг., эта цифра возрастает до восьми миллионов человек. И к ним надо прибавить еще три миллиона человек, умерших от тифа, сопровождавшего голод. Чтобы понять истинное отношение «рабоче-крестьянского правительства» к народу и еще раз увидеть подлинное лицо большевизма, достаточно ознакомиться с двумя фактами. На перевозку грузов Красного Креста и АРА (Американская администрация помощи европейским странам) в помощь голодающим губерниям в 1921 г. советская власть выделила всего лишь 125 тысяч «деревянных» рублей. Между тем в сентябре того же года на закупку за границей 60 тысяч комплектов кожаного обмундирования для чекистов ЦК РКП(б) по просьбе президиума ВЧК выделил 1,8 млн. рублей золотой валютой. Излишне комментировать эти факты.

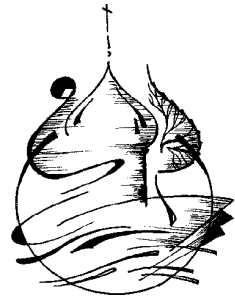

БЕЛЫЙ АНГЕЛ МОСКВЫ

Я всеми своими фибрами русская.
*Из письма Елизаветы Федоровны
Николаю II (11 июня 1909 г.)*

1 ноября 1864 года в семье Великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвига IV родилась вторая дочь, которую назвали Елизаветой в честь св. Елизаветы Тюрингской (XIII в.), родоначальницы династии герцогов Гессенских, прославившейся делами милосердия. В кругу семьи девочку звали «Эллой». Мать ее, принцесса Алиса, была дочерью королевы Великобритании Виктории, властительницы величайшей в то время империи. Тогда никто не мог предположить, какая удивительная судьба дарована этой гессенской принцессе: Элла в будущем станет Великой Княгиней Российского Императорского дома Романовых; ее жизнь, как и жизнь ее младшей сестры Алекс, будущей Императрицы Александры Федоровны, трагически оборвется в большевистской России, и обе сестры через много лет будут причислены Русской Православной Церковью к лику святых.

Элла провела детство в родном Дармштадте, столице маленького немецкого

СИМВОЛ ВЕРЫ

герцогства. Мать Алиса занималась благотворительностью и детей воспитывала на основе христианских заповедей: в любви к Богу и ближним, особенно к страждущим.

Когда Элле было 14-лет (1878 г.), во время эпидемии тифа почти одновременно умерли ее мать и младшая сестра Мария. После смерти Великой герцогини Алисы бабушка, королева Виктория, взяла двух осиротевших внучек, Эллу и Алекс, жить в Лондон.

Элла была ослепительно красива. Великий Князь и поэт Константин Романов напишет о ней позже:

*И всякий, увидав тебя, прославит Бога,
Создавшего такую красоту!*

Девушка была одной из самых завидных невест Европы. В 1883 году её женихом стал младший брат русского Императора Александра III — Сергей Александрович. Свадьба состоялась 3 июля 1884 года. Отец невесты сказал Александру III: «Я дал свое согласие не колеблясь. Я знаю Сергея с детского возраста и уверен, что он сделает мою дочь счастливой».

По вероисповеданию Элла была протестанткой, но по законам Российской империи при вступлении в брак переход в Православие от нее не требовался. В России она была наречена Великой Княгиней Елизаветой Федоровной. (По традиции немецким принцессам, выходящим замуж за русских царей или великих князей, давали отчество Федоровна в честь Федоровской иконы Божией Матери — фамильной святыни династии Романовых.)

В 1888 г. Елизавета Федоровна вместе с супругом, председателем Императорского палестинского общества, совершила паломничество в Святую Землю, в Палестину. В русском храме в честь святой Марии Магдалины она произнесла: «Как я хотела бы быть похороненной здесь». После посещения Святой Земли в душе Великой Княгини произошел духовный переворот: она решает принять веру своей новой родины. Это знаменательное в жизни Елизаветы Федоровны событие произошло в 1891 году. Перед принятием Православия она написала своему отцу: «Я всё время думала и читала и молилась Богу — указать мне правильный путь — и пришла к заключению, что только в этой религии я могу найти настоящую и сильную веру в Бога, которую человек должен иметь, чтобы быть хорошим христианином».

В 1891 году Великий Князь Сергей Александрович был назначен Московским генерал-губернатором, и 5 мая того года супруги прибыли в Москву. Елизавета Федоровна стала

регулярно посещать службы в Саввино-Сторожевском монастыре и в церкви имения Ильинское, в котором подолгу жили супруги, участвовала в паломнических поездках. В Москве Великая Княгиня энергично занялась благотворительной деятельностью. Она стала активной участницей различных благотворительных обществ, посещала больницы, приюты, тюрьмы; участвовала в благотворительных базарах, раздавала деньги, одежду, продукты нуждающимся, щедро оделяла нищих милостыней. Она взяла под свое покровительство детские организации, учредив Елизаветинское благотворительное общество для оказания помощи детям из беднейших семей. В ясли и сады поступали и сироты, которые получали профессиональное образование на средства Общества. Кроме того, по благословению митрополита Леонтия при каждом московском приходе и монастыре создавались ясли и приюты, сотрудничавшие с Елизаветинским обществом. За 25 лет деятельности Общество приняло участие в судьбе свыше 9 тысяч детей. Княгиня возглавила Дамский комитет Красного Креста. Многие москвичи называли ее «Белый ангел Москвы». Во время Русско-японской войны Елизавета Федоровна деятельно помогала фронту созданием складов Красного Креста; организовывала духовную и материальную поддержку госпиталям, вдовам и детям погибших воинов. В залах Большого Кремлевского дворца по ее инициативе работали мастерские, где шили обмундирование для солдат. Здесь же принимались пожертвования деньгами и вещами. На свои средства княгиня сформировала несколько санитарных поездов.

Совместная жизнь супругов строилась на христианских началах. По взаимному согласию их брак был духовным, они жили как брат с сестрой. Елизавета Федоровна видела глубокую веру своего супруга. Великий Князь сумел передать жене свою любовь к России, ее религии и культуре. Позже она скажет о муже: «Это святой человек, который стоит выше всех нас». Своих детей у Сергея и Елизаветы не было; они воспитывали детей Великого Князя Павла Александровича, Дмитрия и Марию, мать которых умерла при родах.

18 февраля 1905 г. Великий Князь Сергей Александрович погиб от бомбы, брошенной эсером-террористом Иваном Каляевым. Елизавета Федоровна первой прибыла на место трагедии и, стоя на коленях в снегу, собирала части тела горячо любимого мужа и складывала их на носилки. На следующий день она причастилась Святых Христовых Тайн в храме Чудова монастыря, где стоял гроб с телом Сергея Александровича. На третий день после его гибели она пошла в

тюрьму к убийце и сказала, что не держит на него зла. Она простила его от имени мужа и подарила ему Евангелие и маленькую иконку. С ее стороны это был настоящий подвиг любви, заповеданный людям Иисусом Христом: она простила человека, причинившего ей безмерные страдания. Она же подала Императору Николаю II прошение о помиловании убийцы, которое тот отклонил.

После убийства мужа Елизавета Федоровна посвятила свою жизнь служению Христу и обездоленным людям. Она решила создать общину, в которой сочетались бы монашеские правила с деятельностью сестер милосердия. Часть своих драгоценностей она возвратила казне, часть продала и на вырученные деньги купила в Москве на Большой Ордынке участок земли с четырьмя домами и садом. Там в 1909 году ею была основана Марфо-Мариинская обитель милосердия, названная в честь святых евангельских сестер Марфы и Марии. Предполагалось, что сестры новой обители должны соединять в себе служение молитвенницы Марии и труженицы Марфы. В письме А.Н. Нарышкиной, известной благотворительнице, Елизавета Федоровна писала в 1910 году: «Вы можете вслед за многими сказать мне — оставайтесь в своем дворце в роли вдовы и делайте добро «сверху». Но если я требую от других, чтобы они следовали моим убеждениям, я должна делать то же, что они, сама переживать с ними те же трудности, я должна быть сильной, чтобы их утешать, ободрять своим примером; у меня нет ни ума, ни таланта — ничего у меня нет, кроме любви к Христу... Истинность нашей любви к Христу, преданность Ему мы можем выразить, утешая других людей, именно так мы отдадим Ему свою жизнь...»

В обители милосердия были созданы два храма — Марфо-Мариинский и Покровский; в обители была устроена больница, которая считалась одной из лучших в Москве. Был открыт приют для женщин, больных туберкулезом, и приют для беспризорных девочек, организованы детская школа и бесплатная столовая для бедных, аптека, где лекарства частично выдавали бесплатно. Сестры Марфо-Мариинской обители давали обеты целомудрия, нестяжания и послушания, но, в отличие от монахинь, могли при желании покинуть обитель и создать семью.

Сама настоятельница Елизавета вела подвижническую жизнь, спала не более трех часов в сутки, строго соблюдала посты, по ночам молилась и читала Псалтирь над умершими, часто ассистировала при операциях и выхаживала тяжелобольных. Без охраны посещала Хитров рынок — московс-

---

кую трущобу, вызволяя оттуда малолетних детей. Мальчиков, вызволенных из Хитровки, она устраивала в общежития, а девочек — в закрытые учебные заведения или приюты.

В то время Елизавета Федоровна не приняла монашеский постриг, но остается спорным вопрос о тайном постриге ее незадолго до смерти. Существует версия, что она была тайно пострижена с именем схимонахини Алексии. О своем желании стать в конце жизни монахиней она говорила своей сестре, принцессе Виктории, и племяннице, Великой Княгине Марии Павловне. Возможно, это событие произошло в Александро-Невском Ново-Тихвинском монастыре, где она в 1918 году находилась под арестом.

С началом Первой мировой войны Елизавета Федоровна разработала план содействия фронту. Это и создание санитарных поездов, складов, лазаретов, и отправка в действующую армию походных церквей, и организация комитетов помощи семьям солдат. Она считала священным долгом помочь своей новой родине в борьбе с врагом. В письме Императору Николаю II от 13 апреля 1916 г. она писала: «Я чувствую себя недостойной безграничной любви Божией и той любви, которая окружала меня в России, — даже минуты скорби освящены тайным утешением свыше... что я могу сказать одно: *Слава Богу за все*».

Между тем революция приближалась к России. Когда в 1916 году к воротам обители подошла яростная толпа с требованием выдать немецкого шпиона — брата Княгини, она бесстрашно вышла к людям и предложила проверить помещения. В тот раз Господь уберег Великую Княгиню от беды, но после революции к обители снова приблизилась вооруженная толпа, намеренная арестовать княгиню, подозревая ее в шпионаже в пользу Германии и хранении в монастыре оружия. Настоятельница сказала, что должна сделать необходимые распоряжения и проститься с сестрами. По ее просьбе о. Митрофан отслужил молебен, после которого толпа, осмотрев постройки обители и убедившись в отсутствии в ней оружия, удалась.

С приходом революции Елизавета Федоровна отказалась уехать из России, а послу графу Мирбаху, который хотел помочь ей перебраться в Германию, отказала в приеме. «Я никому ничего дурного не сделала. Буди воля Господня!» — говорила она в те дни. Во вторник Светлой седмицы (когда празднуется Иверская икона Божией Матери) 24 апреля (7 мая) патриарх Тихон отслужил в обители молебен. В тот же день Великая Княгиня Елизавета Федоровна была арестована. 18 июня 1918 года она в сопровождении келейницы Варвары

Алексеевны Яковлевой и сестры Марфо-Мариинской обители Екатерины Петровны Янышевой была отправлена поездом в Пермь. Здесь недолгое время она пребывала с сестрами в Успенском женском монастыре, утешаясь ежедневным монастырским богослужением. Вскоре их переместили в Екатеринбург, где недолгий приют московским изгнанницам предоставил Ново-Тихвинский монастырь. Великая Княгиня просила власти разрешить ей жить в Ново-Тихвинском монастыре, но в этом ей было отказано.

Во вторник Фоминой недели 1/14 мая все находившиеся в Екатеринбурге члены Императорской фамилии получили предписание переселиться в город Алапаевск Верхотурского уезда Пермской губернии. Алапаевские мученики прибыли туда 7/20 мая.

А.С. Кривова, кухарка Великих Князей, на допросе по делу об убийстве Алапаевских узников показала, что их поместили в здании Напольной школы, которая находилась за городом. Угловую комнату школы занимали Великая Княгиня Елизавета Федоровна с монахинями Варварой Яковлевой и сестрой-келейницей Екатериной Янышевой. Елизавета Федоровна занималась рисованием и вышивкой и подолгу молилась. Завтрак и обед ей подавали в ее комнату. Остальные члены Дома Романовых собирались для завтрака и обеда в комнату Великого Князя Сергея Михайловича, служившую также и общей столовой.

Первое время режим был более свободным: узникам разрешали посещение церкви в сопровождении красноармейца. Через месяц положение их резко ухудшилось. У них было конфисковано всё их имущество: золотые вещи, обувь, белье, даже одеяла и подушки. Им было объявлено, что Великий Князь Михаил Александрович сбежал из Перми, и поэтому за узниками будет установлен строжайший надзор. Сестра Екатерина Янышева, врач и оба лакея были удалены.

Следствие установило, что в ночь на 5(18) июля узникам было объявлено, что их увезут в деревню Синячиху. В 18 км от Алапаевска их казнили, сбросив живыми в одну из заброшенных шахт рудника, а затем закидали гранатами. Перед тем, как Великую Княгиню Елизавету Федоровну толкнули, она громко молилась и крестилась, говоря: «Господи, прости им, ибо не знают, что делают». Она и князь Иоанн Константинович упали не на дно шахты, а на выступ, находившийся на глубине 15 м. Еще некоторое время страдальца оставалась живой и, сама израненная, как могла, перевязала рану на голове князя Иоанна частью ткани своего апостольника. По свидетельству местного крестьянина, в ночь с 17 на

---

18 июля возле этой шахты слышалось молитвенное пение, которое продолжалось и весь следующий день. Алапаевские мученики скончались в страшных страданиях от жажды, голода и ран.

Когда 15/28 сентября Алапаевск был освобожден от большевиков армией адмирала А.В. Колчака, тела Алапаевских мучеников были извлечены из шахты. Несмотря на то, что тела находились в шахте в течение нескольких месяцев, тело Великой Княгини Елизаветы было найдено нетленным. На ее лице сохранилось выражение улыбки. Пальцы правых рук Великой Княгини Елизаветы, инокини Варвары и князя Иоанна были сложены для крестного знамения. На груди Великой Княгини был обнаружен образ Спасителя, на обратной стороне которого была золотая пластинка с надписью: «Вербная суббота 13 апреля 1891 г.» — дата присоединения ее к Православию.

Тела мучеников погребли в Троицком соборе. Когда началось отступление Белой армии, их перевезли в Читу, а оттуда — в Пекин. В 1920 году останки Великой Княгини и инокини Варвары были отправлены в Иерусалим и положены в усыпальнице храма св. Марии Магдалины в Гефсимании. 2 мая 1982 г. мощи новомучениц из усыпальницы перенесли в самый храм.

В наши дни в храме во имя святой равноапостольной Марии Магдалины находятся две гробницы. В одной из них покоятся мощи Великой Княгини Елизаветы Федоровны, а в соседней — ее верной келейницы инокини Варвары Яковлевой, которая разделила с Великой Княгиней последние трагические минуты ее жизни в алапаевской шахте.

В 1992 году Русская Церковь причислила Елизавету Федоровну и Варвару Яковлеву к лику святых новомучеников российских. Так в конце XX века к списку православных святых добавилось имя Великой Княгини Елизаветы Федоровны. Своей жизнью, исполненной святости, строгой монашеской аскезы, стремления к правде Божией, Елизавета Федоровна явила всему жестокому XX веку пример истинно евангельской любви и смирения. Судьба сестры последней Российской Императрицы говорит о том, что даже в эпохи, оскудевшие духом веры, Бог поставляет на великое служение Своих избранных праведников.

О ЧЕМ ШУМЯТ «СПАСИТЕЛИ РОССИИ»?

На арене политического цирка России наши телезрители могли наблюдать новую постановку под названием «Что такое Русский мир?» Заказана она была, скорее всего, во властных верхах, где возмутились заявлением известного российского телеведущего Владимира Познера, признанного гуру российских либералов и «болотной оппозиции», по поводу самого понятия «Русский мир». Познер, с его тройным гражданством, не признает существования Русского мира. Для него это словосочетание не более чем политический термин. Правильнее, считает он, говорить не «Русский мир», а «русская эмиграция», т.е. о людях, уехавших в другие государства из России и принявших иностранное гражданство.

«На мой взгляд, «Русский мир», — говорится на сайте Познера, — это политическая придумка, способствующая вмешательству в дела других стран, что «мы будем защищать своих людей».

Познер может как угодно поносить Русский мир и русских, что он в своих передачах и делает регулярно, и никто из властей не обращает на это внимания, но тут он переступил «красную линию», поддержав, как верноподданный американский гражданин, обвинения

РУССКИЙ МИР

России президентом США Байденом и его командой во вмешательстве во внутренние дела США, в том числе через «русскую диаспору». А ведь только в Нью-Йорке проживают около 600 тыс. русских американцев и более 220 тыс. русских евреев. Всего же в штате Нью-Йорк поселились около 1,6 миллиона русских американцев. А за ними нужен глаз да глаз.

Видимо, в ведомстве главного пропагандиста России решили Познера за подобное вольнодумство приструнить. В таких случаях обычно оттуда дают ЦУ самым проверенным исполнителям. И вот на арену нашего политического цирка вышел его постоянный шпрыхсталмейстер (нем.: Sprechstallmeister — ведущий циркового представления) Владимир Соловьев со своими дежурными униформистами, и представление начинается. Познера, похоже, было решено смешать с тем, что оставляют после себя цирковые лошади. И на арене появился самый популярный *ковёрный* политического цирка России, лидер ЛДПР Владимир Жириновский. Ему дозволено все: он может в прямом эфире обзвать нашу «*примадонну*» проституткой; отскакать за волосы в Госдуме не понравившуюся ему журналистку, а другую, с телеканала МТК, затащить силком в свою машину при попытке взять у него интервью.

В 2005 г. за оскорбительные высказывания в адрес казахского народа прокуратура Казахстана объявила Жириновского персоной нон грата в этой стране. 5 мая 2013 г. парламент Киргизии также объявил Жириновского персоной нон грата по той же причине. Да и в России в 2011 г. он был объявлен персоной нон грата в Республике Коми за его выпады против народа коми. 24 октября 2013 г. на канале «Россия-1» Жириновский заявил, что Кавказ следует обнести колючей проволокой, если само население этого региона не захочет рожать меньше. И хотя Жириновский выступает на политической арене в роли «*русского националиста*», он не пощадил даже жителей Урала: «Я 40 лет езжу по стране. Более тупого населения, чем на Урале, нет».

В любой другой стране и сотой доли тех публичных оскорблений, клеветы и пропаганды национальной розни хватило бы для того, чтобы раз и навсегда поставить крест на политической карьере столь скандального деятеля, а то и отправить его за решетку надолго. Но Жириновскому всё сходит с рук — никакие иски против него в российских судах не принимаются.

Всё это лишь подтверждает то, что Жириновский нужен нынешнему правящему режиму как контраст: «Не дай бог, если эти русские националисты придут к власти!..»

И вновь наш *ковёрный* появляется на арене российского политического цирка по вызову его шпрыхсталмейстера

Владимира Соловьева и, комментируя слова Познера о Русском мире, с места в карьер кричит: «Ну, видите, какой подлец?! Он подлец — этот Познер — и негодяй! Познер не понимает, о чем говорит, так как под Русским миром понимается постсоветская территория, где русские люди жили еще со времен Российской империи». Понятно, у Соловьева никто и не подумал разъяснить Жириновскому, что эта территория всего лишь часть Русского мира. И задача шоу Соловьева была вовсе не в том, чтобы определять его границы и сущность. Оскорбляя Познера в открытом эфире устами Жириновского, предупредили всех остальных: «Каждый телесверчок знай свой шесток!» В целом же задача этой политической буффонады была еще круче — свести само понятие «Русский мир» к географическому термину и тем самым выхолостить его историческое, духовное и культурное содержание. И всё было разыграно как по нотам.

Теперь несколько слов о главных действующих лицах этого шоу. Я весьма далек от того, чтобы защищать Познера от заказных наездов Жириновского. Михаил Задорнов называл Познера «гениальным предателем». И не без основания. Как истинный русофоб он не просто не любит Россию — он ее ненавидит, хотя именно здесь зарабатывает свои миллионы и понимает, что нигде больше ему не дадут. В 2009 г. в интервью «Московскому комсомольцу» он всё это, по сути дела, признал: «В России меня держит только моя работа. Я не русский человек — это не моя родина, я здесь не вырос, я не чувствую себя здесь полностью дома. Я чувствую в России себя чужим. И если у меня не будет работы, я поеду туда, где чувствую себя дома. Скорее всего, я уеду во Францию». Познер как католический выкrest и убежденный сионист (посмотрите его фильм об Израиле «Еврейское счастье») ненавидит и Православие, и Русскую Православную Церковь. В 2010 г. в интервью журналу «Свет Ами» он заявил: «...одна из величайших трагедий для России — принятие православия, а Русская православная церковь, — добавил он, — нанесла колоссальный вред России». Не странно ли, что взгляд «атеиста» Познера на Православие полностью совпадает с мнением талмудистов, которые так и не могут простить русским решение князя Владимира о крещении Руси после его отказа от предложения раввинов из Хазарского каганата принять иудаизм? Вот и Познер туда же.

Сами по себе дебаты в одном из многочисленных ток-шоу Владимира Соловьева (в данном случае «Соловьев LIVE») по поводу Русского мира удивляют уже тем, что все их участники, если разобраться, не принадлежат к русскому народу, как и представитель «избранного народа» Познер. Соловьев, по совместительству член руководства Федерации еврейских

общин России (ФЕОР), частенько напоминает в своих пере­дачах, что он еврей. Да и среди постоянных участников его ток-шоу числятся российские и зарубежные сионисты, сре­ди которых наиболее известны бывший генерал израильс­кой разведки Кедми и еще один член руководства ФЕОР Сатановский. Я уж не говорю о нештатных «обозревателях» из числа американских сионистов, регулярно обсуждающих судьбы России на шоу Соловьева. «Русский националист» Жириновский по матери — русский, а по отцу — Эйдельш­тейн. Он регулярно навещает могилу своего предка в Израиль, где выступает по телевидению с требованиями при­соединить к еврейскому государству земли, принадлежащие Сирии, Иордании и Ливана, что, как известно, руководство России не поддерживает. Это, правда, не мешает ему столь же регулярно выступать с антисемитскими заявлениями.

Вот почему вся эта бурная полемика по поводу того, что та­кое Русский мир, напомнила мне один дореволюционный анекдот о том, как представители трех сионистских партий — Цейрей Цион, Поалей Цион и Агудат Исраэль — до хрипоты в горле спорили о судьбе русского крестьянства. По-своему этот анекдот повторился и во время известной Циммервальдской конференции, состоявшейся в сентябре 1915 г. в Швей­царии, где обсуждались проблемы революционного движе­ния в Европе, и в частности, в России. Как поведал раввин Литвин в своем сборнике «Врата Сиона», все участники кон­ференции оказались евреями, и поэтому рабочим языком это­го сборища в деревушке Циммервальд был выбран идиш, на котором, как оказалось, свободно говорили и лидеры рос­сийских левых Ленин и Троцкий. Известно, к каким послед­ствиям привела эта иудаизация революции в России. Аме­риканско-еврейский литератор Морис Самюэль Вайсбух (1895—1972), один из идеологов сионизма, дал собственную интерпретацию известных строк коммунистического гимна «Весь мир насилья мы разрушим до основанья...» В своей вышедшей в 1924 году книге «Вы — гои» он писал: «Мы, ев­реи, — разрушители, мы всегда будем ломать и уничтожать всё, что построили другие». Эту свою способность к разру­шению еврейские революционеры в полной мере продемон­стрировали в XX в. в ходе трех *русских* революций, а затем и в ходе красного террора. Вот почему их притязания на реше­ние судеб русского народа и Русского мира вызывают такую настороженность и сегодня, а вовсе не потому, что русские, как они утверждают, «прирожденные антисемиты».

Беда России в том всегда и была, что ее проблемы и судьбы традиционно решали инородцы и пришельцы, в том числе

профессиональные разрушители по Вайсбуху, а русских к этому жизненно важному для нас делу не допускали. Русские же, увы, с этим фатально мирились из века в век. Поднимались на борьбу с иноземным засильем только тогда, когда враг вторгался на русскую землю и заливал ее кровью. И ведь побеждали супостатов, но внутреннего врага щадили. За что и поплатились сначала развалом Российской империи, а потом и Советского Союза. А теперь задача еще сложнее — спасти Русский мир.

Можно было бы и не обратить внимания на скандал в словьевском междусобойчике, если бы он не задевал коренные интересы русского народа, чьи проблемы надо, наконец, решать самим русским, признанным все-таки в Конституции России государствообразующим народом (косвенно. — **Ред.**). Он же образует базовую составляющую Русского мира, который сейчас, в условиях становления нового миропорядка, стал для России органически необходимым и жизненно важным. И то, что соплеменники Вайсбуха и Троцкого принялись сейчас обсуждать судьбы этого мира, не может не настораживать, особенно с учетом того, что в мировой закулисе, где главенствуют сионисты, активно обсуждают сценарии его развала, чтобы ослабить и изолировать Россию. А это — давняя задача ее вековых врагов.

«Мы принадлежим не только Востоку, но и Западу через наследие эллинства, — писал Н. Бердяев. — Мы платоники. Западные люди по преимуществу аристотелевцы. На нас почил эллинский дух, универсальный эллинский гений»

Через христианство Россия стала правопреемником гуманистического начала греко-романской, а в более широком смысле и средиземноморской цивилизации, что и определяет ее природу как европейского государства и вместе с тем государства, не принадлежащего однозначно к европейской цивилизации в силу великой истории нашей страны и ее географической принадлежности к Евразии.

Всё это дает ей ряд геополитических и иных преимуществ. Прежде всего при определении мотивации и прогнозировании жизненно важных решений наших потенциальных союзников и противников в Европе и на Американском континенте. Ведь в современном конфликте цивилизаций решающим в конечном итоге, как подчеркивает в своей книге «Война цивилизаций» американский ученый С. Хантингтон, может оказаться духовное, культурное начало, а не только военные технологии, прагматизм и логический расчет. И здесь наши «средиземноморские корни» особо значимы, а азиатс-

---

кие их только укрепляют. Вместе с тем Русский мир как цивилизационный феномен переживает в наши дни наисерьезнейшие глубинные проблемы, от решения которых зависит само его будущее.

Несколько лет назад в Изборском клубе, признанном «мозговым центре» русского патриотического движения, состоялась научная конференция на тему «Русский мир», на которой свое мнение о нём и его нынешнем состоянии высказали наши ученые и писатели, для которых это понятие не пропагандистский штамп и не «политическая придумка», а дело жизни.

Виталий Аверьянов, заместитель председателя Изборского клуба, доктор философских наук:

«Русский мир ни в коей мере не сводим к географии, не сводим к территории, не сводим к тому, что называют почвой, и в то же время он, безусловно, имеет к этому прямое отношение. Всякий раз, на каждом историческом этапе Русский мир проецируется на конкретную территорию, на конкретную географию и на конкретную почву, получая взамен от этой почвы ее силу, ее энергию. Русский мир — это поле тяготения русской цивилизации, вовлекающее элементы других культур, народов, религий и цивилизаций. Но, безусловно, Русский мир действует и внутри России, и в этом смысле он многомерен. Второе определение (как бы заход с другого конца): Русский мир — это определенный тип человека, обладающего способностью к сплочению людей, в том числе других культур, вокруг общего дела, общего проекта».

Александр Дугин, лидер Евразийского движения, доктор политических наук:

«Русский мир — это, конечно же, не только географическое понятие и не только языковое понятие. В Русском мире содержится совокупность и языкового, и пространственного, и теперь — самое главное — временного исторического измерения. Это не просто бытие русских во времени, но определенная структура времени».

Сергей Черняховский, профессор, доктор политических наук:

«Базовым началом русской ментальности было понимание себя как народа, который создан, чтобы познать истину других народов, усвоить богатство других культур, выработать на этой основе некую высшую истину — и дарить ее всем остальным народам. В этом отношении Русский мир — это мир по-русски, это весь мир, пропущенный через русскую культуру и обогащенный ею. В понятие «Русский мир» мы должны сегодня вкладывать этот момент морально-интеллектуального лидерства, которое Россия предьявляет миру

не только для того, чтобы сделать его русским и соответствующим своей ментальности, а для того, чтобы его спасти. Потому что сейчас мир столкнулся, во-первых, с мощными потоками социально-исторической энтропии, а во-вторых — с запуском механизма исторического регресса. Он откатывается назад. До XX века он восходил, а сейчас усиленно катится вниз, к состоянию до монотеизма, к состоянию варварства. Поэтому для Русского мира важно не столько противопоставление Западу, сколько то, что Россия в своей культуре — это последнее, что осталось от Европы. Мы последние наследники великой цивилизации, во многом ее, кстати, создававшие. Может быть, это судьба России — всегда спасать мир?

Может быть, если перейти к системе терминов религиозных, Россия — это некое второе историческое явление божественности, подобное тому, каким было явление Христа?»

Василий Симчера, вице-президент Академии экономических наук, доктор экономических наук:

«Русский мир чрезвычайно фальсифицирован даже не столько фактологией, сколько легендами, гордынями, всякими претензиями на исключительность, на противопоставление всему и вся, что существует, существовало и будет существовать.

Первая характеристика Русского мира, русского человека даже теперь — дать больше другому, чем взять у него. Это было всегда так. Проследите историю внешнеэкономических отношений даже не царской России, а России Ивана Грозного и Василия Темного, вы увидите, что это так. Это не потому, что это лукавство или такой бандитский прием втянуть тебя в отношения с какими-то корыстными целями. Это — русская душа. Русская женщина и русская мать в основном и теперь такая. И отсюда проистекает материнское величие России, которое, похоже, неистребимо, потому что оно генетическое. Мы имеем две России. Мы имеем Россию, которая испоганилась и на 70% оккупирована. Я это как специалист говорю — с научной точки зрения, а не с пропагандистской. Реально в экономике России 70% конечных учредителей иностранного происхождения и офшорного происхождения. 70% России сегодня оформлено на подставных лиц, за которыми стоят лица иностранной юрисдикции. Так что Россия лишь внешне выглядит как национальная держава, а, по сути, таковой не является.

И если мы выступаем за повышение темпов роста России, то каких темпов? Тех, которые осуществляются бандитами и ради бандитов, ворами и ради воров, или тех, которые осуще-

---

ствляются ради народа и народом? И не в этом ли сегодня главная проблема Русского мира?

Поэтому мой главный тезис — Русский мир двойствен. Он и милосерден, и безжалостен, он несет высшие черты человечности, но он и безобразен, и это никак не соединяется, живет как будто параллельно. Более противоречивого мира и, следовательно, страны, цивилизации трудно даже найти. Мы должны свои качества выявить, молча демонстрировать их на практике, жить ими. Надо построить этот мир и иметь этот мир так же, как русское хозяйство, в котором исторически никогда никто не жил в долг».

Анатолий Степанов, главный редактор портала «Русская народная линия»:

«Русский мир должен быть учением о России. Здесь, конечно, ключевым понятием, ключевой идеей должна быть идея русской цивилизации. Очень хорошо Панарин об этом написал: *«Это такая ситуация, что если Россия падет, то всей планете крышка, потому что Четвертому Риму не быть. Это выводит наше понимание, призвание, предназначение России, служение России на необходимый эсхатологический уровень и никак не сводится к категории экспансии»*. А если Россия — это особая цивилизация, значит, должно быть наложено табу на слепое копирование любых схем, выработанных в недрах других цивилизаций: экономической системы, политического устройства, церковно-государственного устройства и так далее. Федор Михайлович Достоевский говорил, что о народе надо судить по его высшим достижениям, а не по тем эпохам, когда он падал. Сегодняшнее состояние бизнес-элиты, политической элиты — это не то состояние, по которому мы можем судить о русской цивилизации, о русском народе».

Сам основатель Изборского клуба писатель А. Проханов определяет «Русский мир» так:

«Что такое Русский мир? Русский мир — это сочетание России небесной, вечной, нетленной, России горней, России, не подверженной тлению, не подверженной ржавчине, с Россией земной, в которой множество границ, они меняются, одни народы приходят, другие уходят. Иногда земное русское государство превращается в черную дыру, оно практически исчезает. Но небесная Россия, нетленная, всегда позволяет этому государству восстать из праха. Опять две-три светоносные капли — и из черной дыры возникает новое государство. Так вместо Киевско-Новгородской Руси с храмами Софии Киевской и Новгородской возникло государство на семи московских холмах — Московское царство.

После него — великая Романовская империя. А после краха Романовской империи на станции Дно возникла красная сталинская эра, победившая фашизм, давшая такой разбег нашей цивилизации, что даже Солженицын, враг Сталина, сказал: «Да, мы потеряли тот разбег, который дал нам Сталин». Когда кончилась красная эра, мы опять возрождаемся благодаря той таинственной горней силе, которая опять капнула несколько капель живой воды в черную ямину 90-х годов. И мы опять возрождаемся.

Русская мечта — это построение справедливого, идеального, совершенного общества, огромной общины, огромного русского собора, в котором торжествуют любовь, милосердие, обожание, соединение человека и государства, государства и общества, человека и машины, машины и природы, звезды небесной и цветка — самого скромного маленького цветочка у обочины.

И если американская мечта — это град на холме, то русская мечта — это храм на холме. Мы выбираем самый высокий холм, чтобы он был ближе к небу, ставим на нем храм и через этот храм соединяем земное с небесным. Оттуда, из этого храма на холме, который мы строим на протяжении всей нашей истории, мы соединяемся с самыми возвышенными силами, которые не дают погибнуть не только нам на земле, но и Вселенной в целом».

Во многом я разделяю приведенные выше определения понятия «Русский мир», к которому объективно принадлежат православное славянство и все те, кто принял его духовные ценности, вся русская диаспора и те союзники России, которые неизменно выступают в защиту ее, как и своих, государственных интересов. В современной цивилизациологии (есть такая наука) геополитическую реальность Русского мира надо, по моему убеждению, рассматривать не только как духовную общность, а прежде всего как одну из цивилизационных мир-систем современности, в основу которой заложен, базовый русский культурно-историческим тип, определяющий его становление и характер его поведения в мировом сообществе.

Гуманистические традиции славянства, прежде всего русского народа, заложенные еще в период язычества, легли в основу мировоззрения народов Русского мира. По самой своей духовно-нравственной сути он не приемлет цивилизаций торгашеского типа, утвердивших деньги своим мирским богом, как не приемлет и национального самодовольства, чванства и неприятия других народов.

Вместе с имперским мышлением и свободолобием триединый русский народ (русские, белорусы и украинцы) уна-

---

следовал все те «родимые пятна прошлого», которые связаны с его угнетением и геноцидом в период татаро-монгольского ига, крепостничества, бесконечных иностранных нашествий и войн и коммунистической диктатуры. В современной России, и это объективный факт, активно действуют, в том числе во властных структурах, политические наследники большевистских русофобов, лидер которых считал, что русский народ «не более велик, чем Держиморда», и обрекал его при создании СССР на роль бесправного гражданина второго сорта, кающегося за грехи некой «тюрьмы народов», которой Россия никогда не была. Именно большевики обрекли наш народ на такую участь в СССР, где русские жили хуже всех других народов и нацменьшинств.

Главенствующая роль триединого русского народа в современном Русском мире, несмотря на временный отрыв от него Украины, помогает ему осознать величие своей истории и ведущей роли России в мире, утвердиться в своем национальном самосознании, которое исторически всегда предполагало сочетание лидерства и национальной гордости великороссов с поддержкой равноправия и самобытности всех народов, входивших в состав России и в Русский мир. Для этого русские должны достаточно хорошо этот мир почистить, освободиться от присосавшейся к России и другим славянским странам мировой олигархии вместе с ее пятой колонной, стать подлинными хозяевами в своей стране. В наше дни это и составляет великую духовную миссию русского народа, названного Ф.М. Достоевским «народом-богоносцем». Как носителю православия и опоре всего Русского мира, русским следует этому соответствовать. И прежде всего научиться, наконец, самим решать свою судьбу и определять свое место в мире, а не отдавать это на откуп разного рода пришельцам, иноверцам и псевдопатриотам.

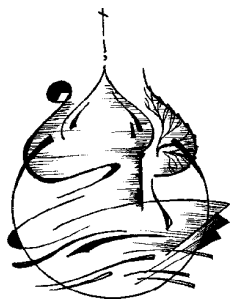
Ну а что касается тех «витий», которые активно дают русскому народу и Русскому миру свои предвзятые и неадекватные оценки с арены российского политического цирка, да и не только там, то они настораживают уже потому, что поступают в наш адрес от людей нам чуждых, а зачастую и откровенно враждебных. Замечу, что к Русскому миру, дабы понять его сущность и предназначение, надо принадлежать, если не этнически, то духовно. Иначе все «добропожелания» и советы, как и все инвективы в его адрес, будут восприняты в нем словами Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа: «Врачу, исцелися сам».

НАСТОЯЩИЙ РУССКИЙ ГУБЕРНАТОР

Этого человека либералы и революционеры ненавидели всей душой, и к его имени непременно добавляли эпитет «вешатель». Эпитет перекочевал и в советские учебники истории. Впрочем, если верить легенде, граф сам в этом виноват. На вопрос, не родственник ли он декабриста Муравьёва, казнённого в 1825 г., ответил: «Я не из тех Муравьёвых, которых вешают, я — из тех, которые вешают».

Кто же был этот человек, Михаил Николаевич Муравьёв, граф Виленский, ненавидимый одними, но глубоко почитаемый другими, и получивший от Царя графский титул с почётной приставкой к фамилии?

Родился он 1 октября (ст. ст.) 1796 г. в родовитой дворянской семье, получил прекрасное домашнее образование, поступил в Московский университет на физико-математический факультет и в 14 лет при помощи отца организовал Московское общество математиков, которое проводило бесплатные общественные лекции. Сам он читал лекции по на-

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

чертательной и аналитической геометрии, которые в университете тогда не преподавали.

В 15 лет поступил в так называемую Школу колонновожатых, где готовили штабных офицеров. Получив чин прапорщика, был направлен в 1-ю Западную армию Барклая де Толли, в 16 лет участвовал в Бородинском сражении, был одним из защитников батареи Раевского, ранен в ногу и потом всю жизнь, прихрамывая, ходил с тросточкой. В 1813—1814 гг., после лечения, участвовал в Заграничном походе Русской Армии, во время которого, как многие русские офицеры, заразился идеями конституции, свободы, равенства, братства и прочей либерально-масонской чепухи, что, однако, никак не противоречило горячему патриотизму романтического юноши. По наивности он считал, что осуществление этих идей принесёт только благо любимой Родине. Он даже стал членом Коренного совета Союза Благоденствия и являлся одним из авторов его устава.

К счастью, к 25-ти годам (1821 г.) Михаил Николаевич прозрел и тайное общество оставил. Тем не менее во время следствия по делу декабристов он был арестован, несколько месяцев просидел в Петропавловской крепости, но по личному указанию Николая I полностью оправдан. Мало того, увидев незаурядный ум, волевые и организаторские качества подследственного, Император назначил его на государственную службу: в 1827 г. Муравьёв стал Витебским вице-губернатором, в 1828-м — Гомельским губернатором, в 1831-м — Гродненским губернатором, в 1835-м — Курским гражданским и военным губернатором.

Дальше пошла череда уже правительственных должностей: директор Департамента податей (1839), сенатор (1842), член Государственного совета (1857), министр Государственных имуществ (1857) в чине генерала от инфантерии (аналог генерала армии). Такая устойчивость служебной карьеры и такое устойчивое доверие самодержцев были вызваны выдающимися результатами работы М.Н. Муравьёва. На любой должности он проявлял себя мудрым и рачительным хозяином, налаживал чёткую, согласованную работу подведомственных учреждений, безжалостно искоренял мздоимство и казнокрадство, насаждал законность, порядок и справедливость.

В вопросе о способах отмены крепостного права у него были разногласия с Александром II, и в 1862 г. он ушёл в отставку. Оказалось — ненадолго. В 1863 г. начался очередной польский мятеж, и о Муравьёве Александр II вспомнил как о человеке решительном да, к тому же, хорошо знавшем

Северо-Западный край. Ещё работая в Витебской и Гомельской губерниях, где русское (белорусское) население составляло подавляющее большинство, он видел, что господствующее положение там занимали польское дворянство и католическая церковь, которые предпринимали активные действия для ополячивания и окатоличивания белорусов, для отрыва их от общерусской культуры. Судопроизводство и даже школьное преподавание велось на польском языке и по польским учебникам.

Граф тогда направил Николаю I предложения по русификации этого края, включая введение в учебных заведениях и в судопроизводстве русского языка, отмену польских порядков в управлении, распространение на Белоруссию в полном объёме российских законов, закрытие Виленского университета как оплота иезуитов. Надо было разразиться польскому восстанию 1830—1831 гг., чтобы большинство его предложений было принято.

Заняв пост гродненского губернатора (1831—1835), он энергично стал осуществлять свою программу: было закрыто несколько католических монастырей, уличённых в антигосударственной деятельности, арестовано и сослано много деятелей польского подполья, открыты учебные заведения с русским преподавательским составом, русский язык стал единственным в делопроизводстве. Тогда-то М.Н. Муравьёв и получил злобный эпитет.

В апреле 1863 года, через 4 месяца после начала восстания, Михаил Николаевич был назначен командующим военным округом и гражданским и военным губернатором Северо-Западного края, включавшего 6 губерний Литвы и Белоруссии. Чтобы представить, в какой обстановке ему пришлось работать и какое для этого требовалось мужество, надо помнить, что со стороны Англии, Франции и Ватикана начался жёсткий информационный и дипломатический прессинг с требованием предоставить Польше независимость в границах 1772 г. (т.е. с исконно русскими землями). Возникла реальная угроза интервенции западных стран. Далее, одновременно с польским восстанием, в России начала заниматься терроризмом только что созданная «Земля и воля». Наконец, полякам сочувствовала вся российская «прогрессивная общественность», в том числе и высокопоставленные правительственные деятели.

Вот один характерный факт. Польские графы Платон и Моль захватили русский обоз с оружием, сопровождавшийся отставными солдатами, но у них его отбили крестьяне, и мятежники-дворяне пожаловались. Кому? Русским влас-

---

тям! Власти их арестовали? Нет. Шеф жандармов кн. Долгорукий даже поставил вопрос об использовании войск против этих крестьян. Сословная солидарность оказалась выше не только национальной и конфессиональной, но и выше государственной безопасности. И это притом что польские инсургенты (иррегулярные вооружённые отряды) творили зверства в отношении русских солдат и православного духовенства (всего от рук мятежников погибло более 1200 русских людей).

Вступив в должность и имея чрезвычайные полномочия, М.Н. Муравьёв сразу же железной рукой стал наводить порядок. Умело координируя деятельность штатских и военных, он прежде всего быстро и жёстко подавил восстание. «На плаху» было отправлено 128 особо опасных мятежников, запятнанных русской кровью, а в ссылки и арестантские роты — около 10 тысяч человек, схваченных с оружием в руках. Были конфискованы земли у дворян-участников восстания, а остальные польские поместья обложены высокими налогами, своего рода контрибуцией, что лишило мятеж материальной базы. Государственный аппарат был очищен от польского католического элемента. «Муравьёв, — писал Л.А. Тихомиров, — был твердо уверен, что «русская идея» сильнее «польской идеи». Поэтому без оглядки на выпады прогрессивной Европы и негодование сановных петербургских либералов он действовал против политических врагов России решительно и твердо».

Главное же, он быстро разобрался, что, как и в 1830—1831 гг., у восставших нет опоры в местном населении, поэтому следующим шагом были меры по привлечению на свою сторону крестьянства. За счёт конфискованной земли были увеличены крестьянские наделы. Временнообязанное состояние крестьян было отменено — на 20 лет раньше, чем в остальной России. Всё это снискало не просто глубокое уважение к нему, но и массовую поддержку со стороны забитых и бесправных белорусов, которые увидели, что для генерал-губернатора неприкасаемых нет. В деревнях крестьяне создавали в помощь армии так называемые дежурные караулы, вылавливавшие инсургентов. М.Н. Муравьёв распорядился даже платить караульным деньги из полученной контрибуции.

Продлав за два года гигантскую работу, вырвав с корнем польское влияние на исконно русской территории и установив тот государственный порядок, который дальше следовало лишь поддерживать, он попросился в отставку, а через год скончался, не дожив одного месяца до 70 лет. На похоронах на Лазаревском кладбище Александр-Невской лавры при-

---

существовал сам Император, а в почётном карауле был выстроен весь Пермский полк, над которым шефствовал граф.

Памятник ему был установлен в 1898 г. в Вильно — городе, где находилась его генерал-губернаторская резиденция. В 1915 г., во время оккупации немцами, памятник был демонтирован и исчез. Современные белорусы, обязанные Михаилу Николаевичу своим существованием как субэтноса, памятник ему не поставили.

Примечание. О «гуманизме» зарубежных обличителей М. Н. Муравьёва уместно привести несколько интересных фактов. После подавления волнений 1848 г. во Франции было казнено и сослано на каторгу 35 тыс. чел. При подавлении восстания сипаев в Индии в 1857—1859 гг. число убитых англичанами повстанцев исчислялось десятками тысяч. Потери восставших в 1848 г. ирландцев-католиков в результате картофельного голода и репрессий англичан составили 1,5 млн. чел. Причём ни одного протеста со стороны Ватикана в защиту своих единоверцев не последовало.

Лина МКРТЧЯН,
Ирина УШАКОВА

МЫ ЖИВЁМ В ЭПОХУ СМЕРТИ РЕАЛЬНОСТИ

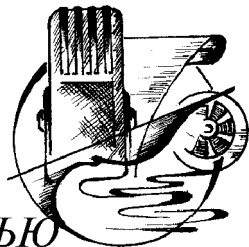
Лина Мкртчян — выдающаяся певица, лауреат Пушкинской премии. Её редкий голос контральто звучал в лучших залах европейских столиц. Она исполняла произведения от русской духовной музыки и лауд (итальянских духовных песен XIII века) до величайших музыкальных шедевров XIX и XX вв. на стихи Пушкина и Лермонтова, Тютчева и Блока, А.К. Толстого, Марии Петровых, Есенина и Рубцова...

А Цикл вечеров «Возвращение на Родину» автора и ведущей Лины Мкртчян, которому она посвятила два десятилетия жизни, соразмерный её великому таланту, — это попытка сохранить великую русскую культуру для будущего всего мира.

Мы беседуем с Еленой Владимировной Мкртчян о глубинных процессах отечественной истории и культуры.

— Первое. Для меня большая честь разговаривать с Ириной Ушаковой и, быть может, стать на мгновение полезной ей (прошу это не удалять).

Второе. Я рада, мне весело на душе от того, что наша встреча происходит в канун праздника Божией Матери Нео-

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

палимая купина, и именно в этот день некоторые русские люди будут вспоминать замечательного человека — графа Сергея Семёновича Уварова, который был просветителем и общественным деятелем. Многие, к сожалению, помнят его только по знаменитой триаде «Православие. Самодержавие. Народность». И если Вы захотите спустить на мгновение наши «алые паруса», то на слове «самодержавие» мы остановимся, и я скажу, что это значит в моём понимании.

— *Благодарю Вас за тёплые слова. Раз уж мы начали с темы самодержавия, спрошу Вас, Елена Владимировна, что для Вас значит имперская культура (определение мыслителя конца XX века Эдуарда Володина), которая не прерывалась от царской России до советской и, далее, до сегодняшней России?*

— Отчасти я написала об этом в книге «Три жизни Артемьевы», потому что, описывая отрочество Алексея Валерьевича (он поступил в Строгановское училище, когда ему было 14 лет, в 1948 году), я подробно и с наслаждением писала о том (разумеется, с его слов), как в годы студенчества, в течение нескольких часов учебного дня перед ними происходил лучезарный, светоносный калейдоскоп преподавателей. Сначала входил рафинированный, слегка грассирующий человек, в отглаженной белоснежной рубашке, с красивыми манжетами, в которых были старинные запонки, с бабочкой, ёжиком постриженный, седой, высокий, стройный, как струна. Он говорил о немислимых, заоблачных, совершенно непостижимых мирах. Этот человек начинал преподавать ещё при Государе. А следом за ним входил смуглый, красивый, молодой преподаватель, в гимнастёрке, от которой пахло ещё кожаной портупеей, ветром войны, песнями войны, он был весь пронизан величайшей советской любовью, Великой Победой, которая родила великую культуру.

Александра Сергеевич Пушкина, как поэта, родила победа в войне 1812 года. А поколение гениальных русских мальчиков — Валерия Гаврилина, Николая Рубцова (это всё детдомовцы) родила победа в Великой Отечественной войне. Представляете, какое было общество, какой был народ «безбожный», если из детских домов выходили такие русские гении, такие глыбы, колоссы. А Татьяна Глушкова, Александр Вампилов, Никита Михалков!!!

Георгий Свиридов, как подлинный гений, любил Гаврилина, он плакал над его произведениями, писал ему: «Я никогда не смогу написать так, как ты». Имея в виду, конечно, «Русскую тетрадь», потому что он не был в этих экспедициях, в которых был Гаврилин, не записывал все свадебные и поминальные плачи.

Ответ на Ваш вопрос лежит в судьбе самого художника Алексея Валерьевича Артемьева. Потому что через судьбу этого человека проявляется судьба страны, как в лучших советских фильмах о войне (а лучше наших фильмов о войне нет ничего в мировом кинематографе, совсем нет). Это эталон величайшей культуры, воспитавшей многих подлинных режиссёров. Я говорю о тех фильмах, которые мы «видим», стоит только прикрыть глаза: «Отец солдата», «Баллада о солдате», «Летят журавли», «На семи ветрах», «Альпийская баллада», «Пани Мария» с Бурковым и Крючковой, «Случай с Польшинным» — какой шедевр, какая там великая песня звучит!.. Гениальный фильм «На войне как на войне»...

— *А какой фильм — «Двадцать дней без войны»!*

— Это одна из вершин и Юрия Владимировича Никулина, и Людмилы Марковны Гурченко. Два великих трагических русских актёра. Чтобы это понять и так рискнуть, так головой в бездну окунуться, надо от многого отречься. Потому что то, что претерпел Герман и даже сам Симонов, который «ногой открывал» дверь во все кабинеты, чтобы отстоять «клоуна» на роль Лопахина, и Гурченко с её «Мэри, Мэри»... Все ведь считали, что она просто вторая Орлова, но она неизмеримо выше Орловой. Любовь Петровна никогда не была трагической актрисой, и потом она всегда была в руках Г.В. Александрова, своего супруга, режиссёра, она снималась только у него и участвовала только в мизансценах, которые он ставил. Она была красивой, обаятельной женщиной из дворянской семьи, а Людмила Марковна была только советской. В ней было то трагикомическое начало, которое заложено в нашем любимом с Алёшей литературном герое. Кто это? Конечно, это Илья Ильич Обломов. Он из почвенной, корневой, великой русской культуры.

— *Это и мой любимый литературный герой. Поразительно, мы сотрудничали и дружили с выдающимся славистом Ильёй Числовым, человеком острого ума и железной воли, который очень много понимал о судьбах славян. Однажды мы заговорили о литературе. И он сказал: «А Вы знаете, что мой отец назвал меня в честь Ильи Обломова? Для меня нет более глубокого героя в русской литературе, и для меня нет ничего ближе мира русской деревни, в которой только и могла воспитаться эта душа». А ведь мы — три совершенно разные поколения: Алексей Валерьевич, Вы с Ильёй Числовым и я.*

— Вы знаете, что нас всех связывает? Цикл «Возвращение на Родину»...

Здесь же упомяну и весь круг великих фильмов Никиты Сергеевича Михалкова, даже не в связи с Обломовым, по-

---

сколько Обломов — это эпизод его жизни. А «Пять вечеров» разве это не Чехов? Кто сегодня так поставит Чехова, как Михалков поставил «Пять вечеров»? А кто снимет советского фронтовика Володина? Уже никто и никогда! Все его фильмы трагикомичны. Потому что такова русская культура. Она связана пуповиной с традицией русского юродства. Это то, что свойственно традиции русской святости, блаженные и юродивые были всегда **только** в России. И всё самое главное в русской культуре — юродивое. Я очень быстро могу это доказать. Даже символ России — храм, построенный величайшим русским Государем Иваном Васильевичем Грозным, храм Покрова, который все называют Храмом Василия Блаженного, совершенно юродивый. Это может доказать студент архитектурного института, там ни одна главка не соответствует другой. А вместе это красота неизреченная. Это и есть символ России. А юродство — это всегда красота, все юродивые и блаженные были гениями.

И ещё одно о самодержавии, с моей точки зрения, очень важное. Мы живём в эпоху смерти реальности. В эпоху мифов, не мифологии, потому что мифология — это неотъемлемая часть мировой культуры. Без мифологии культура вообще не может существовать, и никакое искусство не может. В противном случае это «утка» — обманка, фальшивка, то, что Алёша называл «копия». Он говорил: «Вот этот человек — подлинник, а этот — копия».

Кто подвергается самой большой клевете, самому большому осквернению? Кто более всех оболган, оплёван, унижен, и, казалось бы, намертво погребён?

— *Гении, святые.*

— Верно. Прежде всего, это русские гении и русские цари, среди которых, да простит меня милосердный Господь, двух я не люблю и считаю их врагами русской истории и русского народа. Это прежде всего Алексей Михайлович «Тишайший», который первым привёз на Москву иностранцев со всей их мерзостью, а его сын Петруша только продолжил традицию отца, и, как гениальный человек, естественно, превзошёл его.

А второй человек, который нанёс непоправимый удар русской истории и русскому самостоянию, это Александр II. Сначала он предал свою святую супругу. Уже с 1857 года он ей изменял с гулящей Долгорукой, которую он сделал светлейшей княгиней Юрьевской и которой отвёл покои рядом со своей супругой, и там она ему рожала... И это было на глазах всего мира.

А святая и гениальная Мария Александровна основала в России «Красный крест» и громадное количество благотвори-

---

рительных учреждений, которые до сих пор называют Мариинскими. Помогала Ушинскому, как Надежда Филаретовна фон Мекк Петру Ильичу Чайковскому. И она ему не только ничего не выговаривала, но ждала, когда он опомнится ради России, ради чести Дома Романовых, потому что она прекрасно понимала, что эту краплёную козырную карту из рукава вытащит каждый либерал, каждый сванидзе, каждый быков и скажет: «Вот видите, какие были Романовы». И те, кто ненавидит Романовых, будут им показывать эту козырную карту. Это страшное предательство. Предав венчанную благоверную супругу императрицу Марию Александровну, Александр II предал и детей, среди которых был будущий государь Александр III, убитый не без помощи любовницы своего отца, потому что Александр II абсолютно все акции железных дорог отдал трём представителям Дома Ротшильдов, с которыми она была связана напрямую и получала за это дивиденды. У неё были миллионные состояния, по нашим деньгам миллиардные. В частности, и акции той самой железной дороги, где на станции Борки, произошло известное крушение поезда. Отец великого русского Государя был не только отравлен, будучи таким молодым и таким богатырём, его здоровье ещё было подорвано этим происшествием. Долгорукая была пуповиной связана с домом Ротшильдов, и все акционеры были поставлены от Ротшильдов.

Если бы не трагедия 1861 года, которой был посвящён один из вечеров моего цикла «Возвращение на Родину», революция произошла бы неизмеримо позже. Она была неизбежна, в том числе и благодаря Александру II, потому что весь капитал и все СМИ были в руках Запада. Всё дворянское общество было масонским. К тому времени, когда возлюбленный наш государь Николай Александрович воссел на трон, ситуация была такова: буквально через несколько дней Александра Фёдоровна могла в каждой газете видеть утром «очерки» о том, что она немецкая шпионка, или картинку, где раввин держит в руках петуха, а голова у петуха — голова государя Николая Александровича.

Русский народ тысячелетиями жил на земле (крестьяне — это христиане), их дети воспитывались с детьми дворян. Они пели одни и те же песни, водили одни и те же хороводы.

— *Барчука приучали к крестьянскому труду, чтобы он знал, как управлять хозяйством. У меня есть фото, где внуки Л.Н. Толстого и К.А. Рачинского с крестьянским мальчиком в окрестностях усадьбы Татево стогают сено.*

— Всё это была единая симфония неделимого царства. И когда этих людей, живущих на земле, стали стогнать на фаб-

---

рики и заводы, с 1861 года, благодаря Александру II и его чудовищной реформе, часть этих людей стала неизбежно спиваться, а часть просто сходить с ума, тут же появлялись бронштейны-троцки со своими прокламациями.

Ещё, говоря о наших Государях, вспомню фильм Николая Бурляева «Лермонтов». Конечно, нужно учитывать время съёмки этого замечательного фильма. Быть может, этот фактор оказался довлеющим на восприятие личности величайшего воина, государя Николая I Павловича, роль которого играл гениальный русский человек, которого я знала лично, и который внёс громадный вклад в мировую культуру. (И детей его я знаю, люблю и глубоко почитаю, они принимали участие в одной из моих пушкинских монографий.) Речь идёт о великой семье Лиёпа. С большой печалью повторяю, и здесь, увы, Николая I мы видим едва ли не как убийцу Лермонтова, а, значит, и Пушкина. Это катастрофа для восприятия человека, сердцем русского. Фильм был целиком, дважды, без купюр показан в моём цикле. Зачем я его показывала? Затем, что фильм замечательный, и Бурляева я люблю и почитаю, но эта ложка чёрного горького дёгтя оказалась роковой. Это всё та же краплёная карта из рукава — против Романовых, как и *правда* о всех чудовищных деяниях Александра II.

Последнее, что я хочу сказать о моём понимании самодержавия.

В книге «Три жизни Артемьева», надеюсь, мне удалось через его судьбу показать судьбу русской культуры. Для меня период с 1939 по 1953 годы — это самое имперское время, какое только может быть, самое духоносное. Алексей Валерьевич, воспитывался в Церкви именно в это время. Я младше его на 23 года, и воспитывалась так же в Церкви советского периода. Это была святая Церковь. А чем отличалась Церковь советского периода от теперешнего времени?

— *Тогда нужно было многим пожертвовать, чтобы быть в Церкви.*

— Мать Алексея Валерьевича, красавица с непостижимым голосом, Марья Михайловна Вилламова (они сами пятигорские, но их род идёт из-под Полтавы, шведский род) была всю жизнь солисткой Всесоюзного радио. А как можно было быть солисткой Всесоюзного радио и каждую субботу, воскресенье и праздники петь в церкви?..

— *Во все времена всё зависело от людей на местах. В одном райкоме понимающие люди были и прикрывали верующих, а в другом злые, корыстные, осатанелые.*

— А это, казалось бы, самые страшные годы «сталинских репрессий». На самом деле самые страшные годы — это рас-

---

кол XVII века при Алексее Михайловиче, чудовищный, который до сих пор не уврачёван. Это время Александра II. И это Хрущёв — такого антихриста не знала Россия.

Алексей Валерьевич рассказывал мне, как при Хрущёве, после рокового XX съезда, многие фронтовики стрелялись, не выдерживая такой лжи. То же самое я слышала от сослуживцев дедушки.

Моя бабушка всю войну служила донором, а дедушка, пройдя всю войну, чуть ли не после дня Победы был посажен по навету за то, что просто искал своего друга. Он вышел из лагеря совершенно точно зная, что если кто-то когда-то плохо скажет об Иосифе Виссарионовиче, то дедушке не жить, он просто умрёт за Сталина. Это после лагеря, где он только укрепился в своём понимании его роли.

Потому что в лагере сидели люди, посаженные предателями, подонками Берией, Ягодой, Ежовым... Самый страшный творческий союз, где больше всего было «посадок» из-за стукачества — Союз писателей СССР. Сталину удалось спасти Шолохова и Булгакова, он лично их «пас». Но за всеми он усмотреть не мог, хотя во время войны спал два часа в сутки. А потом ему нужно было за четыре года восстановить гигантскую страну. Разве он мог это сделать без Божьей помощи? Никогда.

— *И архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) говорил: «Сталин сохранил Россию, показал, что она значит для мира. Поэтому я как православный христианин и русский патриот низко кланяюсь Сталину».*

— Когда Чавчавадзе прочитал стихи Иосифа Джугашвили, то решил сам к нему прийти. Когда он пришёл к его матушке Екатерине (мать Иосифа Сталина считают в Грузии святой, это может подтвердить любой грузин), Иосиф прочитал свои стихи. Чавчавадзе спросил его: «Ты, наверное, хочешь стать настоящим поэтом?». Тот ответил: «Нет». «А кем же ты хочешь стать?» Иосиф показал на портрет Государя. Кстати, Чавчавадзе способствовал, чтобы стихи Иосифа Джугашвили изучались в церковно-приходских школах и семинариях. А когда к юбилею Сталина решили издать его стихи и привлекли Арсения Тарковского для перевода с грузинского, Сталин запретил это издание.

— *Великая личность. Но будем объективны, Сталин в пору своей юности боролся с самодержавием. А в разговоре с американским послом А. Гарриманом в самый разгар Великой Отечественной войны сказал: «Они воюют не за нас, а за свою матушку Россию»... То есть для него «они» — русские люди и «мы» — коммунисты — это было разное. Получается, в какой-то момент Сталин что-то переосмыслил...*

— Коммунисты — это в том числе и те, кто закрывал своими телами амбразуры. Тело Александра Матросова, которое покоится в городе Великие Луки, — нетленно. Это мистический акт русской истории, который мы из нашего «сегодня» не видим.

Недаром Иван Бунин, уж какой антисоветчик (!), писал, живя во Франции в 1943 году: «Сталин летит на конференцию в Тегеран, а я волнуюсь, как бы с ним чего по дороге не случилось»...

Остановимся на печально знаменитых и роковых (а для Пушкина всё — роковое, как и для Лермонтова) строках «И на обломках самовластья // Напишут наши имена!» Нам всё время внушали, что речь идёт о монархии. Так что же такое самовластие?.. Кто эти люди? Разве государи самовластны? Разве они сами берут в руки державу и скипетр? Нет. Их помазывают по византийской традиции. Кто брал власть самовластно?

— *Самозванцы.*

— Лжедмитрий и Емельян Пугачёв, потому его и воспел Пушкин. Это был трагический герой.

А кто же во времена Пушкина были эти «герои» самовластия? Это была грязная семья Геккерн, которая с Нессельроде и со всем масонским кругом задумали, как убить Александра Сергеевича. Они придумали эту историю с подмётными письмами. А также Идалия Полетика, которой Пушкин, как и многим другим женщинам, отказал в близости. И она ему мстила. В то время женщины были чудовищны в дворянском сословии. Один из примеров — Элен в «Войне и мире». Это спиритические «философские» салоны и так далее. Точно также и Лермонтову мстили женщины за то, что он не хотел вступать с ними в близость. Почему именно Лермонтову и Пушкину? А они обладали таким гением и такой магической внешностью, таким обаянием и таким проникающим лазерным лучом, что иные женщины падали в обморок. Это было абсолютно секуляризированное общество: большинство дворян не говорило по-русски.

У Лермонтова среди таких мстительниц была Екатерина Сушкова (не путать с её родной сестрой Евдокией, с которой Лермонтов дружил, и она писала о нём). У Пушкина таким исчадием ада была Идалия Полетика, это она добровольно разносила подмётные письма. В 1880 году в Москве открылся памятник Александру Сергеевичу, а далее, благодаря знаменитой речи Фёдора Михайловича Достоевского, начало развиваться пушкиноведение. И на открытии этого памятника была дряхлая, совершенно разрушенная желчью Ида-

---

лия Полетика. Зачем она туда пришла? Представляете, сколько ей было лет? Она подошла к памятнику и плюнула на него. И вскоре скончалась. Вот масштаб ненависти!

А потом «пушкинисты», такие, как Шкловский, писали примерно так: мы должны сделать всё, чтобы Пушкин остался в памяти как просто хороший русский поэт, поэтому в наш круг никого нельзя допускать.

Вот почему, когда Пушкин говорил: «И на обломках самовластья // Напишут наши имена!», он имел в виду — на обломках самовластья Геккернов и прочих, им подобных, должны взойти имена истинных почитателей поэта, имена тех, кто отдал жизнь за своё Отечество.

То же и со стихами Михаила Юрьевича. В строфе стихотворения, сделавшего его знаменитым на всю империю, которое переписывалось нескончаемо, отражено абсолютно то же, что произошло и с ним, и с Пушкиным: «И вы не смоее всей вашей чёрной кровью // Поэта праведную кровь». Приписали это, конечно, одному из самых выдающихся русских Государей, солдату, отравленному в 49 лет, почившему в шинели на узенькой солдатской койке, отодвинувшему на какое-то время революцию. Это Николай I. Якобы это он не смоеет «чёрной кровью поэта праведную кровь». Но это адресовано тем людям, которые убили поэта. Известно, что пуля прошла навывлет снизу, а Мартынов стоял напротив Лермонтова. Есть даже версия, что Лермонтова убили из того же пистолета, что и Пушкина. Это был ритуальный, мистический акт.

Почему Александра Сергеевича Пушкина я считаю исторической личностью мира, вселенной человечества? Потому что Пушкин обладал наиредчайшим даром видения всей полноты картины мира. Для того, чтобы этого достичь, нужно уметь встать на котурны и посмотреть на всё происходящее с высоты некоего полёта души. «И он мне грудь рассёк мечом... И уголь, пылающий огнём, Во грудь отверстую водвинул». Только тогда Поэту можно было «глаголом жечь сердца людей». Кто может видеть картину мира во всей полноте, тот понимает, почему Господь попустил это, а почему после этого было то-то и то-то, и зачем был этот период истории, казалось бы, страшный. И как только человек расширяет своё сердце (это больно, скажу я прямо), он сразу начинает вмещать в него утраченные фрагменты картины мира, он теплет и теплет, и ему открываются такие смыслы, такие тайны божественные, о которых даже говорить страшно.

— *Елена Владимировна, Вы пели в Европе, в Америке. Как мир в 1990-х годах воспринимал русскую музыку?*

— Русская культура как величайшая субстанция таинственной русской души всегда поражала, потрясала, приводила в полуобморочное состояние Европу. И я не знаю ни одного периода русской истории, когда бы русская культура не ошеломляла во всех своих проявлениях. Первый хрестоматийный пример: несчастная, не знающая даже, что это слово означает, Америка, куда от гильотины бежали преступники со всех стран Европы и где снимали с детей скальпы. Но даже этим людям хотелось прикоснуться к русской культуре. Когда американцы весной 1891 года открывали знаменитый Карнеги-холл (я помню, какая невероятная в этом зале акустика), они пригласили Петра Ильича Чайковского. Я не могу сказать, что Пётр Ильич как дирижёр был равновелик себе как композитору, это будет преувеличением. Он замечательный, прекрасный, профессиональный дирижёр. А как композитор он гениален и единственен. И американцам хотелось иметь у себя самое первое, самое лучшее.

Я не случайно об этом вспомнила. Без русской культуры мировая культура никогда не существовала.

— *А как же Ренессанс?*

— Это самый тёмный период великой старой европейской культуры, когда начался культ тела и когда образ Богородицы стал походить на владелицу кондитерской. Говорить об образе Спасителя эпохи Ренессанса у меня нет сил.

Что же происходит в это время на Руси? Это время, когда на Руси творят такие художники, как Андрей Рублёв, Даниил Чёрный, Феофан Грек. Через этот пример нам легко понять, как же всё-таки отличить красивое от прекрасного. Чем отличается религиозная живопись от иконописи? Чем вообще принципиально отличается великая русская культура от западноевропейской культуры? Всё дело в том, что во все времена, даже в самые сложные и тяжёлые, Россия была (даже ещё в 1990-е годы) духовным колодезем человечества. И если положить на одну чашу весов «прекрасный», «цивилизованный», «демократический» Запад с его столь необходимым для жизни «рационализмом», а на другую чашу абсолютно арациональную, аномальную, алогичную, юродивую Россию, и если перевесит первая чаша, то человечество погибнет. А если перевесит вторая, можно будет увидеть то, что своим искусством показывала миру одна из величайших пророчиц XX века Кэтлин Ферриер. В XX веке были две великие пророчицы — певицы Мария Каллас и Кэтлин Ферриер. Мария Каллас пророчествовала миру о том, что с ним будет, если он не остановится, а Кэтлин Ферриер пела о том, каким мир может стать, если он остановится.

— *Вы в ряду этих двух певиц — пророчиц. И Ваш дар принадлежит русскому народу (в первую очередь). Как реагировали слушатели на Ваши исполнения?*

— То, как реагировали на мои монографии за рубежом, есть один эпизод, запечатлённый на видео. Один итальянец встал (все сидят, а он встал), у него был приоткрыт рот и текли слёзы. Это была реакция не на меня, и я очень это понимаю, это была реакция на русскую культуру. Он ничего подобного не слышал, не понимал, что с ним происходит, он себя самого таким не знал, впервые чувствовал такое. Это сделала с ним русская музыка, русская поэзия. Я пела что-то из Чайковского, из Мусоргского.

— *Расскажите, пожалуйста, о тех людях, которые оказывали на Вас влияние.*

— Это, конечно, один из последних русских философов — Мераб Константинович Мамардашвили, общение с которым стало событием моей жизни. Владимир Борисович Микушевич, лучший германист страны, переводчик Райнера Рильке. Если бы сейчас кто-нибудь из русских умел так любить свою Родину, как любил её Рильке, она бы переломила этот распад...

Когда Рильке приехал в Россию, ему кто-то рассказал про Спиридона Дрожжина, он тут же поехал в деревню к этому крестьянину, рыдал с ним, потом писал: «Что такое Россия? Что это, Господи? Как мне жить после этого?»

— *Со школьных лет помню книгу писем Райнера Рильке, и как он писал одному русскому адресату: «Перед маленькой часовней Иверской Богоматери в Москве: коленопреклоненные люди в ней выше тех, которые стоят, а те, что склоняются, выпрямляются до гигантской величины, так это бывает в России...»*

— Лучший переводчик Рильке — Владимир Борисович Микушевич, хоть он переводчик и Ницше, но Рильке — это его вершина. Сам Микушевич — философ, мистик, поэт. И общение с ним... Я не могу выразить, что это было. Не говоря уже о том, что Владимир Борисович, невзирая на возраст, ездил на мои немецкие монографии в Питер, в Капеллу на Мойке, где состоялись главные премьеры моей жизни, в том самом месте, от которого буквально в нескольких шагах находился диван, на котором в 1837 году умирал убитый Пушкин...

Я работала с лучшими дирижёрами своего времени, с лучшими хорами своего времени, с лучшими пианистами своего времени. С одним из них — Евгением Талисманом — мы создали дуэт, и он существовал 24 года. Этого не было ни у

Марии Каллас, ни у Элизабет Шварцкопф, ни у Питера Шрайера, ни у Кэтлин Ферриер, ни даже у Фёдора Ивановича Шаляпина.

Среди планет влияния были и люди, с которыми я лично не была знакома. Это Паола Дмитриевна Волкова. С ней я не столько по мировоззрению была близка, сколько по восприятию культуры, неким аллюзиям в искусстве. Ведь мне говорили мультипликатор Андрей Юрьевич Хржановский, Александр Николаевич Сокуров, с которыми я работала, а потом уже и Алексей Валерьевич, что у меня врождённый «киноноух». Может быть, поэтому в течение двадцати лет я сама придумывала и монтировала киноэпиграфы к каждому вечеру Цикла «Возвращение на Родину». Паола Дмитриевна, будучи историком культуры и искусствоведом, подвизалась именно на режиссёрском факультете. Мир кино и мир живописи для неё — не просто два равновеликих мира, а близкие, чрезвычайно связанные миры. И эту тончайшую связь, для меня и для неё очевидную, как гигантскую субстанцию русской и мировой культуры, она смогла передать другим и оставила огромный след в культуре.

К «планетам влияния» я хотела бы обязательно отнести Александра Леонидовича Кайдановского, с которым очень близко дружила, как и со многими другими актёрами и режиссёрами. Что нас сблизало? Музыка. Стихией этого человека, как и Алексея Валерьевича Артемьева, был мир великой музыки. В его комнате в коммунальной квартире на Поварской (там кроме книг и музыки ничего не было, ещё кошка и собака), мы по многу часов слушали музыку, говорили о литературе, об Арсении Александровиче Тарковском, которого я боготворила. Александр Леонидович Кайдановский оказал на меня большое влияние из-за моей подсознательной тяги к кинематографу, что потом и отразилось в моей судьбе в работе с режиссёрами, о которых я уже упомянула.

Советская мультипликация до сих пор остаётся совершенно недостижимым и неповторимым достижением великой советской культуры. Это мультфильмы, которые во всём мире воспринимаются как книги Чехова, Достоевского, Толстого. Однако надо признаться, что и после уничтожения Советского Союза, оставались режиссёры, которые ещё долгое время работали — Назаров, Хитрук, Норштейн, Хржановский. Казалось бы, никто не может сохранить эту традицию, но Россия всегда парадоксальна, и никто никогда не поймёт, как из насмерть закатанной асфальтом земли вырастают эти белые лилии. И сегодня в отечественной анимации есть такие гении, как Александр Петров из Ярославля, которого мы

знаем по совершенно гениальному мультфильму «Сон смешного человека» (я показывала его в Цикле «Возвращение на Родину») и который дублировал один единственный человек Александр Леонидович Кайдановский. Это гениальное произведение мировой культуры. Хотя «Оскар» Александр Петров получил за «Старик и море». Здесь я не могу ещё не назвать имя Александры Аверьяновой, которая сняла великий мультфильм «Оттенки серого». Каким-то чудом это всё продолжает существовать, но приобрести в свой дом для детей можно только мерзкую, подлую подделку под русские народные сказки и под великую советскую мультипликацию — индустриальную «Машу и медведь».

— *Не раз на педагогической конференции в Свято-Алексеевской гимназии, где мне доводилось выступать, психологи говорили о разрушительном влиянии на детскую психику мультфильма «Маша и медведь». Это насаждение феминизма, не говоря уже о том, что это разрушение пространства мифологии русского сознания. Ведь медведь — хозяин леса, русский народ обращался к нему «батюшка Медведюшка», и не иначе. А в этом сумасшедшем мультике из медведя сделали недоумка, которым руководит хулиганка.*

— Через эту индустрию подделок они и убивают русскую культуру. А ведь у нас есть мультфильмы «Жил-был пёс», «Слон и пеночка», «Про солдата», «Солдатская песня», «Путешествие муравья» и многое другое, созданное уже после уничтожения уникальной киностудии «Союзмультфильм».

— *Елена Владимировна, чем отличается певица от вокалистки?*

— Певец — это всегда вестник. Это тот, у кого есть идея, он совершенно точно знает, ради чего он умирает. Порой говорят: «Какой хороший певец, только у него плохая дикция». Что вы говорите? Это же нонсенс. Плохая дикция — это первый признак того, что человек не понимает и просто не думает, о чём он поёт. Он думает о том, как он выглядит сейчас, что какую-то ноту нужно продлить дольше всех и громче всех, и, наконец, где он будет ужинать. В инструментарий певца входит совершенное владение искусством вокала. Вы скажете: что это за каламбур? Певец — это человек, у которого всё должно быть равномерно распределено: в мозгах, в сердце, в связках, а у вокалиста всё сосредоточено только в связках. Певец — это человек, который выходит к людям с одной единственной целью: отдать. Когда меня спрашивали безграмотные люди: «Где же Вы берёте силы для такого исполнения, кто же Вас так заряжает, наверное, публика с её овациями?» Отвечаю: «Я прихожу не брать, а отдавать». И одно из свиде-

---

тельств этого — я пела без аплодисментов, таково было моё условие. Владимир Борисович Микушевич приезжал в Питер на мои немецкие монографии и в каждом антракте дарил мне свиток написанных мне сонетов. С Владимиром Карпцом он написал два посвящённых мне сценария: «Хованщина» и «Кармен» (блоковская Кармен).

Я ввела в международную практику три отделения. Это было важно особенно за рубежом, чтобы, к примеру, исполнить три цикла Свиридова сразу. И за один вечер спеть с двумя короткими антрактами «Зимний путь» Шуберта, библейские напевы Брамса и «Пять стихотворений Матильды Визендонк». Пела я и три цикла, мне посвящённых, выдающегося композитора Владимира Рябова, к сожалению, эмигрировавшего в Америку. Я пела его цикл на стихи Марины Цветаевой, цикл на стихи Марии Петровых, выдающийся, ни с чем не сравнимый цикл Виктора Семёнова «Строки печали», подаренный мне и написанный в расчёте на моё мировоззрение человека, его судьбу, его характер, с тембра я могу считать любые знания о человеке. Информация — это то, что можно взять из Интернета, а знания — это то, что добывается другими усилиями и остаётся навек.

В цикл Семёнова, мне посвящённый, вошли такие программные произведения Пушкина, которые никогда никто не писал и не исполнял. Самые программные: «Не дай мне, Бог, сойти с ума», «Дар напрасный, дар случайный»... Вы не представляете себе, что это за цикл.

Дело в том, что я была певицей Русского языка. Но за пределами этой стихии есть ещё немецкий романтизм. И я пела все немецкие циклы Шуберта, Шумана, Брамса, Вагнера, и была единственной женщиной, которая пела «Любовь и жизнь поэта», в отличии от нормальных, избравших цикл Шумана «Любовь и жизнь женщины», но мне это было скучно.

Надо признаться, я была трагической певицей, таково моё мировоззрение. Я вообще считаю, что в большом искусстве остаётся только трагическое. Но после «Песен и плясок смерти» или после «Песен об умерших детях» Малера, на бис я пела фрагмент из цикла Валерия Александровича Гаврилина «Вечерок» — «ни да, ни нет, ни нет, ни да». Этим я подсознательно хотела сказать: «Нет, нет, что вы, я пошутила, всё будет хорошо». Хотя потом я не выдерживала и пела «Колыбельную» или ещё на бис пела «Как дух Лауры». Но все «бисы» кончались колыбельными, это железное правило всей моей жизни. Я пела все великие колыбельные мира — Чайковского, Глинки, Брамса, Даргомыжского, Гречанинова, безуслов-

---

но, лермонтовскую «Казачью колыбельную». Потому что колыбельная — это как река, как вечность.

— *Материнское начало.*

— Да. Почему между бабушками, дедушками и внуками такая тесная связь? Потому что эти только что *оттуда*, а те готовятся *туда*. Эта таинственная связь создаёт и невыразимый язык, который между ними существует. Он не доступен среднему, «страстному» поколению — маменькам и папенькам.

Огромное влияние на меня оказала Анастасия Ивановна Цветаева, очень много для меня сделавшая, очень меня жалевшая, может быть, даже любившая. Нас познакомила наша общая подруга Доброслава Анатольевна Донская. Царство им Небесное! Как у Тургенева: «И все они умерли, умерли...»

Несколько лет, пока мы состояли в переписке, я была под влиянием Валентина Яковлевича Курбатова. Безусловно я нахожусь под влиянием первого и, как Алёша говорил, последнего поэта, мученика, исповедника, гения, столпа — отца Леонида Сафронова, кстати, потрясающего певца.

— *Со всем почитанием отношусь к подвижнику, исповеднику, отцу Леониду Сафронову. Но не рискну замкнуть его именем движение русской поэзии. Ныне живущие поэты: Валентин Сорокин, Светлана Сырнева, Юрий Лощиц, Станислав Куняев... Кстати, из недавно почивших, Вами упомянутый Владимир Карпец. У него есть несколько пронзительных, настоящих стихотворений.*

— И Станислав Юрьевич, и Владимир Игоревич были неоднократно героями моего Цикла «Возвращение на Родину», а Юрий Лощиц — один из любимых моих поэтов.

— *Елена Владимировна, второй год отсутствия Вашего Цикла «Возвращение на Родину» сродни провалу в русском культурном пространстве, это как «чёрные дыры» в русском космосе. За два десятилетия Вы собрали и вывели к своим современникам великие имена: от Григория Сковороды до Вячеслава Клыкова... Не было темы, волнующей современное общество, которой не обсуждали бы на вечерах Вашего Цикла учёные, философы, литераторы, кинематографисты. И это во время тотального засилья самой низкопробной массовой культуры. Как Вы решились проводить такие духовно-просветительные действия?..*

— Это была попытка удержания того, что *они* нам ещё оставили, и того, что можно восполнить своей жертвой, потому что без этого не бывает ничего настоящего.

Завершая Цикл, я снова встала перед роковым выбором для себя: или цикл, или память об Алексее Валерьевиче Арте-

---

мьеве. Это был мой долг. Каждую часть Цикла я верстала заранее. И показывала Алёше. Когда я показала ему программу цикла на 2019 год, он сказал: «Вот эти два первых вечера будут, а дальше ничего не будет». А я знала — всё, что говорил Алексей Валерьевич, сбывалось. И вот мне сказали: «Треть зала и в шахматном порядке...» А я — монументалист, мои вечера — не салон, это знают все, кто на них бывал. Каждый вечер проходил с огромным количеством эпитафий, в том числе и киноэпитафия, звучали стихи и музыка, они переливались во вступительное слово, затем без всяких представлений героев (потому что это были не участники, а богатыри русского духа, гении русской культуры) они начинали говорить. Когда я только задумывала этот Цикл, за семь лет до открытия, одной из стратегических задач было приглашать людей из провинции: из Архангельска, Ставрополя, Минска, со всех городов Урала — людей непостижимой красоты. Чтобы зрители, уходя из зала, говорили: «Оказывается, Россия не погибла». И чтобы они не хотели болтать по дороге, а хотели молчать, а потом, когда в их души впитается это всё до последнего микрона, рассказали бы это близким.

Поэтому, когда мне объявили «треть зала и в шахматном порядке», я как певица и как автор этого гигантского Цикла, привыкшая к аншлагам в больших залах, поняла, что это конец. Воистину биологическое оружие под названием «коронавирус» — это разрушение, прежде всего, внутреннего мира человека.

— *Елена Владимировна, из каких важных составляющих, на Ваш взгляд, складывается судьба человека?*

— Пушкин как-то сказал, что нация — это вера и ландшафт. Я не зря в прошлой нашей беседе упомянула дом на Мойке. Вот такими же мистическими очагами в моей судьбе были Константиново, а также Хмелита — родовое имение и Александра Сергеевича Грибоедова, и Алексея Степановича Хомякова. В Хмелиту я была приглашаема в течение очень многих лет на международные симпозиумы славистов. Там я пела поэтические монографии Пушкина, Лермонтова, Есенина, Тютчева, Петровых, Цветаевой, Ахматовой. Рядом с Хмелитой была небольшая церковка, которая в то время была закрыта. Однажды её открыли, она была вся заледенелая, вокруг меня клубился пар. И я пела молитву перед иконой, которую написал Алексей Степанович Хомяков...

К ландшафтам моей судьбы, как ни странно, относится постылая Британщина. Я пела монографии Шаляпина, которые никто никогда не пел. А я и не знала об этом, была уверена, что Гяуров или Христов пели монографии. И когда я

в Англии спела шаляпинскую монографию, и об этом узнала Марфа Фёдоровна, младшая, любимейшая дочь Фёдора Ивановича, безумно на него похожая, она устроила грандиозный банкет в мою честь.

Я была единственной женщиной, которая пела «Пророк», «Двойник» — из репертуара Шаляпина. «Старый капрал» Даргомыжского, это же целая поэма. Пела «Сомнение», потому что продолжить шаляпинскую традицию — это значит петь через него и дальше. И более того, в это невозможно поверить, я пела «Демона», это очень сложно, и для этого многим нужно жертвовать. И когда Марфа Фёдоровна узнала, что кто-то поёт шаляпинскую монографию и что певец — женщина, она сначала испугалась, а потом, когда ей рассказали обо мне, она пригласила меня к себе домой в Манчестер. Я сидела на стуле Шаляпина, ела из его посуды. И вот этот дом Марфы Шаляпиной — тоже для меня ландшафт судьбы. И эти очаги — Хмелита, Константиново, Мойка с Капеллой, Манчестер — влияли на меня, как люди.

К ландшафтам судьбы, безусловно, относится диван (сундук) в доме Полины Львовны Трониной, на котором спал Сергей Александрович Есенин. Тронина — последний носитель русской вокальной школы, долгое время дружила с Сергеем Есениным, дружила она и с Маяковским и знала, кто и как его убил... Первым отделением Полина Львовна пела русский или немецкий циклы, а вторым отделением Сергей Александрович читал свои стихи. После концерта они возвращались из Политехнического музея пешком на Мясницкую к этому дому со львом. Дома, за крошечным штофиком домашней вишнёвки, они говорили о самом главном. Если бы Есенин пил столько, сколько приписывают ему, он вряд ли мог бы...

— *Столько написать.*

— Это во-первых. И вряд ли мог сидеть и до самого утра тянуть какой-то штофик вишнёвки, а побежал бы за бутылкой беленькой. Посмотрите на его последнюю фотографию, где он сидит за столом в наброшенном на плечи пиджаке. Это лицо святого человека, у алкоголиков не бывает таких лиц.

В квартире Полины Львовны стоял огромный сундук, покрытый тонкошерстным старинным персидским ковром. И когда Есенин оставался у неё ночевать, что является признаком большой дружбы между ними, он спал на этом сундуке.

А когда я впервые оказалась в доме Полины Львовны, мне было шестнадцать с половиной лет, я пела ей, читала свои стихи. В тот вечер она закрыла дверь на ключ и не выпустила меня. Навсегда я запомнила её слова: «Ты будешь великой

органной певицей». И, действительно, бессчётное количество раз я пела Баха в сопровождении органа.

У нас с бабушкой и дедушкой была клеёчатая скатерть, а у Полины Львовны я впервые увидела матерчатую старинную скатерть ручной работы необыкновенной красоты. А на столе стояла очень красивая лампа на бронзовой ножке, я никогда прежде таких не видела. И я была переполнена. Это было самое первое в моей жизни сближение с тем, что мне нужно, необходимо, и я никак не могла напиться этим. В шесть утра она взяла меня за руку, отвела в эту маленькую комнатку, где стоял старинный сундук, и сказала: «Золотые сны. Золотые сны. А завтра я тебе всё расскажу». И когда утром она мне рассказала, на какой кровати я спала, я разрыдалась. Это было для меня начало начал. Я поняла, что дальше будет только *правда*. Так оно и случилось — дальше в моей жизни была только правда и красота, красота и правда. Две эти вещи неразделимы во всём, о чём бы Вы меня ни спрашивали. Не существует правды без красоты, а красоты без правды. Только велика цена...

К ландшафтам судьбы для меня, безусловно, относится Пятигорск, где задолго до моего приезда и первого моего вечера в этом городе уже было создано Общество друзей Лины Мкртчян. Я пела тогда монографию Лермонтова в застеклённой картинной галерее. Всё это время шёл проливной дождь. На этот вечер съехалась вся ставропольская, кисловодская, и, конечно, пятигорская интеллигенция. И когда всё завершилось, стало постепенно темнеть и небо становилось всё более фиолетовым и всё более бархатным, оно опускалось всё ниже и ниже, и я уже боялась поднять до конца руку, потому что мне казалось, что звёзды такие огромные, что я могу коснуться их. Мне было страшно и вместе весело на душе, я была очень счастлива. Это тоже ландшафт моей судьбы — тот вечер в Пятигорске.

— *Елена Владимировна, я знаю, какое значение для Вас имеет документальное кино и те, кто его создаёт...*

— Мне хотелось бы сказать ещё об одной плеяде великих людей — наших современников. Это отечественные документалисты, премьеры фильмов которых состоялись именно в моём Цикле. Это Борис Лизнёв, которого я глубоко почитаю как совершенно гениального человека, создавшего свой язык в документалистике, и как очень талантливую личность. За ним я сохраняю право озвучивать все свои фильмы, потому что такого голоса и таких интонаций больше нет ни у кого. В этом же ряду уже покойный Юрий Андреевич Шиллер. В нашем Цикле был вечер «Новосибирск — Питер — Москва»,

---

по этому маршруту было ясно, кто будет участвовать. Из Новосибирска был Юрий Шиллер с его неповторимыми фильмами. Из Питера были Валентина Матвеева и Валентина Гуркаленко, муж которой в 1993 году был в горло убит снайпером с крыши Белого дома. Из Москвы были и Борис Лизнёв, и Борис Костенко. С Борисом Костенко меня связывала большая дружба. Именно его святейший патриарх Алексей II избрал в сопутники в своей поездке по Сербии. Костенко снял удивительный фильм об этой поездке, с уже ставшим харизматическим кадром, где Святейший держит десницу святого Иоанна Крестителя. Борис Костенко — очень интересный человек, он учился в институте физкультуры вместе с Игорем Росляковым. Тем самым, который стал одним из трёх новомучеников оптинских, ритуально убиенных на Пасху 1993 года в Оптиной Пустыни. Костенко по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II стоял у истоков создания телеканала «Спас». Незабвенное время.

Вспоминая о наших великих документалистах, я не могу не сказать несколько слов о краснодарском режиссёре Валерии Григорьевиче Тимошенко, премьера фильма которого «Одинокий рай» была потрясением и громадным событием. Я вспоминаю об этом не только потому что в августе нынешнего года почил один из героев этого фильма — духовный отец Валерия Григорьевича и горячо любимый мною иеромонах Иоаким (Салтыков), но ещё и потому, что по этому фильму сразу было ясно, что перед нами большой художник. Даже по названию, ибо название — это матрица, это шифр. Следующие его работы меня поражали не только киноязыком и способом монтажа, что очень важно в документальном кино, но и тем, как он работает с музыкальной партитурой. Для меня, как для музыканта, это было важно, потому что Астор Пьяццолла был, казалось бы, использован всеми, где нужно и где не нужно, его превратили почти в антигероя. И вдруг, в фильмах Тимошенко он зазвучал так, будто бы это было впервые. Для меня это самый великий контрапункт. Я желаю Валерию Григорьевичу здоровья, сил и мужества для дальнейшей работы. Может быть, когда-нибудь он снимет фильм о Михаиле Тимофеевиче Калашникове, у которого феерическая судьба, он прожил почти век и создал оружие, которое спасало нашу Родину наряду с «Катюшами», был глубоко верующим человеком. У него лицо святого. Кстати, его предки из станицы Отрадная на Кубани. Михаил Калашников восстановил Михайло-Архангельский собор у себя на родине. Он достоин того, чтобы о нём снять документальный фильм.

Ещё я должна сказать несколько слов о Викторе Егоровиче Рыжко, именно его фильм «Русская Голгофа» открывал самую первую часть моего цикла в 2000 году. Это для всех был шок, потому что тогда ещё не все знали, как, кто, почему и зачем убили Царственных Мучеников. К тому же Виктор Егорович — профессиональный историк, он родился в Екатеринбурге, одним из первых изучал развалины Ипатьевского дома, который был взорван по распоряжению Ельцина. Это произошло как раз в то время, когда Царственные Мученики и все, кто их сопровождал, были канонизированы Русской Зарубежной Церковью, так же, как и все, кто погиб в Алапаевской шахте. Ельцин боялся, что в Ипатьевский дом начнутся паломничества. Из всей этой плеяды мне более всех дорога инокиня Варвара, это одна из самых любимых мною святых. Елизавета Фёдоровна была на виду всей Европы, а её келейницу никто не знал. Инокиня Варвара (Яковлева) могла уйти, её отпустили, но она пошла на вольные страдания из любви к Елизавете Фёдоровне. Как мне дорог её образ, её жизнь, её мировоззрение, её вера, её любовь.

Не могу не сказать о человеке, который являет собой редкий случай профессионального режиссёра и профессионального искусствоведа — это послушница Ксения Хайнбюхер, премьера гениального фильма которой «Восхождение в безмолвие» также состоялась в цикле «Возвращение на Родину».

Говоря о великих документалистах, я должна вспомнить их предтечу — советского документалиста Артавазда Пелешяна. Он — самый гениальный документалист мира, это признают все великие режиссёры. Он снимал чёрно-белые документальные фильмы, каждый из которых длился максимум две минуты, и в них, как правило, звучала музыка Баха. Один фильм, переживается как рождение Вселенной. А мы видим просто, как с высокой горы в водопаде медленно плывут овцы, это длится буквально одну минуту. И где-то уже внизу, в финале, мы видим в этой пучине пастуха, который придерживает одну маленькую овечку. И, глядя в этот водоворот, не то что перехватывает горло, а физически невозможно дышать. А второй фильм — женские роды, но мы не видим того, что могло бы быть самым интересным для современного зрителя, только забыть это невозможно. И тоже звучит Бах. Быть может, Артавазд Пелешян и есть последний русский философ. Мы знакомы. И это тоже человек, без которого моя жизнь была бы неполной. Если бы я не видела этих фильмов, я бы не могла сказать, что я что-то понимаю в большом искусстве.

— *Что Вас тревожит в сегодняшнем дне?*

— В июле 2021 года исполнилось 180 лет со дня убийства Михаила Юрьевича Лермонтова. Кто вспомнил об этом в нынешнем мире, где свирепствует смерть реальности? Мне это очень больно, тем более, что судьба связала меня с семьёй Лермонтовых в Ставрополе.

Если говорить о сегодняшнем дне, даже Пушкин ошибался, потому что его «любовь к отеческим гробам, любовь к родному пепелищу» в полном забвении.

У Михаила Юрьевича Лермонтова была неоконченная последняя повесть «Штосс». И, невзирая на то, что она была опубликована уже в октябре 1841 года, а потом в 1929 году, о ней никто не вспоминает. Я только певица, музыкант, но я дерзну, как знать, быть может, мои размышления окажутся правдой. Быть может, если бы Григорий Александрович Печорин жил в предсказанной Чеховым предреволюционной России... Чехов ведь всё предсказал, и он, по традиции Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Достоевского, показывал, каким будет мир без Бога, а из него делают смехача, сатирика. И это ещё одна ложь, ещё один миф, грязный и пошлый, а Антон Павлович более всего в жизни ненавидел пошлость. Так вот, если бы Печорин родился перед революцией, то он бы прежде Ивана Петровича Войницкого мог воскликнуть: «Пропала жизнь! Я мог бы стать Шопенгауэром! Достоевским!...»

Вообще, я должна Вам сказать, что не только «Игрок» Достоевского вышел из повести «Штосс», а весь Достоевский. Я так думаю, так чувствую. И это одно неразрывное, мистическое кольцо: Гоголь, Пушкин, Лермонтов, Достоевский и Чехов. Они предсказывали, каким будет мир без Бога. И вот сегодня уже говорят о том, что могут отменить регистрацию брака в паспорте, отменить регистрацию детей в паспорте, чтобы ты не мог доказать, что это твой ребёнок. Миллионы людей доверили свои жизни гаджетам и прочим электронным «игрушкам».

Завершая книгу об Алексее Валерьевиче Артемьеве, я процитировала слова, сказанные им за несколько часов до кончины, в реанимации. В них звучит пророчество о сегодняшнем дне: «Культура к середине XX столетия приобрела значение «пульта», в том числе, управления. Но ещё и пульт анализа сигналов из мира, куда нам доступа нет (т.е. из ада). И человек по этим сигналам может понять, что нас ждёт в культуре, а значит, и во всём. Инсталляции и перформансы — это не баловство, а сигналы с того света. Раньше говорили: «Культура не может развиваться, она или есть, или нет (т.е. или высокая, или как теперь...)». Итак, инсталляции и перфор-

---

мансы — это примерно такие же сигналы, как в автомобиле: когда кончается горючее, стрелка показывает «0». Энергия, которая творит культуру, иссякла».

— *Какой же есть выход?*

Выхода два. Первый, неприятно это произносить, но он — китайский. Дело в том, что Китай давно уже национализировал все свои личные данные. У них свои технологии, и они не зависят от мировых систем. Только нам это не подходит, потому что мы вступили в ВТО, мы в петле у «Google» и «Apple».

Остаётся один выход. Вариант 1939—1953 годов, когда был железный занавес, который спасал от западного влияния экономику, а главное — души русских (советских) людей. Но для этого нужен великий человек у власти, а такие люди рождаются раз в пятьсот лет.

Мы переживаем то, что заслужили, потому что мы оболгали и за тридцать серебреников продали нашу Родину.

Вспомните, что произнёс Георгий Константинович Жуков: «Мы их освободили, и они нам этого не простят».

Мы должны знать ещё одно важное свидетельство о том, почему была разрушена советская империя. Это — раскаяние заклятого врага русского народа, бывшего госсекретаря США Генри Киссинджера. Это как если бы такое признание произнёс Гитлер. Киссинджер сказал: «У нас был только секс, а у них была любовь. У нас были только деньги, а у них была искренняя человеческая благодарность. И так во всём. Меня сложно назвать поклонником социализма, я западный человек с западным мышлением, но я считаю, что в Советском Союзе действительно рождался новый человек, можно сказать — homo soveticus. Этот человек был на ступень выше нас, и мне жаль, что мы разрушили этот заповедник. Возможно, это наше величайшее преступление».

— *Но даже на руинах постсоветского пространства («целились в коммунизм, а попали в Россию») русская история не прервалась для тех, кто остался на своей земле, со своим народом.*

— В «окаянные» и «безбожные» 1990-е был такой неслыханный духовный порыв и прорыв, когда русские жены вынимали из ушей серьги, снимали золотые кольца, как на Куликовскую битву, и отдавали всё на строительство храмов.

— *Каких усилий советским военным стоило погасить военные конфликты, вспыхнувшие на окраинах страны в результате развала Союза. А сколько в это время вернулось в Россию бесценных для нашей культуры имён, которые революция выплеснула за борт советской истории. Это Иван Ильин, Иван*

Бунин, Иван Шмелёв... Это дневники певицы Надежды Плевицкой, изданные её внучатой племянницей, писателем Ириной Ракшой.

— Так же героиней моего Цикла... В это же время стали выходить первые тома гениально задуманного биографического словаря писателей. Издатели остановились на Пушкине. У них были деньги, возможности, но они не смогли сказать правду. Сколько Пушкин писал эпиграмм, едва ли не на всех знакомых, и ни одной эпиграммы на Грибоедова.

Ведь они в один день поступили в коллегию иностранных дел в начале июня 1817 года. Грибоедов вышел оттуда великим государственным деятелем, а Пушкин вышел великим разведчиком. И почти все его так называемые «ссылки» — это личные задания Государя. У Александра Сергеевича есть одно произведение, в котором оставлены топографические «свидетельства» о служении. Это «Путешествие в Арзрум». В какой-то мере это отражено и в «Капитанской дочке», потому что в Оренбурге как раз тогда работали агенты английской разведки.

— *Мой учитель — издатель «Исторической газеты» Анатолий Парпара много говорил мне о «Путешествии в Арзрум» и о государственной службе Пушкина, именно как разведчика. Одним из авторов нашей газеты был физик Леонид Дода. В 1998 году мы публиковали в газете его исследования, в которых он коснулся информации, зашифрованной в сказках Пушкина. Анатолий Анатольевич Парпара был лермонтоведом, создал Фонд имени М.Ю. Лермонтова, но, мне кажется, он чуть больше любил Пушкина, и говорил, что каждому человеку русской культуры необходимо раз в год обязательно перечитывать произведения Александра Сергеевича.*

— По сути, Александр Сергеевич Пушкин умер на боевом посту. Он пять месяцев был в чине камер-юнкера. Пушкин — это не то, что нам внушали и внушают, это не только самый гениальный поэт России и самый гениальный прозаик. Это самая гениальная личность всех времён и народов. Ничего равного этому человеку не было нигде и никогда в мире. Даже для Леонардо да Винчи это недостижимо.

И в коллегию иностранных дел он пошёл с Грибоедовым не в каком-то кураже. Ещё отроком, в «Руслане и Людмиле», Пушкин зашифровал все свои убеждения. К тому же он обладал даром исторической интуиции. Это редчайший дар, который у него был от рождения.

Камер-юнкером Пушкин был, как я уже сказала, пять месяцев, а всё остальное время он был камергером. В переводе на воинское звание — это генерал. Поэтому и не смогли

замолчать личную встречу Пушкина с Государем, после которой Николай I сказал: «Сегодня я разговаривал с умнейшим человеком в России». И Александр Сергеевич до такой степени любил Государя, что перед кончиной произнёс: «Жаль, весь бы был его». То есть стал бы меньше писать, и больше находиться на государственной службе.

Так называемые «пушкинисты» долгое время позиционировали двух врагов Пушкина как его ближайших друзей — Жуковского и Вяземского. Задолго до гибели Пушкина они сделали всё, чтобы оклеветать его. Не говоря уже о том, что Жуковский как первый царедворец, как преподаватель царских детей, конечно же, знал о готовящемся убийстве. И он прекрасно знал, что Нессельроде и Геккерны его в покое не оставят. И палец о палец не ударил, чтобы не то чтобы спасти (спасти было нельзя), но хоть как-то оттянуть трагедию, предупредить...

И Вяземский заранее знал о готовящемся убийстве, но он сразу после смерти Пушкина стал в наглую помогать Натали Николаевны, ему только на руку был уход Пушкина, которому он смел завидовать как поэту!

Как видите, нет ничего тайного, что не стало бы явным.

Надо отдать должное, Государь Николай Павлович после убийства Пушкина не только его дочерей взял на полное содержание, в том числе и по замужеству, но и сыновей. И оба сына Александра Сергеевича на средства государя получили самое лучшее военное и светское образование.

— *А ведь ничего этого ни один ученик не узнает из школьного курса! Сколько лжи укоренилось в русской истории!*

— Колоссальный ущерб национальной безопасности и прежде всего духовной безопасности России нанесли лживые историки. Может показаться удивительным то, что я сейчас скажу о Николае Михайловиче Карамзине. Николай Михайлович был человеком умным, честолюбивым, тщеславным и невероятно циничным. Он как-то сказал: «Я не пишу историю, я её сочиняю». И об этом свидетельствует девятый том его Истории государства российского. Как известно, Пушкин отрёкся от Карамзина именно за его 9-й том. Эта книга — кость, которую Карамзин бросил разрушителям России.

— *А кого из историков XIX века Вы хотели бы отметить?*

— Я должна назвать двух историков, которых я люблю, которым доверяю, и которые внесли огромный вклад в дело правды. Это Игорь Яковлевич Фроянов и Сергей Владимирович Фомин.

Уникальны историки, которые после убийства Царской семьи «проросли» в эту тему. Это следователь Николай Со-

---

колов, который был обнаружен мёртвым в Париже 24 ноября 1924 года. И ещё князь Николай Давыдович Жевахов, двухтомник которого каждый русский человек должен прочитать.

Фёдор Михайлович Достоевский для меня неизмеримо больший историк, чем Николай Михайлович Карамзин. И мне очень грустно от того, что с Фёдором Михайловичем в 2021 году произошло то же, что и с Александром Сергеевичем Пушкиным в 1999-м, когда 200-летие поэта газета «Культура» отметила публикацией нескольких его стихотворений с громадным количеством рисунков какого-то грязного шелкопёра, на которых Пушкин изображён совершенно обнажённым. А Пушкинский музей в Хрущёвском переулке отметил юбилей поэта выставкой, которая называлась «Пушкин и деньги», «Пушкин и карты».

То же самое сегодня сделали с Достоевским в городе Старая Русса, о чём написала замечательная газета «Слово». Некая мадам Вера Брель, маникюрша, на Соборной площади нарисовала афишу для бистро «Раскольников» — с логотипом топора. И это в Старой Руссе, в городе, где Фёдор Михайлович с Анной Григорьевной Сниткиной жил каждое лето, где величайшая святыня — Старорусская икона Божией Матери. Это к слову о современной истории.

А в том же 1999 году наши заклятые друзья англичане сняли потрясающий фильм «Онегин» с гениальным Рэйфом Файнсом. А у нас такой позор!..

Как знать, быть может, это подсознательно была своеобразная месть англичан за «Гамлета» (1964) и «Короля Лира» (1970), гениальные экранизации Григория Козинцева, снятые в самые *застойные* годы и безусловно превзошедшие по глубине постижения экранизацию пэра Англии Керра Лоренса Оливье (1948). Говоря о великих советских экранизациях, не могу не вспомнить вышедший к 150-летию Болдинской осени фильм выдающегося советского режиссёра Михаила Абрамовича Швейцера «Маленькие трагедии», всё в те же «застойные» годы. После убийства Моцарта Сальери произносит: «Ужель он прав? И... гений и злодейство две вещи несовместные». Сразу подходит к клавиатуре и мощно берет два аккорда. В ответ — стук деревянных пальцев по дереву. Так будет и с нашими современными деятелями культуры и бизнеса (ведь теперь это одно). В один прекрасный день в их руках вместо смердящих, залитых кровью русского народа зелёных бумажек окажутся разбитые глиняные черепки.

И ещё. Никогда, ни в начале размножения у нас в стране так называемых православных психологов, ни, тем более, теперь я не принимала их, памятуя Александра Сергеевича

Пушкина. В сцене из «Фауста» бес так и произносит, обращаясь к Фаусту: «Я психолог». Пушкин нам оставил ВСЁ.

— *Елена Владимировна, как в современном информационном мире возможно спасти пушкинский великий русский язык?*

— Русский язык был уничтожен сначала киллерами, дилерами, брокерами, затем гаджетами. Но ещё страшнее внедрение русских слов, используемых для разрушения смыслов. Сначала через каждое слово все повторяли «как бы», затем «на самом деле», то есть сразу возникает ощущение раздвоения: это так на самом деле или «как бы». А теперь ещё это местечковое «дааа?» почти после каждого слова. Не каждый ребёнок сегодня, если ему дать лист бумаги, сможет написать «мама». Зато сможет наступать на компьютерных клавишах. Но! «Не бойся, малое стадо». В августе нынешнего года первому бойцу за сохранение нашего русского языка и нашего образования профессору Всеволоду Юрьевичу Троицкому исполнилось 85 лет. И он всё ещё на баррикадах! Многая, многая и благая лета! Надеюсь, его ученики продолжат святую борьбу своего учителя.

— *Елена Владимировна, Ваш постскрипtum к этому нашему посланию читателю...*

— Я рано начала... Уже в пятом классе я была редактором не классной, а школьной стенгазеты. Писала на четырёх листах ватмана: свои стихи, шаржи, отчёты — где, в каких походах мы были, куда собирались. Сколько себя помню, я всё время за всеми записывала. У меня не было никогда друзей сверстников, я «прилипала» к людям, которые были старше меня на сорок лет и более. Мне всегда хотелось быть с теми, у кого я могу чему-то научиться...

О чём бы мы ни говорили, о чём бы мы ни думали с Вами, всё вернётся к любви, ради которой — всё. Которая, с одной стороны, невыразима словами, но о которой оставил свидетельство в двух финалах своего гениального Первого послания к коринфянам апостол Павел, 13 глава. Два финала. Первый финал: и теперь пребудут сии три: вера, надежда и любовь. Казалось бы, всё сказано. И дальше он пишет второй финал: но любовь из них больше. И хотя, как сказал Блок, «жизнь и творчество несовместимы», но здесь тоже речь идёт о любви. Не потеряла я Алексея Валерьевича ни на одну секунду. Слова о том, что время лечит, для меня снова оказались ложью... Жизнь моя завершилась ещё одним свидетельством того, что главное, ради чего стоит жить, это любовь. Но, как и все дары Божии, это дано не каждому. Венцом моей судьбы стала жизнь с Алексеем Валерьевичем Артемьевым...

«Если счастье без любви невозможно, то, видно, ни покоя, ни воли не может быть без Родины» (И.С. Тургенев, «Дворянское гнездо»). Гоголь оставил нам апофеоз понимания этого через монолог Тараса Бульбы. Александр Сергеевич Пушкин говорил, что «Татьяна — это я» и «Татьяна — это Россия».

Всё — от любви и всё ради любви, и мир завершится только из-за оскудения любви, история человечества закончится тогда, когда окончательно оскудеет любовь. Вот когда замкнётся круг...

Сегодня культуры нет, а события культуры есть. У меня в руках книга отца Леонида Сафронова с картинами нашего великого художника Алексея Кондратьевича Саврасова, которого отец Леонид воскресил из небытия и вернул народу.

Для наших любезных читателей и для Вас, дорогая Ирина Владимировна, позвольте мне прочитать стихотворение Леонида Сафронова. На прощание.

*За нашей деревней, над речкою тихой
Прокатится солнце большим колесом, —
И сразу запахнет белая гречихой,
Зелёною рожью и синим овсом.*

*Зажгутся над речкой высокие звёзды,
В воде отразится их нежная дрожь.
И выйдешь тропинкою в синий овёс ты
И к белой гречихе в зелёную рожь.*

*И больше ты правду не спутаешь с ложью,
Чтоб жить не спеша, разбираться во всём,
Лишь только пропахнешь зелёною рожью
И белой гречихой, и синим овсом.*

*Когда упокоишься, в церковку Божию
Ты будешь деревней в гробу пронесён.
Твой гроб проплывёт над зелёною рожью,
Над белой гречихой, над синим овсом.*

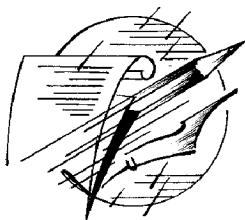
ГИБЕЛЬ СССР И МОЛЧАНИЕ КРЮЧКОВА

В СССР был человек, который мог изменить ход истории — председатель КГБ СССР Владимир Александрович Крючков. Известно, что в период 1989—1991 гг. он обладал достаточной информацией о предательской деятельности как Горбачёва, так и его ближайших соратников, а точнее подельников — Яковлева и Шеварднадзе.

Владимир Александрович имел возможность остановить эту «тройку», но занял весьма странную позицию. Началось всё с Александра Николаевича Яковлева. Напомню, что уже в 1989 году советским спецслужбам стало известно, что он занимал выгодные для Запада позиции, противостоял «консервативным силам» в СССР, и Запад мог твёрдо рассчитывать на него в любой ситуации.

Крючков доложил эту информацию Горбачёву. Однако тот хоть и «задергался», но в итоге предложил главе КГБ лишь поговорить «по душам» с Яковлевым. Разговор окончился ничем. Яковлев только молчал и горестно вздыхал. Крючков доложил об итогах разговора Генсеку, но тот предпочёл «замять» ситуацию.

Спустя некоторое время, Владимир Александрович вновь доложил Горбачё-

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

ву о том, что по линии разведки и контрразведки поступили важные материалы о содержании его переговоров с президентом Бушем-старшим на Мальте в декабре 1989 года. Информаторы КГБ и ГРУ утверждали, что в ходе этих переговоров Генсек дал согласие изменить политический строй в СССР, коренным образом пересмотреть отношения СССР с западными странами, не препятствовать включению ГДР в состав ФРГ и выходу Прибалтики из Союза. Это подтверждали и статьи, появившиеся в западных СМИ.

Выслушав информацию, Горбачёв спросил: «А где вы это достали?» На ответ Крючкова, что так информируют достоверные источники, добавил: «Ну, мало ли что там пишут...» Глава КГБ «согласился» и с таким ответом Генсека. У него не вызвала никаких сомнений странная реакция руководителя партии и государства на две весьма важные и тревожные информации.

Даже когда стало ясно, что президент СССР «сдает» Западу позиции СССР, глава КГБ не сделал должных выводов. В этой связи возникает вопрос: а как в подобной ситуации действовал бы директор ФБР или глава ЦРУ? Несомненно, они незамедлительно проинформировали бы Сенат и Конгресс США о явной нелояльности президента.

Информацию о разговоре с Горбачёвым по поводу Мальты Крючков озвучил только в 2001 году в интервью корреспонденту «Литературной газеты» Дмитрию Беловецкому. При этом добавил, что «Горбачёв всегда был предателем партии и страны». Верная констатация, но, как говорят, дорога ложка к обеду.

Странное поведение Крючкова в 1990—1991 гг. пытаются объяснить по-разному. В том числе и тем, что он безгранично верил Горбачёву. Однако этим оправдывать бездействие главы КГБ в период, когда стало очевидным явное предательство главы государства, невозможно...

Замечу, что тогда ситуация сложилась более чем странная. Подчиненные председателя КГБ хорошо осознавали происходящее в стране, а их шеф пребывал в святом неведении. Об этом свидетельствует следующий факт. 23 февраля 1990 года собрание представителей подразделений Центрального аппарата КГБ СССР обратилось к Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю ВС СССР М. Горбачёву с заявлением: «...В чекистских коллективах выражается недоумение по поводу того, что руководящие органы страны, располагая упреждающей информацией о назревающих негативных явлениях, явно запаздывают с принятием жизненно важных политических решений, проявляют медлительность и нерешительность, не используют силу действующих ныне законодательных актов.

Затягивается принятие ряда важных для общества законов, в том числе по вопросам усиления борьбы с организованной преступностью, о Комитете государственной безопасности СССР, о преступлениях против государства, о преступлениях против мира и безопасности человечества. Отсутствие этих законов лишает правовой основы борьбу с наиболее опасными формами организованной преступности, коррупцией, с преступлениями в сфере внешнеэкономической деятельности, не позволяет эффективно обеспечить безопасность государства и граждан...»

Заявление чекистов Горбачёв не удостоил ответом. Кстати, об этом заявлении было хорошо известно Крючкову, и молчание Генсека давало ему право публично поставить перед Горбачёвым вопросы, которые были изложены в заявлении. В КПСС такая практика была достаточно распространённой. Руководитель любого уровня всегда использовал возможность публично поддержать сбалансированную критику, высказанную его коллективом в адрес вышестоящих органов.

Это существенно повышало его авторитет и в то же время выводило из-под «удара», так как он лишь ретранслировал мнение коллектива. Напомню, что в период перестройки озвучивание мнения «снизу» представлялось важнейшим элементом «гласности». Поэтому имели место случаи, когда руководители сами инспирировали заявления от коллективов.

Следует также иметь в виду, что Крючков являлся членом Политбюро ЦК и депутатом Верховного Совета СССР, что предоставляло ему немало возможностей воздействовать на главу советского государства. Не вызывает сомнений, что если бы Владимир Александрович публично озвучил лишь некоторые факты предательской политики Генсека и президента, то, возможно, история нашей Родины развивалась бы по-другому. А Горбачёв доживал жизнь не в роскошном баварском замке, а в тюремной камере.

Несколько слов о публичных выступлениях Крюčkова. Он с тревогой, но весьма обтекаемо выступил на XXVIII съезде КПСС (июль 1990 года), когда вопрос стоял о том, тем ли путем идет страна?

Выступал он и на знаменитом IV съезде народных депутатов СССР (декабрь 1990 года), когда стало ясно, что Горбачёв не только не справляется со своими обязанностями, но и противодействует выправлению положения в стране. На этом съезде Владимир Александрович не осмелился поддержать выступление Сажи Умалатовой, хотя потом расценил его как подвиг.

Выступал Крючков и на апрельском (1991 год) Пленуме ЦК, когда стоял вопрос об отстранении Горбачёва от долж-

---

ности. Но вновь обошел стороной вопрос об ответственности Генсека за происходящее в Союзе.

Накануне, 17 июня 1991 года Владимир Александрович на закрытом заседании Верховного Совета СССР вновь говорил о внешних силах, активно действующих по созданию бедственного положения в стране. Он констатировал, что «наше Отечество находится на грани катастрофы».

Подтверждая свое высказывание, председатель КГБ озвучил секретную записку Юрия Владимировича Андропова «О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан», датированную 1977 годом.

В записке говорилось о том, что «американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза. ЦРУ разработало программу индивидуальной подготовки агентов влияния, предусматривающую приобретение ими навыков шпионской деятельности, а также их концентрированную политическую и идеологическую обработку».

Также в записке подчеркивалось, что основное внимание ЦРУ будет обращено на советских граждан, «способных по своим личностным и деловым качествам в перспективе занять важные административные должности» в партийном и советском аппаратах.

Известно, что к моменту выступления Владимира Александровича на Верховном Совете «агенты влияния» были уже подготовлены, внедрены на соответствующие должности и вели «соответствующую» работу. Поэтому действовать надо было без промедления. Однако Крючков ограничился рассуждениями на общие темы.

Если бы за его выступлением последовали действия КГБ по обезвреживанию агентов влияния, то можно было бы понять позицию Владимира Александровича. Накануне операции по обезвреживанию врагов недопустимо разглашение их фамилий. Но и после выступления шефа КГБ на закрытом заседании Верховного Совета так ничего и не последовало.

Напрашивается вывод. Видимо, агенты влияния были слишком могущественными людьми. Об этом мне как-то намекнул один из бывших замов председателя КГБ. Этот вывод косвенно подтвердил генерал КГБ Юрий Иванович Дроздов. Он, ссылаясь на американского разведчика, заявил корреспонденту «Российской газеты» (31 августа 2007 года) о том, что ЦРУ и Госдепартамент США имели в СССР «агентуру на самом верху».

Но в таком случае единственным способом, которым эту агентуру следовало обезвредить, было оглашение их фамилий. Напомню, что в 1981 году в Италии таким образом удалось предотвратить правый государственный переворот, который готовили члены тайной масонской ложи «П-2». Для этого оказалось достаточным опубликовать список с фамилиями 962 членов этой ложи.

В «П-2» входили три министра тогдашнего правительства Италии, руководители всех трех итальянских спецслужб, политический секретарь социал-демократической партии, заместитель министра обороны, президент объединения итальянских промышленников «Конфиндустрия» и т.д.

Самую многочисленную часть ложи составляли военные. Например, начальник генерального штаба министерства обороны Италии, заместитель главнокомандующего военно-морскими силами НАТО в Южной Европе и другие. И, тем не менее, оглашение списка заговорщиков-масонов поставило крест на их планах. Этот скандал в Италии, несомненно, был известен Крючкову.

Не вызывает сомнений, что ему также было известно о международной встрече делегаций органов госбезопасности социалистических государств, состоявшейся в 1974 году в Гаване. На ней особый интерес вызвало выступление начальника контрразведки социалистической Чехословакии Мольнара. Цитату из его выступления привел в своей книге «Как готовили предателей...» первый заместитель Крючкова Филипп Денисович Бобков, участник встречи в Гаване.

Мольнар тогда заявил: «Хочу предупредить вас, что настоящая опасность наступит тогда, когда на сотрудничество с противником пойдут представители властных структур, лица, стоящие у власти. Мотивы их сближения с противником могут быть разными. Это может быть стремление найти гарантии укрепления личной власти, слабая убежденность в социалистическом мировоззрении, научная неподготовленность... Говорю это на опыте моей Чехословакии. Мы пережили то, что творили руководители государства во времена Дубчека, то, что делал он сам. И органы государственной безопасности не могли препятствовать тому, что вело к гибели строя. Мы не могли выступить против власти, потому что народ верил власти, а не тем, кто выступает против нее. Тем более что они прикрывались клятвами в верности идеям Маркса и Ленина, утверждали на словах социализм, борясь с изъянами прошлого. Стать «переворотчиками» мы не могли. Хочу предупредить и призвать вас подумать, как поступать в таких случаях. Одно дело подпольная борьба отдельных лиц или групповых формирований, которые вступили в сотру-

---

ничество с противником. И совсем другое, когда происходит изменение позиций руководителей партии и государства в сторону от социалистического пути развития. Ревизионизм охватывает высшие эшелоны власти...»

Абсолютно ясно, что ситуацию в 1991 году можно было изменить только в случае, если бы Крючков назвал фамилии. Тем более, что председатель КГБ СССР к тому времени уже располагал списком агентов влияния Запада. Это был так называемый «Список 2200» или «Список Крюčkова». Именно столько в нем фигурировало агентов. Утверждают, что начинался он с фамилии А.Н. Яковлева. Обычно при упоминании этого списка у многих на лице отражается скептицизм. Однако сегодня существуют достоверные свидетельства того, что такой список существовал.

В марте 2011 года уже упомянутый Юрий Иванович Дроздов в интервью «Российской газете» (17 сентября 2010 года) сообщил, что «так называемый «Список Крюčkова» с именами этих людей из американской агентуры не был высосан из пальца». На уточняющий вопрос корреспондента «РГ» Николая Долгополова Дроздов ответил: «Я не считаю, я уверен в этом. Подтверждение — наши агентурные материалы».

Почему же публичные выступления Крюčkова не возыме-ли должного эффекта? Почему они оказались гласом вопиющего в пустыне? Ведь они, казалось бы, были проникнуты озабоченностью судьбой Советского Союза. Прежде всего потому, что проблемы преподносились им в общих чертах, без конкретных фактов и фамилий.

Я помню свою реакцию на выступления Крюčkова, да и реакцию тех членов ЦК КПСС и народных депутатов ВС СССР, с которыми я общался. За годы советской власти мы привыкли, что советскую общественность периодически информировали о «коварных» планах Запада. Но тем дело и кончалось, происки врагов всегда успешно пресекались.

В 1990—1991 гг. всех успокаивало то, что председатель КГБ выступал в присутствии Генсека. Следует иметь в виду, что 27 ноября 1990 года министр обороны Маршал Советского Союза Язов выступил по ЦТ с заявлением об угрозе ослабления обороноспособности страны. Выступал он, как известно, по указанию президента СССР.

Какой из этого следовал вывод? «Наверху» ситуацию контролируют. Соответственно, все были уверены, что Горбачёв поручил главе госбезопасности проинформировать коммунистов и народных депутатов СССР о том, что КГБ не «дремлет» и контрмеры будут своевременно приняты.

В силу этого публичные выступления Крючкова о «присадах врагов» воспринимались без обеспокоенности. Почему этого не осознавал сам председатель КГБ СССР, до сих пор неясно. В этом плане более чем странной выглядит инициатива создания Крючковым в августе 1991 года Государственного Комитета по Чрезвычайным Ситуациям — ГКЧП, который поставил роковую точку в судьбе СССР.

Причем поведение главы КГБ в период действия ГКЧП, а именно он был организатором и главной движущей пружиной этого Комитета, невозможно расценивать иначе как граничащее с предательским.

...К июлю 1991 года Союз стал трещать по швам, несмотря на то, что большинство граждан СССР в марте того же года однозначно высказались за Союз. Достаточно сказать, что в октябре 1990 года даже Иркутская область заявила о суверенитете. Помимо этого фактически обрушилась экономика Союза.

В интервью газете «Комсомольская правда» (18 августа 2011 года) бывший министр печати и информации России Михаил Полторанин напомнил, что в этот период «людям нечего было есть, носить, обувать. Ни мыла, ни полотенец, простыней, носков. На складах всё это лежало, но в магазины почему-то не попадало». Аналогичное положение было и с продовольствием.

По моим сведениям, Горбачёв и Крючков были осведомлены о том, что в стране специально создается дефицит. Но никаких мер по устранению такого положения не предпринималось. В итоге июль 1991 года стал месяцем беспрецедентных для КПСС мятежных пленумов и собраний. Тот же Полторанин утверждает, что комиссия по рассекречиванию документов КПСС, которую он возглавлял, обнаружила впоследствии в архивах более десяти тысяч гневных телеграмм с выражением недоверия Политбюро и лично Генеральному секретарю ЦК и требованием проведения внеочередного съезда КПСС.

Этот съезд стал бы последним для Горбачёва и его команды. Перспективы для него в этом случае вырисовывались весьма печальные. Простой отставкой Генсек не отделался бы. Для «горбачёвцев» стало ясно, что выход — только в ликвидации КПСС. Однако нужен был повод, масштабная провокация, такая, как силовая акция в Вильнюсе в январе 1991 года.

Вот так появился план явить на политическую арену ГКЧП, который якобы попытается спасти страну от развала. Ну а после его фиаско рассчитаться с противниками Горбачёва вплоть до запрета КПСС. Не случайно генерал Александр Лебедь в своих мемуарах «За державу обидно...» (1995 г.) писал: «Путча как такового не было. Была гениально спланированная и блестяще осуществленная, не имеющая аналогов провокация, где роли

были расписаны на умных и дураков. И все они, умные и дураки, сознательно и бессознательно свои роли выполнили».

Бывший премьер-министр СССР Валентин Павлов прямо обозначил главного организатора августовского путча названием своей книги «Август изнутри. Горбачёв путч». В этой книге Павлов привел ряд фактов, которые свидетельствуют о непосредственной причастности президента к августовским событиям.

В 1996 году в интервью газете «Правда» (12 апреля 1996 года) Валентин Павлов сообщил, что само название ГКЧП предложил президент: «...персональный состав комитета своей рукой написал сам Горбачёв. Вроде как предположение, кто может в него войти. Того же А. Лукьянова предусмотрительно вписал в список под знаком вопроса».

Павлов утверждал, что Горбачёв был постоянно в курсе дела относительно подготовки к ГКЧП. По его словам, президент знал, что будущие члены Комитета 17 августа собрались на «объекте АБЦ» (служебная дача КГБ) и позвонил туда Крючкову, чтобы дать последние наставления.

Валентин Сергеевич так описал эту ситуацию: «Собрались мы спонтанно, так сказать, экспромтом. Минут через пятнадцать после моего появления в садовой беседке Крючкова попросили к телефону. Уходя, он обронил странную фразу: «Это звонит Горбачёв из Фороса. Он знает, что мы уже собрались...»

Видимо, горбачёвские напутствия и объясняют странное поведение главы КГБ в период действия чрезвычайного положения. Ему прекрасно было известно, что главная опасность для ГКЧП исходила от президента России и его команды. Тем не менее Крючков дал возможность Ельцину 19 августа утром выехать из Архангельского, где находилась его дача, и беспрепятственно добраться до Белого Дома.

<https://clck.ru/WuuFj>

Владислав Николаевич Швед родился в Москве. С 1947 года проживал в Литве. С 1990 года — второй секретарь ЦК Компартии Литвы, член ЦК КПСС. Председатель Гражданского комитета Литовской ССР, защищавшего права русскоязычного населения. Депутат ВС Литвы. В декабре 1991 г. отказался поменять гражданство, был лишен мандата депутата Сейма и арестован. По причине отсутствия улик и под воздействием общественного мнения выпущен на свободу. В 1998—2000 гг. — руководитель аппарата Комитета Госдумы по труду и социальной политике. Действительный государственный советник РФ 3-го класса. Автор книги «Катынь. Современная история вопроса» (2012 г.).

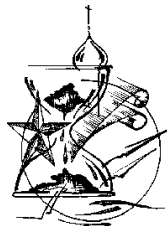
ПРОЖЕКТЫ, ДАЛЁКИЕ ОТ ЖИЗНИ

Министр обороны РФ Сергей Шойгу предложил построить в Сибири три-пять городов с населением до одного миллиона человек и перенести туда столицу России. Об этом он заявил на встрече с научной общественностью Сибирского отделения РАН в Новосибирске. В связи с предложением Шойгу возникает несколько вопросов.

Зачем переносить столицу в Сибирь, если американским ракетам всё равно, куда лететь? Для снятия угрозы наземного захвата Москвы нужно отодвинуть войска НАТО на границу соприкосновения 1974 года, а для этого дешевле помириться с Кубой, чем переносить столицу. Несколько сотен ракет на острове — и всё в порядке, но для этого нужно быть хотя бы Хрущёвым.

Города просто так не строят. В них должны жить и работать люди, поэтому нужно сначала подумать о том, что в этих городах будет производиться

А нужны ли эти три или пять новых городов в Сибири? К тому же где взять 5 миллионов человек. Выселить их из Москвы, или это стратегический план спасения русской столицы от мигрантов?

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

В Сибири достаточно городов, и если не созданы новые, значит, в них не было необходимости. Заселять нужно Дальний Восток.

Омск — город-миллионник. Мой омский родственник ездил 20 лет на заработки в Москву. Почему в Москве зарплаты выше, чем в Сибири? В СССР было по-другому. Для привлечения рабочей силы были установлены районные коэффициенты. Сделайте зарплату в России выше, чем в Москве, и народ поедет в глубинку.

На прямой линии в 2021 году Владимир Путин сказал, что перенос правительства России в Омск не решит проблем региона, но допускал, что из Москвы в Сибирь стоит перевести определенные федеральные структуры или офисы крупных компаний.

В Тюмень можно перевести Газпром. Дополнительные 80 миллиардов рублей повысят привлекательность УРФО, но собрание акционеров ПАО «Газпром» утвердило решение сменить место нахождения (регистрации) Общества с Москвы на Санкт-Петербург, внося изменение в Устав компании. Об этом сообщило управление информации ПАО «Газпром». Более 50% его акций принадлежит государству, которое ещё может поддержать президента и министра обороны. Газпром должен быть в Тюмени, потому что в Тюмени есть автобусная остановка «Газпром».

Площадь Москвы составляет 0,01% от площади России. Площадь УРФО составляет 10,62% от территории РФ. Численность населения города, по данным Росстата на 2021 год, составляет 12 655 50 жителей. Население УРФО 12 329 500 чел.

С точки зрения гражданской обороны, концентрация населения и управленческих структур в Москве опасна для существования России. Москву надо расселять и не в Петербург, а в Сибирь.

Весомой долей в постоянный рост населения Москвы является активный приток иммигрантов из других регионов России и стран ближнего зарубежья. С 2008 года в Москве постоянно находится не менее 1,5 миллиона нелегальных трудовых мигрантов и 1,8 миллиона зарегистрированных временно проживающих граждан. За 2019 год в многофункциональном миграционном центре в Сахарове было оформлено и переоформлено 427 тысяч патентов. Большинство из них было оформлено для граждан Киргизии.

Судя по этим данным, Москва строится мигрантами для мигрантов. На стратегических объектах, к которым относятся и аэропорты, мигранты не должны работать. Может возникнуть вопрос: «Кто тогда будет работать?» На этот вопрос

ответ простой. Несколько дней на телевизионных ток-шоу обсуждалось избиение русского мальчика в Киргизии, в которой живёт 341 тысяча русских. Русских — в Россию! Киргизов — в Киргизию. Также и с остальными мигрантами.

В Москве мигранты работают дворниками, потому что москвичи не хотят заниматься этой работой. В моё время многие студенты подрабатывали дворниками. Мигранты лишили их работы. За время учёбы я работал проводником на пригородных электричках, маркшейдерским рабочим на строительстве станции «Шоссе энтузиастов», монтером пути в метро, грузчиком на овощебазе и в ресторане аэропорта «Домодедово».

В настоящий момент стоит задача не строительства новых городов, а сохранения существующих от бегства населения в Москву. А для этого нужны высокооплачиваемые рабочие места за Уралом.

Вместо этого URA.RU сообщает о том, что в Тюмени готовится ликвидировать обанкротившийся «Антипинский нефтеперерабатывающий завод». Одновременно Минэнерго попросило кабмин запретить на 3 месяца экспорт бензина, и при этом банкротится завод, производящий бензин. Что-то похожее было перед «революцией» 1991 года. В стране с плановой экономикой в одно время на профилактический ремонт остановили все табачные фабрики, и на сигареты пришлось вводить талоны, что вызвало недовольство населения властью.

Возвращение русских в Россию позволит повысить численность населения в Сибири, но есть ещё одно направление по увеличению численности населения Дальнего Востока.

Ежегодно по телевидению показывают репортажи о проблемах выпускников детских домов, которым дают непригодное для жизни жильё и порой обманным путём лишают их положенного по закону жилья. Есть предложение создать для них компактное поселение на Дальнем Востоке, с созданием производственных мощностей. Проблема обманутых выпускников детдомов исчезнет, и в то же время начнётся заселение малонаселённых районов страны.

Был в Уссурийске два раза. Летом и зимой. Лето как лето, но зима меня удивила. Я не почувствовал тридцатиградусного мороза.

Для комфортной жизни в Сибири нужно остановить лесные пожары. Шойгу, будучи министром МЧС, этого не смог сделать, потому что в одном интервью сказал, что есть ребята, которые за сто рублей поджигают лес, а другие за 400 рублей его тушат.

Чтобы решить проблему, нужно изменить систему оплаты. Премии только за отсутствие пожаров.

Для борьбы с подтоплениями в МЧС должны появиться профессиональные гидрологи, которые будут не только *мониторить* ситуацию, но и разрабатывать проекты по предотвращению паводковой угрозы населённым пунктам.

В настоящий момент единственно, что делают мчсники, так это строят дамбы. В середине семидесятых годов по ТВ показали документальный фильм, в котором рассказывалось о том, что для спасения деревни от наводнений построили дамбу, но после её строительства деревню смыло совсем.

Перед выборами любые идеи хороши для привлечения избирателей на свою сторону, но надо помнить, что после выборов нам жить в России.

Прохор ВЯЗЕМСКИЙ

ПОЛИТИКА РУССОЗАМЕЩЕНИЯ

Из публикаций в СМИ стало известно о планах Министерства сельского хозяйства России сдать в долгосрочную аренду Узбекистану 1 миллион гектаров ныне невозделываемых сельскохозяйственных угодий в 35 регионах России. И это при том, что недавно Узбекистан отказался подтвердить своё членство в ОДКБ.

Возможно, за этим стоит попытка решить действительно серьёзную проблему обезлюживания русской глубинки, сёл и малых городов, приводящая к заброшенности многих сельскохозяйственных земель Центральной России.

Однако планы вовлечения этих земель в хозяйственный оборот путем аренды Узбекистану, предложенные Минсель-

---

хозом России, дают сиюминутный результат, но не решают проблемы по существу, а создадут новые, гораздо более тяжёлые проблемы.

В предложенном варианте Россия получает взамен только деньги, лишаясь части своих сельхозземель и выращенной на них продукции. Но в эпоху нестабильности и финансовых кризисов деньги сами по себе не являются ценностью. Значение имеют только реальные активы, в том числе сельскохозяйственные угодья и получаемые на них продукты, которые достаются Узбекистану.

Долгосрочная, на десятки лет, аренда земли приведёт к переселению в малые города и сёла России миллионов мигрантов-узбеков вместе с семьями. Одновременно с этим озвучиваются планы привлечения на стройки в большие города ещё нескольких миллионов трудовых мигрантов дополнительно к находящимся в России.

При этом уже сейчас власти не вполне контролируют ситуацию, так как даже не знают количества легальных и нелегальных мигрантов в России (разные источники приводят цифры, различающиеся на несколько миллионов). К ним массово приезжают их жены с многочисленными детьми. Это уже не трудовая миграция, а переселение народов.

В СМИ уже появился термин «руссозамещение».

Уже сейчас делаются попытки создавать «халяльные поселки» в Подмосковье, на территории которых будут действовать законы шариата. Если в Россию переедут ещё миллионы мигрантов из Средней Азии, то такие поселки будут появляться повсеместно.

Увеличение числа мигрантов напрямую связано с увеличением числа совершаемых ими против представителей коренного населения преступлений. При этом складывается впечатление, что представители власти больше всего озабочены тем, чтобы не привлекать к этому внимания.

Далеко не все трудовые мигранты являются экстремистами, но и экстремистов, ведущих в диаспорах пропаганду своих взглядов, хватает. По некоторым оценкам, среди мигрантов уже существуют подпольные террористические и боевые организации, ожидающие своего часа.

В новейшей истории есть печальный пример Сербии, когда поощряемая властями миграция мусульман-албанцев в Косово привела к гражданской войне, в ходе которой коренное население края — православные сербы — были изгнаны со своей земли.

Катаклизмы такого рода не обходятся без кровопролития и затронут всех, в том числе богатых и облечённых властью.

Как можно призывать к стабильности и одновременно своими руками создавать предпосылки для потрясений?

Разве стоит строить в России множество православных храмов для того, чтобы в недалёком будущем они стали мечетями?

Чтобы избежать худшего сценария, необходимо отказаться от порочной практики «руссозамещения». Это сложно, но пока выполнимо.

Да, существуют проблемы низкой рождаемости, пьянства, деградации коренного населения. Но их нельзя решить за счет миграции мусульман в Россию, путём создания здесь какого-то Северного Узбекистана — это путь к катастрофе.

Необходимо определиться с реальной численностью мигрантов и начать поэтапное сокращение их количества в России.

Необходимо вкладывать средства в развитие русского народа и других братских коренных народов России, которые находятся в одинаково сложном состоянии. Не стоит на это жалеть средства, это вложения в наше будущее.

Для того чтобы возродить сельское хозяйство Средней России, надо отказаться от порочной стратегии собирания населения в крупные мегаполисы. Это приводит к привлечению новых миллионов мигрантов на стройки, многие из которых остаются здесь на постоянное жительство, и к обезлюживанию Средней России. Чтобы выйти из этого порочного круга, стройкомплекс вместо коммерческого жилья в Москве должен возводить дороги, школы, промышленные и сельскохозяйственные предприятия, в том числе в «глубинке».

Необходимо вкладывать средства в развитие малых городов и сёл, создание автоматизированных промышленных предприятий в райцентрах и возрождение сельхозпредприятий. Современная роботизированная сельхозтехника, так же как и промышленные предприятия, не требует такого большого количества рабочих рук, как это было раньше.

Необходимо не на словах, а на деле начать решать проблему пьянства и наркомании, которые часто бывают следствием безысходности и отсутствия перспектив.

Должна быть реальная, на деле, помощь многодетным семьям, вложение необходимых средств в образование и здравоохранение не только в Москве и мегаполисах, но и «до самых до окраин», возможность для мужчин честным трудом содержать семью, в том числе и многодетную. Всё это поможет русскому народу и другим братским народам России выйти из той демографической «ямы», в которую они попали.

Это тяжело, но с Божьей помощью, выполнимо, было бы желание.

Если же вместо этого проблемы по-прежнему будут решаться путем завоза мигрантов, то впереди нас ждёт новое Косово и конец существования той исторической России, которую мы знаем.

Алексей ОЩЕПКОВ,
Евгений ХОВАНСКИЙ,
иерей, магистр богословия

О ФЕНОМЕНЕ «СТРЕЛКОВ»

Шокирующая история, произошедшая в Пермском университете, вновь заставляет нас задуматься о моральном состоянии общества, в первую очередь, — молодежи. Закономерной реакцией являются и поиски путей, которые избавят наше общество от участившихся случаев колумбайна и сработают на формирование созидательных моральных установок. Многие по традиции сетуют на недостаток религиозности или на отход от принципов социализма. Люди ищут некие универсальные рецепты преобразования общественной морали. Но нужно понять, что подобных рецептов нет.

Христианское понимание падшести мира и свободы человеческой воли говорит нам о том, что человек всегда стоит перед нравственным выбором. Победить зло мы попросту неспособны. Способны лишь постоянно с ним бороться. Взять в руки оружие и лишать других жизней человек может и исходя из своих религиозных убеждений или ради борьбы за некое справедливое будущее. Тут важно понять, что, видя врага только вне себя, человек забывает о внутренней борьбе, которая нужна ему, чтобы не превратиться в демона. Понимание этого и есть одно из главных сокровищ, которые даёт христианская вера. И чтобы понять, почему случаев бесчеловечных массовых убийств становится всё больше, мы должны дать оценку основным идейным установкам, которые двигали обществом в недавнем прошлом.

Можно сказать, что гуманистический проект провалился. Речь здесь не о христианском гуманизме, призывающем в каждом видеть Божие творение, а о гуманизме светском, самодовлеющем. Попытка смотреть на человека как на ценность саму по себе привела к реальному обесцениванию человеческого достоинства. Человек постмодерна — это продукт рыночной индустрии, вечный невротик, клубок страстей и панических атак. Попытка рассмотреть человека как высшую ценность лишила его осознания свободы воли и нравственного выбора. Он теперь не раб Божий, а раб корпораций, подсовывающих ему антидепрессанты и позиционирующих его как вечно зависимого. При этом много говорят о личности, но эта личность редуцируется к комплексу аффектов, так как ничего выше этого уже не воспринимается.

Говоря о тотальной свободе, человека лишили реального выбора творить добро или зло. Это стало следующим шагом после того, как Маркс объявил человека продуктом общественных отношений. Но от полного растворения в страстях и скатывания в демонизм коммунистов спасали свои метафизика и эсхатология, многое заимствовавшие из христианства. У глобализма же, стоящего на идеологии потребления, метафизики и эсхатологии нет. Ведь потребительское общество также зовёт в светлое будущее «Нового дивного мира», но понимание светлого будущего идёт от идеологических установок. Поэтому именно русско-православный архетип, впитанный с молоком матери, способствовал преобразованию демонического коммунизма раннего СССР в Советский социализм с человеческим лицом. Человек лишается рая, он обречён на вечный ад материальных желаний и поиска пути их удовлетворения.

Поборники светского гуманизма могут возразить, указывая на акты жестокости некоторых представителей Церкви, творимые в разные эпохи от имени Церкви. История знает многое. Важно это осознать. Главное, что Церкви удавалось сдерживать градус насилия в обществе. Представьте себе, какой была бы история нашей страны, не будь в ней постоянной проповеди Евангелия? Нужно чётко понимать, что отказ от христианских основ автоматически понижает моральную планку у человека. Нельзя выплескивать с водой младенца. Провозглашение всеобщей эволюционности и релятивизма вообще, исключает какие-либо категорические запреты и моральные императивы.

Участившаяся по всему миру стрельба в школах и вузах — это вызов, на который наше общество должно ответить. И ответить не большим ужесточением и запретительными ме-

---

рами. Кто даст гарантию, что полицейский или гвардеец, поставленный следить за безопасностью, сам не начнёт стрелять? Вопрос нравственного выбора каждый может решить только внутри себя. Но для этого важно, чтобы общество обладало и продвигало незыблемость моральных установок, провозглашённых в Евангелии.

В современном мире изменился подход к просвещению. Учительство и ученичество издревле понимались сакрально. Школы и университеты были своего рода храмами знаний, процесс их передачи был таинством, а педагог был не просто источником знаний, но часто еще и наставником. Но современное образование сперва превратилось в конвейер, а потом стало пониматься как услуга, что полностью десакрализовало учебный процесс и свело его к статусу товарно-денежных отношений. Педагог, понимаемый как представитель «сферы услуг» в современном обществе поставлен на низкую ступень в социальной иерархии. Это выражено и в нищенских зарплатах, и в постоянной отчётности, отнимающей время и силы от собственно учительства. Уже почти не осталось Учителя и Ученика с большой буквы, остались заказчик и исполнитель, а роль последнего стала чисто служебной. Со всем этим ушло отношение к просвещению как к обязательному нравственному росту человека. Главное в современном образовании (о чем заявляют известные идеологи рынка, например, Герман Греф) — это штамповка кадров для рынка труда. Греф и ему подобные не раз высказывались, что им не нужны развитые и образованные люди, нужны тупые оболваненные исполнители. Показательным стало назначение «лицом» Сбера тиктокера Дани Милохина, достижения которого в области российской культуры — ну очень сомнительны! При этом чуть было не осталось без внимания прорывное изобретение юного екатеринбуржца Даниила Казанцева, которое может реально помочь людям, не имеющим возможности говорить.

Где нет требований морального роста, там автоматически есть моральная деградация, а рассмотрение учителя и ученика с позиций товарно-денежных отношений лишает их достоинства человека.

В последнее время всё быстрее проникает во все сферы жизни общества цифровизация. Футурологи и фантасты давно предупреждали людей о грядущей власти над ними машин. Искусственный интеллект, проникающий во все сферы жизни, сглаживает в восприятии отличие живого от неживого. Так, человек может перестать видеть человека в другом. Сейчас много говорят о вреде, приносимом компьютерными играми, имитирующими военные действия. Помимо внешне реалистичной

картины крови и смерти происходит потеря экзистенциально-го осознания смерти (кстати, этот аспект вытесняют из жизни людей давно: за 30 лет резко сократилось затрачиваемое время на проводы «в последний путь»). Дети и раньше играли в войну. Без компьютеров. Война — это одна из сторон человеческой жизни, а игра — это способ познания этой жизни. Поэтому, в играх в войну нет ничего противоестественного. Ребенок познаёт мир. Но живые игры в войну строились по принципу субъектных отношений, а не объектных, как на компьютере. Помимо вживания в образ солдата, командира, медсестры, ребёнок должен был пытаться воспроизвести чувства человека перед смертью. Он должен был сыграть и смерть! А значит, в какой-то мере, пережить. Компьютер показывает игроку лужи крови, искалеченные тела, но он не позволяет «прожить» эту ситуацию! И стрелок-колумбайнер будет видеть и в реальности те же картинки, что видел на компьютере, а не смерть.

Между колумбайнерами и террористами-бомбистами девятнадцатого века немало общего. Последними, от рук которых гибли в основном простолюдины, двигателя, очевидно, не жажда правды и справедливости, а банальная агрессия. Те террористы были нравственными предвестниками т.н. «русских революций», — страшного потрясения для страны и народа. Для революционеров прошлого был так же характерен нарочитый атеизм и презрение к морали. Осознавая этот исторический опыт, стоит подумать о современных тенденциях ещё больше. Героизация террористов в советскую эпоху и явилась тем самым домом на песке, не позволившим советскому государству просуществовать и сотни лет.

Прошлый век всё больше погружал в войну некомбатантов. Если в традиционных воинских кодексах напасть на безоружного было недостойным, то под коврами бомбардировками войн прошлого и нынешнего веков стало гибнуть всё больше мирных людей. Следующим шагом стали действия, уже направленные конкретно против детей! Первым таким чудовищным актом стало нападение на школу в Беслане первого сентября 2004 года.

Хотя общественно-политические основания колумбайна в России и, например, террористов в Беслане совершенно разные, но с духовно-мистической точки зрения это вещи одного порядка. Они, с одной стороны, высвечивают назревающие духовно-нравственные гнойники в обществе, которые, к сожалению, требуют врачевания в виде подобных нарывов. К сожалению, мы не извлекаем из них даже духовных уроков. Вот так эпоха, сделавшая знаменем десакрализацию жизни человека, лишила саму жизнь ценности.

СДЕЛКА С ДЬЯВОЛОМ

31 августа актриса Мария Шукшина получила орден «За заслуги перед Отечеством» первой степени. Награду вручил премьер-министр Михаил Мишустин. Дочь известного актёра и режиссёра Василия Шукшина сказала свою благодарственную речь, которая многим явно не понравилась. Вот фрагмент из нее: «Чтобы с гордостью носить эту медаль на груди («За заслуги перед Отечеством»), надо про Отечество и говорить, говорить правду. А правда в том, что у нас, простите, беда в сфере близкой мне — культуре. И вирус бескультурья гораздо опаснее, чем модный сегодня коронавирус. Опаснее тем, что от него никто не умирает, но выкашивает он целые поколения...»

Полное выступление Марии Васильевны есть в интернете. Скорее всего, это была даже не речь, а крик души истинного патриота, болеющей за Россию, за её будущее. Стоя у микрофона в зале Кремля, актриса прекрасно понимала, что после всего, ею сказанного, конечно же, премьер-министр не побежит к президенту доложить о том, что у нас в стране упадок культуры и духовности. А тот в свою очередь не сделает звонок министру культуры, благодаря которому, возможно, удастся избежать катастрофы в упомянутой ею сфере. Скорее всего им двоим это даже и не под силу. Трагедию краха российской культуры и духовности видят все те, кто хочет это видеть, но почему-то вслух об этом не говорят. А вот Мария не смогла молчать, она указала на неизлечимую болезнь общества, заранее зная, что всё так и останется без изменения, но ей нужно было сказать эти слова, а нам нужно было услышать их, чтобы те, кто засеивает мерзкие зерна растления нашей молодёжи, поняли — мы не с ними.

Каждый любящий родину должен публично обозначить свою позицию по отношению к нашим недругам — молчанием предаётся Бог! Я часто прибегаю к этому изречению, которое сказал кто-то из древних философов: «Хотите победить своего врага — воспитайте его детей». Судя по обстановке в сфере образования, культуры, в прессе, интернете и ещё много

в чѐм, наших детей воспитываем не мы, а те, кто жаждет победить нас — Россию и Православие. Самое страшное то, что их планы успешно реализуются, и очень мало тех, кто этому не воспрепятствует. Давайте оценим сегодняшнюю обстановку в сфере культуры, немного приоткроем завесу этой адской кухни, коей сейчас и является современное искусство.

Небольшое отступление из Евангелия от Луки — искушение Иисуса Христа дьяволом: *«И, возведя Его на высокую гору, диавол показал Ему все царства вселенной во мгновение времени, и сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю её; и так если Ты поклонишься мне, то всё будет Твоё»* (Лк. 3: 6).

Текст Святого Писания указывает на то, что славу и власть на земле продаёт дьявол взамен на бессмертные души. Много существует историй о людях, продавших душу дьяволу. Скрипач Николо Паганини, Джон Леннон — участник легендарной группы «Битлз», проскальзывала информация, что, якобы, и Гитлер взамен на власть подписал своей кровью договор с князем тьмы. Этот список можно продолжать и продолжать... Но зачем? Они свой выбор сделали осознанно. И все, поклонившиеся сатане, ему и служат. Интересный факт — то, что в прошлом сделка продажи души происходила втайне от посторонних глаз. Так, например, известный блюзмен Роберт Лерой Джонсон был нулевым музыкантом, он даже гитару толком не мог настроить, его с треском выгоняли отовсюду, где он пытался петь. И вдруг он пропал, а через год появился и с первых же аккордов покори́л любителей блюза. Ходят слухи, что видели Джонсона в родном ему городе тёмной ночью, он долго стоял на перекрёстке с гитарой, затем рядом с ним появился огромный человек, настроил ему инструмент и ушёл.

Сегодня уже не нужно торчать на ночных перекрёстках, всё происходит публично, сцену превратили в капище, на которой артисты творят шабаш — поклоняются дьяволу на показ всему миру. Наглядный пример тому — открытие фестиваля эстрадной музыки «Новая волна» в Сочи. Я не стану перечислять всей антидуховной и антикультурной обстановки, царившей на открытии, да ещё и антихристианской символики, присутствовавшей на сцене, на одеяниях и в жестах «служителей культа», то есть артистов. Нет смысла освещать эстрадное беснование, чтобы не делать лишний раз им рекламы. Подробный расклад можно посмотреть в интернете. Люди возмущаются: «Куда смотрел губернатор, куда смотрел мэр?» А я спрошу: «Куда смотрели все?» Возможно, и Русская Православная Церковь тоже могла бы в этом конкретном случае высказать свою позицию, ведь эта мерзость

транслировалась государственными телеканалами. Этот конкурс — не художественное произведение о нечистой силе, скажем, как мистическая повесть Николая Васильевича Гоголя «Вий», впоследствии экранизированная и сыгранная на сцене. «Новая волна» — реальное служение тёмным силам! И это не единственный случай — современное искусство не созидает, оно разрушает, уничтожает личность в человеке.

Но кто же будет спасать Россию от растрепанности? Может быть, кто-то из баллотирующихся кандидатов, выдвигающийся от какой-нибудь партии на выборах в Государственную Думу, предложит программу о защите духовного потенциала подрастающего поколения, от пагубного воздействия современной культуры? Оградит наших детей от порочной грязи, на которой замешано современное искусство? Защитит чистые, наивные души, пришедшие в этот мир, не осознавая, для чего, поможет им найти себя, даст надежду на будущее, на спасение в Боге? Ведь нецензурная лексика, разврат, насилие — всё это обрушивается с экранов гаджетов на юного потребителя информационного потока, разрушая его неокрепшую психику. Кстати, стрелки, систематически устраивающие кровавую бойню в учебных заведениях, тоже не случайность — это «достойные» плоды воспитания наших детей по программе, навязанной нам Западом. При таком воздействии на молодёжь «доброжелателями» извне, через 30—40 лет и пенсия никому не понадобится (о которой так усердно сегодня пекутся политики)... Удобная тема — привлечь к себе внимание и зашорить толпе очи на всю скверну, происходящую в мире. Создаётся впечатление — либо властимущие недооценивают всей серьёзности положения, в котором находится общество, либо сами ходили на тёмный перекрёсток...

Если прямо сейчас не заняться реанимацией сфер, влияющих на воспитание молодёжи, первой в списке коем является культура, то завтра будет уже поздно. Современный мир скатывается до уровня Содомы и Гоморры. Например, в Калифорнии задумали построить город для геев и лесбиянок. Мне понравилось высказывание одного журналиста по этому поводу: «Живите и не размножайтесь», — так он применительно к данной ситуации перефразировал известное Библейское повествование: *«И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божьему сотворил его; мужчину и женщину... И благословил их Бог, и сказал им Бог: «Плодитесь, и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся на земле»* (Быт. 1: 27-28).

Недавно одна знакомая женщина, приехавшая из Канады навестить своих родственников, поведала нам, что у них в

стране ввели новшество — в общественных туалетах, где были обычно две двери с маркировкой «М» и «W», добавилась третья — для представителей сексуальных меньшинств. В современном кинематографе постоянно раздувается тема, касающаяся однополых сексуальных отношений, и это с подачи вышестоящих инстанций, например, международный ЛГБТ-кинофестиваль «Бок о Бок» в Санкт-Петербурге. А эстрадные музыкальные исполнители своим поведением и одеянием (или, скорее отсутствием такового) растлевают детей, убивая в них понятие о целомудрии. Если раньше в советском кино тема распада семьи (развод) преподносилась как трагедия, то сегодня и в кино, и в жизни семейные ценности не в моде. «Семья — это малая Церковь», — говорил апостол Павел. Мир накрыла ужасающая катастрофа — слуги дьявола, разрушая семью, разрушают Церковь... *«Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит»* (Мф. 18: 7).

В 1987 году я работал в видеосалоне, тогда мы боялись поставить на сеанс какой-нибудь фильм с эротическими сценами — не дай Бог горьком партии пронюхает: закроют. Сейчас такие фильмы, которые мы тогда боялись «крутить» на видеках, транслируются без возрастного ограничения на центральных телеканалах. Лексикон, который в середине прошлого века называли «феня» (на нём преимущественно тогда общались заключённые в тюрьмах), — сейчас просто детский лепет по сравнению с тем, что мы слышим в кино, со сцены и т.д. Нация духовно умирает — нас действительно превращают в гоев (язычников). И я прекрасно понимаю, что испытывала Мария Шукшина, принимая правительственную награду...

Вадим КУЛИНЧЕНКО,
капитан 1 ранга в отставке

ПОЛЗУЧАЯ АГРЕССИЯ

Конвенция о режиме Черноморских проливов (конвенция Монтрё), принята 20 июля 1936 года и вступила в действие 9 ноября 1936 года. В 2021 году исполнилось 80 лет этому за-

---

метному документу в международной жизни, чему свидетельствует его долгожительство без существенных изменений. Юбилей этого документа практически не был отмечен не только на международном уровне, но даже в странах, кровно заинтересованных в этом документе.

Как моряк я знаком с этим документом в части, касающейся каждого мореплавателя, но не с его юридическими тонкостями. И вот я решил почитать эту Конвенцию, и у меня возник ряд недоумений.

Странно звучит, но даже Польша претендует на свою роль в Чёрном море, не имея выхода к нему. И все черноморские страны, в том числе и Турция, как блюститель этой Конвенции, молчат. Выходит, что Чёрное море, имея статус внутреннего моря, в том числе и по Конвенции Монтрё, негласно превращается сегодня в международное, как Средиземное. А где же здесь голос ООН, прибрежных государств в свою защиту, в том числе и России (издревле море называлось Русским), их дипломатических представителей?

В современных условиях при переделе сфер влияния в мире вопрос Черноморских проливов очень важен, особенно при давлении на Россию во всех сферах. Тем более удивительно молчание нашей дипломатии в связи с нарушением некоторых норм Конвенции Монтрё.

В международной практике в понятие «Черноморские проливы» включаются Босфор, Мраморное море и Дарданеллы. Черноморские проливы соединяют закрытое Чёрное море с открытым Средиземным и через Гибралтарский пролив с Атлантическим океаном. Через Суэцкий канал и Красное море они соединяют Чёрное море с Индийским океаном.

Особенность Черноморских проливов заключается в том, что они являются единственными путями сообщения черноморских государств с открытым морем. В случае закрытия проливов Чёрное море фактически оказывается изолированным от других морских театров. Таким образом, проливы — это своего рода «ключи» к Чёрному морю. Сегодня этими ключами бренчит Турция, позволяя нечерноморским государствам бесконтрольно вводить свои военные корабли в акваторию Чёрного моря, игнорируя интересы России. А наша дипломатия молчит.

Именно большое экономическое и стратегическое значение проливов и явилось причиной исключительно острой борьбы на протяжении ряда столетий между крупными державами за господство над проливами. О стратегическом значении проливов для России свидетельствует тот факт, что на протяжении менее чем 100 лет южные рубежи нашей Родины

четыре раза подвергались нападению агрессоров, вторгшихся в Чёрное море через Дарданеллы и Босфор. Возникает вопрос — проведение учений флотов НАТО в Чёрном море сегодня не является ли подготовкой пятого вторжения на территорию России?

Другой вопрос — надо понимать, что закрытие Турцией проливов для русского военного флота во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. (забытый ныне вопрос) поставило Россию в чрезвычайно тяжёлое положение, так как Черноморский флот был лишён возможности участвовать в боевых операциях против японского флота. Возможно ли сегодня такое под каким-либо надуманным предлогом? Вполне. Тогда все наши пункты МТО как в Тартусе, так и в Судане окажутся отрезанными от метрополии. Последствия будут самые печальные. А пока мы уповаем на лояльность Эрдогана, предпочитая закрывать глаза, на чьей стороне он играет.

Современный режим Черноморских проливов определяется Конвенцией Монтрё. Конвенция подтвердила принцип права свободного прохода и плавания в проливах и объявила свободный проход через проливы торговых судов всех стран, определив порядок прохода военных кораблей через пролив, регламентируя его статьями 8–22 Конвенции. Конвенция предусматривает резкое разграничение для прохода через проливы кораблей прибрежных и неприбрежных к Чёрному морю держав.

Проход военных кораблей прибрежных держав объявлен в мирное время свободным при условии выполнения некоторых требований. Так, только черноморским державам разрешается проводить корабли любого тоннажа, приравненные к классу линейных кораблей (корабли водоизмещением свыше 10 000 т или корабли водоизмещением до 8 000 т, которые имеют орудия калибра выше 203 мм). Эти корабли должны проходить через проливы в одиночку в сопровождении не более двух миноносцев. Только черноморские державы могут проводить через проливы подводные лодки.

Нечерноморским державам разрешается проводить через проливы только лёгкие надводные корабли. Они не имеют права проводить корабли, приравненные к классу линейных кораблей, подводные лодки и любые корабли водоизмещением свыше 10 000 т или имеющие артиллерию калибром свыше восьми дюймов.

Общий тоннаж военных кораблей, которые могут послать в Чёрное море в мирное время неприбрежные государства, установлен в 30 000 т, а кораблей одной из держав — в две трети этого тоннажа.

Военные корабли нечерноморских держав независимо от цели прихода могут находиться в Чёрном море не более 21 дня.

Эти нормы были прописаны в 1936 году, и Турция, как известно, не раз нарушала эти нормы, пропуская в Чёрное море военные корабли, враждебные прибрежным государствам Чёрного моря. С тех пор многое изменилось. Появились ракетные корабли, несущие корабельную авиацию и прочие изменения в вооружении кораблей. Но оговорены ли они в Конвенции, и кто это контролирует?

Не вызывает ли это сегодня искушение в Турции, являющейся членом агрессивного блока НАТО, подыгрывать странам — членам этого блока? Ответ на этот вопрос повисает в воздухе.

Став членом блока НАТО, Турция систематически разрешает посещать проливную зону под видом «визитов вежливости» крупным соединениям американских и английских военных кораблей, в том числе и оснащённых ракетными установками. И эти «визиты вежливости» уже перерастают в проведение военно-морских учений с участием нечерноморских государств. Что это, как не ползучая агрессия?!

А наши дипломаты по-прежнему молчат. Ведь многие статьи Конвенции со дня её принятия устарели и, пользуясь этим, Турция и враждебные нам государства устанавливают новые правила в свою пользу. Нужно бить во все колокола, пока некогда справедливая Конвенция Монтрё не превратилась во враждебный документ для России.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2021 год

(Сентябрь — октябрь)

В «Протуберанцах», вышедших в сентябрьском номере «Молодой гвардии» (№9), были опубликованы мои горестные размышления о теракте с массовым убийством детей, совершенном Ильназом Галявиевым в казанской школе 11 мая этого года. (Предлагаю их перечитать.) Те размышления слово в слово можно повторить теперь, через четыре месяца, когда точно такой же молодой отвязанный стрелок Тимур Бекмансуров 20 сентября пришел в пермский университет и устроил стрельбу по студентам из законно приобретенного дробовика. В результате 6 убитых и более 20 раненых, причем 7 из них — тяжело. И теперь нельзя не задать вопроса нашим самым большим властям: а не кажется ли вам, господа, что керченский, казанский и пермский стрелки, кстати, примерно одинакового возраста, вышли из одной пробирки? И пробирка эта чисто информационная, ментальная.

Власти, как обычно, вновь пообещали нам расследовать новую трагедию и выделить определенные суммы семьям погибших и постра-

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

давших. После радостных баталий на Летних олимпийских играх казанского стрелка уже успели забыть, тем более что его быстренько определили психически ненормальным и отправили на лечение.

На этот раз массовое убийство детей совпало с подведением итогов парламентских выборов — для власти опять же радостных итогов, если не сказать восторженных. И весь вечер 20 сентября в ящике все штатные говорящие головы обсуждали не тему расстрела детей, ставшую для нас уже чуть ли не обыденной, а эйфорически, крайне оптимистически, взалёб и до тошноты лизоблюдски выражали довольство по поводу «победы» на выборах партии власти. Эта телевизионная эйфория «победы» просто-напросто затмила, заглушила горе пермских матерей и отцов. Ну не могли же наши штатные говорящие головы и партийные бонзы лишиться себя удовольствия победной болтовни из-за теракта, про который после очередных футбольных баталий снова скоро забудут...

Но не могу не повторить фрагмента из «Протуберанцев» №9 «МГ»:

«Говорящие головы в теляжике весь день 11 мая разглагольствовали о случившемся, но никто так и не заикнулся об истинных причинах подобных трагедий, связанных с убийством самых незащищенных — детей, как и с детской преступностью. Видимо, корпоративные интересы не позволяют говорящим головам заикаться об этом: а то ведь большие не пригласят в телеэфир. Но спросим сами себя: что вот уже 30 лет круглосуточно тот же теляжик выливает на наши головы на большинстве каналов? Сплошной многосерийный криминал. Убийства, убийства, убийства, кровь, кровь, кровь, жестокость, избиения, месть и опять убийства — уже в ответ на совершённые. Убивают походя, не моргнув глазом, легко, с усмешкой, не задумываясь — убил и пошел дальше, как ни в чём не бывало. И как тут не встать перед вопросом: разве все прошедшие 30 лет это делалось не сознательно?.. Все 30 либеральных лет наша молодежь росла на этих телевизионных криминальных эпопеях. Так кого же российское общество и российская власть, запрещающая любую идеологию, могли вырастить за эти годы? Кто все эти годы был главным телегероем у подрастающего поколения? Только человек с оружием, только супермачо, с легкостью отправляющий в небытие любого на своем пути. Вот мы их и вырастили. Вот они и делают то, что видят в теляжике. Не говоря уже про интернет. Фильмы «Брат» и «Брат-2» стали поистине культовыми в молодежной среде, их до сих пор крутят по ящику. Но посчитайте, сколько людей убил главный герой фильма?.. И почему бы моло-

---

*дым созерцателям этих культовых «героев» («В чём сила, брат?..») не делать то же самое, если на государственном канале — можно? По сути, художественные телеубийства стали уже идеологией государственной культуры, хотим мы этого или нет. Ведь если государству, власти — плевать на то, что день и ночь крутят телеканалы, значит, государство тем самым **поощряет** такую «культурную» политику в стране».*

С утра 21 сентября — вновь все теле- и радионовости начинались с многословной эйфории в связи с «победой» партии власти на выборах. И рассуждать провластным комментаторам и гостям эфира об очередном стрелке с дробовиком, омрачившем эту «победу», было как-то не с руки, как-то некстати... А уж тем более рассуждать о глубоких, о подлинных причинах подобных трагедий в нашей действительности... Куда проще отделаться отговорками о работе следователей, о материальной поддержке семьям пострадавших, о проблемах с психикой стрелка и его болезненной невменяемости... И через день забыть об этом «происшествии» до следующего стрелка или следующего 18-летнего подрывника хоть с русской, хоть с нерусской фамилией...

И последний вопрос нашим главным властям: почему после стольких аналогичных трагедий в учебных заведениях страны и после такого количества пустой болтовни «экспертов» из МВД и Росгвардии на тему внутренней безопасности государства на входе в Пермский государственный университет находился один-единственный охранник, к тому же невооруженный?

***

Интересно бы узнать, хоть кого-нибудь удивили результаты электронного голосования на выборах в Госдуму в сентябре 2021 года? Неужели у нас еще остались люди, способные этому удивляться? И тем не менее, как это ни удивительно, 90% электронно проголосовавших отдали свое предпочтение партии «Единая Россия»... Впрочем, после 30 лет одной и той же власти нас уже трудно чем-либо удивить. Хотя, конечно, основную массу населения эти результаты вообще мало волнуют.

***

Американцы распоясались со своими санкциями против нас по единственной причине: никакого серьезного ответа на них от российских властей США так и не получили.

***

Какой может ответ на американские санкции с нашей стороны, если глава МИДа С. Лавров, приехав в Нью-Йорк на Генассамблею ООН, первым делом встретился с госсекретарем США Блинкиным, главой Европарламента Боррелем и бывшим госсекретарем Киссинджером?.. И столько улыбок, столько радости расточали они, только что не целовались!..

***

23 сентября ФСБ задержала 15 членов террористического сообщества, действовавшего в Свердловской области. Как сказано в сообщении РЕН ТВ, «Из незаконного оборота изъято аммиачно-селитренное взрывчатое вещество общей массой порядка 3 кг, которое участники ячейки изготовили самостоятельно в целях реализации своих преступных планов». Игра в казаки-разбойники продолжается. И Кремлю, как мы видим, эта игра нравится. 10 из числа задержанных террористов, как стало известно тому же агентству РЕН ТВ, будут депортированы на родину. Через год-два они к нам вернуться с новыми паспортами и новым заданием.

***

По сообщению Центра общественных связей ФСБ 24 сентября ликвидирован один из крупнейших каналов поступления синтетических наркотических средств в особо крупном размере и их сбыта посредством интернет-магазинов в теневом сегменте сети Интернет. На территории Московской, Ростовской, Астраханской областей и Краснодарского края задержаны пятеро участников межрегионального преступного сообщества. «В их числе организатор производства и каналов сбыта наркотических средств, осуществлявший координацию противоправной деятельности с территории Турции», — сообщили в ФСБ.

Ну что ж, остаётся только констатировать: кремлевская миграционная политика сотрудникам ФСБ скучать не даёт... Как и не дает она засохнуть отечественным наркоманам...

***

7 октября депутаты Львовского облсовета объявили будущий 2022 год на Украине годом УПА (т.н. «Украинской повстанческой армии», преступной организации, входившей в СС третьего рейха и запрещенной в России) в связи с 80-летием ее создания в 1942 году. И Верховная рада с этим согласилась.

В.В. Путин в этот же день, являющийся днем его рождения, видимо, в качестве подарка нэзалэжной и всей Эуроπε, приказал Газпрому существенно увеличить прокачку газа через Украину, тем самым увеличив годовой доход нэзалэжной за газовый транзит. А что, поистине царский подарочек от «агрессора» укропам к их году УПА... Да и сама Эуропа теперь этой зимой не замерзнет...

Вот только благодарности Владимир Владимирович за это ни от одних, ни от других так и не дождался.

А мирных жителей Донбасса укропские снаряды как убивали, так и будут убивать, не глядя ни на какие царские подарки.

* * *

Как заявил президент Общероссийской общественной организации «Федерация мигрантов России» Вадим Коженков, 150 тысяч граждан Таджикистана и 150 тысяч граждан Узбекистана, ранее высланные из России за различные правонарушения, были амнистированы. И теперь они могут вновь вернуться в Россию.

Как, оказывается, всё просто! Совершил здесь преступление, выехал на родину, получил амнистию и опять вернулся сюда!.. А мы удивляемся, почему они так нагло себя ведут... А как же им себя вести, если российские власти поощряют такое их поведение?..

По всему видно, что власти сознательно и ускоренными темпами с помощью миграции пытаются задавить русских.

300 тысяч! Это же целая армия новых оккупантов! И никакого НАТО не надо!

* * *

После визита г-жи Нуланд с неизменными «печеньками» в Москву готовится очередное кремлевское предательство Донбасса.

Ради ее приезда наш МИД снял с нее санкции. Как видно, «печеньки» выглядели очень соблазнительными... В чём конкретно они выражались, нам так и не сообщили. Но по возвращении в Штаты В.Нуланд заявила журналистам, что согласна с позицией Кремля об автономии Донбасса в составе Украины... Выходит, обмен «печеньками» в Москве состоялся...

* * *

В октябре этого года в Оренбургской области от суррогатного алкоголя, произведенного на основе технического спир-

---

та метанола, отравились 64 человека. 35 из них погибли. В этом же месяце в Екатеринбурге 16 человек погибли после того, как употребили спирт, в котором содержался метанол. Это только те случаи, о которых в центральных СМИ было сообщено. Другие подобные случаи чаще всего не предаются огласке.

Уничтожение населения по всей России идет ускоренным ходом помимо эпидемии коронавируса. И что характерно, о производителях метаноловой отравы, как правило, не сообщают ничего конкретного — ни имён, ни фамилий. Хотя их лица, вскользь показанные в теленовостях, — весьма характерные и легко узнаваемые. Все они — т.н. мигрантского происхождения. То есть это те самые «рабочие руки», которых так не хватает здесь кремлевским менеджерам и которых они из года в год не устают сюда зазывать. А метанола в России достаточно... Хватит на все прибывающие сюда «рабочие руки».

* * *

Человечество вступает в период апокалипсиса. Россию, как и другие государства, загоняют в электронный концлагерь, объясняя его необходимость всеобщим удобством и всеобщей безопасностью. Каждый день всё новые крупные города России объявляют о введении принудительной вакцинации и QR-кодов для посещения любых общественных мест. Когда объявит об этом вся региональная Россия, придет черед и Москве стать такой же, как все. Невакцинированные будут обязаны самоизолироваться от общества и стать изгоями вне закона. А вакцинированные, чтобы не попасть в число изгоев, вынуждены будут прививаться каждые полгода. Таким образом уже в ближайшие годы человечество окажется внутри колючей проволоки мирового концлагеря — в каждом отдельном случае со своей т.н. «национальной» спецификой. Непривитые же внутри каждого концлагеря станут, условно говоря, арестантами карцера.

Электронные, медицинские и биологические паспорта, распознавание людей по лицам при входе в общественный транспорт, ликвидация наличных денег, всё большая замена человека искусственным разумом и тому подобные «прелести» — это то, с чем мы столкнемся в ближайшие годы. Блокировку карт москвича они, наши власти, уже испробовали — при полном смирении пенсионеров. Репетиция проведена. Можно действовать дальше. А дальше за подобными «цветочками» пойдут «ягодки», которые были описаны в книге Апокалипсиса еще две тысячи лет назад. Ну а ближе к наше-

---

му времени — в книгах Замятина, Брэдбери, Оруэлла и Хаксли. Читайте, если интересно и если не лень.

***

Горбачевско-ельцинский Кремль проглотил вступление в НАТО бывших восточно-европейских соцстран, а затем и прибалтийских республик. Причем переход натовцами этих «красных черт» остался для них без каких-либо последствий. Точно так же и путинский Кремль проглотит вступление в НАТО Украины и Грузии, сколько бы нам ни долдонили из ящика про некие иллюзорные «красные черты». Проглотит, утрётся и предложит установление «нормальных отношений» с новыми членами НАТО. Еще и цены снизит для них на всевозможные энергоресурсы, если те попросят...

«Что делать с Украиной, я не знаю», — сказал Путин на Валдайском политическом форуме. Не знает он — после Семилетней войны в Донбассе...

***

Когда слова не имеют никакого значения.

1998 год. Ельцин: «Дефолта не будет».

2005 г. Путин: «Пока я президент, увеличения пенсионного возраста не будет».

2021 г. Путин: «Принудительной вакцинации в нашей стране не будет».

20 октября 2021 года своим указом мэр Москвы Собянин объявил о блокировке проездных карт невакцинированных пенсионеров.

***

Собянин, конечно же, заблокировал «карты москвича» невакцинированных пенсионеров по причине большой души и искренней заботы об их здоровье... Пусть они теперь ради своего здоровья не суются ни в автобусы, ни в метро и пешочком ходят в магазины, в поликлинику, в собес... Какой же, однако, у нас заботливый мэр...

И всё же каково будет одиноким пожилым людям? Они умрут не от ковида, а от изоляции в своих квартирах. Заботливые вы наши...

Одискриминации определённой части населения и нарушении хвалёных «прав человека» распространяться уже не стоит...

***

Создается впечатление, что все свои пресс-конференции и т.н. политические форумы Путин собирает для того, чтобы

лишний раз оправдаться перед Западом. Сколько же можно перед ним оправдываться? Не надоело? Но ВВП раз за разом пытается им, европейцам, объяснить: мы — хорошие! мы всё для вас делаем! за что вы нас ругаете?!

***

Вот что случается из-за кремлевского малодушия по отношению к враждебной Украине. 22 октября при взрыве в цехе порохового завода в Рязанской обл. погибли 17 человек — вся смена. Цех полностью разрушен. Естественно, признать факт диверсии ни в Кремле, ни в МИДе, ни в МВД, ни в прокремлевских СМИ духу не хватило. Ведь после признания факта диверсии нужно было что-то делать в ответ, а делать ох как не хотелось!.. Куда проще сотрясти воздух пустыми словами о «нарушении технологического процесса».

Но достаточно было посмотреть в этот день украинские каналы ТВ, все новостные программы которого начинались с эйфорически восторженных сообщений об очередном взрыве у «ватников» с человеческими жертвами... Как будто они человека в космос запустили... И это пока еще только цветочки...

А по центральному каналу киевского телевидения в этот же день прозвучала песня со словами: «Москва горит, Москва в огне! Какое счастье!» И публика в студии эйфорически гоготала.

Кто там у нас недавно накропал «глубокомысленную» статью о «братском народе», распиаренную до небес соловьевско-скабеевскими «экспертами»?..

***

На Валдайском форуме в октябре 2021 года Путин произнёс весьма сомнительную фразу: «Человек важнее государства». Если бы это было так, государства как таковые давным-давно бы уже рухнули. И никто бы не рисковал своей жизнью ради существования Родины. Откуда тогда взялись бы Герои Советского Союза и Герои России? Откуда в царской России взялись бы кавалеры Георгиевского креста? Как среди солдат, так и среди офицеров. Здесь президент явно дал маху, желая потрафить либералам и недалеким телевизионным пенсионеркам, млеющим от каждого его слова.

Жизнь человеческая, конечно, уникальна, однако жизнь государства уникальнее и важнее.

***

Уже даже секретарь Совета Безопасности РФ Н.П. Патрушев 26 октября сделал сообщение на совещании по безо-

---

пасности в ЦФО о том, что «масштабный приток трудовых мигрантов несёт серьёзные риски роста преступности, возникновения конфликтов на этнической и религиозной почве, массовых беспорядков, способствует повышению напряженности среди коренного населения». Среди факторов, способствующих обострению криминогенной ситуации, он назвал «проникновение на территорию России приверженцев радикальных религиозных течений, осуществляющих пропагандистскую и вербовочную деятельность, в том числе в местах массового проживания и работы иностранных мигрантов».

То есть руководитель структуры, отвечающей за безопасность страны, сознает и не скрывает нависшей над Россией опасности от свободного проникновения мигрантов на нашу территорию. Но президент, похоже, этих слов не слышит или не желает слышать и продолжает зазывать сюда азиатские «рабочие руки», которые миллионами прибывают к нам вместе со своими многочисленными семьями. В московских муниципальных поликлиниках русских врачей уже почти не осталось — их вытеснили азиаты. В продуктовых магазинах — та же картина. Уже и в банках они сидят. Водители маршруток, такси и курьеры — сплошь они. А г-жа Голикова нам рассказывает с экрана ТВ о сокращении в стране безработицы...

Выходит, секретарь СБ РФ Н.П. Патрушев — единственный, кто говорит стране правду. Правду, которая остальных руководителей страны, членов правительства и депутатов парламента вообще не волнует.

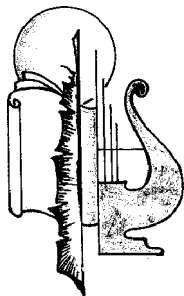
ЖИВЫЕ ГЛАЗА

*Заметки о книге публицистики Ивана Щёлокова
«Вечные странники»*

Май 2006 года, подмосковная Сходня, торжественное собрание по случаю восьмидесятилетия поэта Егора Исаева. Речь держат перед юбиляром «знатные люди: политики В.И. Воротников и Г.А. Зюганов, известные литераторы, включая Ю.В. Бондарева, несколько академиков...»

От земляков-воронежцев выступает немалою ранга чиновник — губернский министр печати. И так странно сидящим в актовом зале зрителям-участникам: чиновник, а читает... стихи! Свои. И не какие-то там лакированные поздравительные «деревяшки» — настоящие.

*А где оно, это Коршево?
А там, где весной Битюг
Несёт ледяное крошево —
Творение зимних вьюг.
То ёршики, то карасики
Резвятся в волне речной.
Девчонки играют в «классики»
На солнышке за избой.
Мальчишки знакомой тропкою
Спускаются на улов...*

КРУГ ЧТЕНИЯ

---

*Даль памяти — над пригорками!
Суд памяти — от крестов!
Воткнув посредине улицы
Для коз деревянный штырь,
Весна, от света сощурившись,
Выходит в степную ширь.
Играйте, девчонки, в «классики»!
Мальчишки, готовьте сеть!..
Тут раньше рождались классики,
А хочется, чтоб и впредь.*

Даром, что чиновник, а читает хорошо, размашисто, с чувством. И сидящий в зале поэт Михаил Шевченко, москвич с воронежскими корнями, будто призывая присутствующих разделить его эмоции, не может удержаться от восклицания: «Ваня!.. Щёлоков!»

Спустя годы «автор и исполнитель» этого так понравившегося взыскательной публике стихотворения о родном селе юбиляра вспомнит: «За праздничным обедом воронежцы оказались за одним столом с Юрием Васильевичем Бондаревым, его супругой и издателем двухтомного собрания сочинений Е.А. Исаева Геннадием Александровичем Лебедевым... «Посмотри, какие живые глаза у него! — несколько раз окликал жену именитый прозаик и показывал на меня».

Этот «непротокольный» отклик живого классика не мог не запомниться автору «исаевского» эссе «Непротокольный человек». Но кто-то, возможно, усомнится: а стоило ли его приводить, обнародовать? Похвала ведь.

А я вот думаю, что автор всё сделал правильно: такая «золотинка» никак не должна была затеряться. К тому же похвала похвале рознь. Мы ведь, люди творческие, такие, знаете ли, привередливые ребята! Иной раз и хвалят тебя, эпитетами, как золотыми блёстками с головы до ног осыпают, а на душе пасмурно, тускло. Потому как знаешь, чувствуешь: не твоё это всё, не о тебе, так, мишура-полова. А тут — точнейшее попадание: и как чисто визуальное впечатление, и как исполненная нелукавого смысла метафора.

Для меня этот отклик недавно ушедшего от нас выдающегося русского писателя стал ключом к книге публицистики известного поэта, моего литературного товарища с давних университетских времён Ивана Щёлокова. Потому что именно их, эти самые живые глаза, вижу пред собой я, читатель, — о чём бы ни шла речь, каких бы сложных, трудных (и даже «скучных») тем ни касался автор.

Название книге дало эссе с литературно-краеведческим подзаголовком «Воронежские страницы в кавказских скитаниях М.Ю. Лермонтова». О характере этого текста, казалось бы, исчерпывающе говорят по-учёному сухие, верные исторической точности ключевые фразы, вроде этих: «Лермонтов трижды проезжал на Кавказ через воронежский край»; «А деревню Семидубравное Землянского уезда Воронежской губернии в годы советской власти переименовали в Новую Покровку Семилукского района. Вряд ли теперь различит ухо среди земных звуков этого селения мелодию «Казачьей колыбельной песни», которую Лермонтов написал здесь, в степной глуши, когда гостил в имении Потаповых...»

Однако на самом деле текст этот, по фактологии не уступающий серьёзному специальному исследованию, вовсе не научный труд, а живой, не скованный литературно-историческими условностями взгляд на минувшее как на нечто неходящее, длящееся, способное и сегодня стать переживанием, сердечной болью, частью личной судьбы. Настрой на именно такое восприятие дают уже первые строки — своего рода поэтический зачин повествования:

«Ненастное летнее утро. Только что закончился короткий, не по-июльски тихий и мелкий дождь. Чуть прояснилось, и по небу даже не плывут, а нехотя передвигаются густые, не сплошные, а разорванные небесной десницей тучи. Серебристо-свинцовые, причудливо-вихрастые... Я провожаю их взглядом, и неожиданно из глубины сердца всплывает величественно-грустная музыка строк:

*Тучки небесные, вечные странники,
Степь лазурную, цепью жемчужною...*

И моя фантазия несёт меня вслед за лермонтовскими тучами по просторам воображения».

Фантазия здесь, в тексте, который уже подзаголовком своим присягнул исторической достоверности, — не вольность ли непозволительная? Полноте, господа литературные аптекари! Мы же не микстуру от несварения желудка составляем, а русский дух, душу русскую постичь пытаемся...

Именно фантазия находит эту музыку, этот сквозной образ, который становится нитью, сшивающей события-времена, даёт ощущение единого воздуха, неутраченного простора русской поэзии. Ведь эссе — это такой необычный жанр, в котором воображение, авторское «я» — как дрогнувший в нетерпении воздух, как рванувшийся из-за холмов

вечности навстречу читателю взволнованный ветер; нельзя без него обойтись, ну никак нельзя, понимаете?

Ветер со-чувствия, со-переживания, со-причастности. Не меняя исторического рельефа, он сдувает с минувшего архивную пыль, возвращает ему движение и дыхание, возвращает желание жить...

«А фантазию уже не остановить... Время перепуталось, границы стёрты... Поток чувств, перепутываясь с дождевыми струями, несёт в прошлое. Туда, туда, почти на два века назад, к Лермонтову. Он уже здесь, на подступах к нашему городу... Он — тучка. Он — вечный странник на русской земле, изгнанный из привычного окружения.

*Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники,
С милого Севера в сторону южную...*

Разве не любопытно вам, уважаемый читатель, встретить, увидеть, узнать такого вот Лермонтова — воронежского?

И в эссе «Здесь, однако, пробудем два дни...», где речь снова идёт о литературных и социальных реалиях двухвековой давности, автор предстаёт перед нами не дотошным архивистом, а, скорее, тонким и глубоким собеседником-полемистом, равнодушным и редким современником — одновременно и героя текста, и читателя.

Отправная точка этого повествования вполне себе приземлённо-бытовая — поломка экипажа молодого дипломата, следующего из столицы в сентябре 1818 года через Воронеж на Кавказ и далее в Персию, к месту службы. Зовут его Александр Грибоедов. Он известен как человек незаурядный, наделенный многими талантами, но русская словесность не спешит встречать его на городской заставе цветами и ковровой дорожкой. Причина проста: она пока ещё не знает, что этот насмешливый молодой интеллектуал, ёрник и остроумец, что-то там и в рифму порой кропающий, — без пяти минут классический русский поэт. Ну без пяти лет, что в историческом контексте одно и то же. А он, замысливший произведение поистине небывалое, дерзкое — и уже отчасти замысел свой осуществивший! — даже не пытается представиться ей в новом качестве. Почему?

Иван Щёлоков, незримо войдя в гостевой домик поэта, пытается ответить на этот вопрос. И помогает ему в этом сам поэт, который в письме к своему другу Семёну Бегичеву говорит не только о дорожных впечатлениях, но и куда более значимых подробностей жизни своей не скрывает. В частности, вспоминает (похоже, крепко засела в его сердце эта за-

---

ноза!) и такую: «Однажды, за ужином, матушка с презрением говорила о моих стихотворных занятиях и ещё заметила во мне зависть, свойственную мелким писателям, оттого что я не восхищаюсь Кокошкиным и ему подобными...»

Да, дела! — если уж матушка такое говорит... А что же скажет «почтеннейшая» светская публика и прежде прочих что скажут те, кто узнает себя в образах Фамусова, Скалозуба, Молчалина? Что скажут литераторы, особенно первый и лучший из них — не Кокошкин, а Пушкин? Нет, числить себя по ведомству русской литературы рано, неловко. Над комедией, наброски которой сделаны два года назад, ещё работать и работать!

Автор эссе понимает своего героя, сочувствует ему: «Грибоедов хотел было написать Бегичеву о своих мыслях, но, заложник дорожной поломки, можно сказать, невольный воронежский пленник, он крайне раздосадован дорожными неурядицами, с трудом сдерживает себя. Какие тут откровения? Да и не время пока. Новые грани и повороты будущей комедии в минуты воронежских раздумий ещё туманны, как приречная пелена за окном гостиничного дома».

Разумеется, текст эссе выходит далеко за пределы воронежского дорожного приключения Александра Сергеевича Грибоедова. Очень неожиданно — не «школьно», не «иконно» — выглядит в восприятии И. Щёлокова главный герой комедии Чацкий: *«Понятно, что автор списывал его с себя. Связывал с ним надежды на перемены в обществе, на рождение нового человека. Однако его ожидания и чаяния не оправдались. Сам того не желая, поэт выпустил джинна из бутылки — и ни одна последующая эпоха не смогла отправить его обратно в этот сосуд».*

Перекидывая мостик в современность, автор эссе представляет летящими по современной автомагистрали к югу «сотни нынешних прототипов» комедии своего героя. И среди них Чацкий — *«не на самой дорогой демократичной модели: скорее, «Седане». Как правило, либерал-западник, толерантнейшая на словах личность. В натуре же, получив власть, рука не дрогнет, чтобы огнем и железом по-необольшеvistски выжечь из любого соотечественника патриотическую дурь».*

Написал Иван Щёлоков и о своём родном селе. Очерк называется «Два берега, две веры». Название удачное, в нём есть интрига, но читатель-скептик тут же найдет возражения: мол, очерк-то краеведческий: даты, цифры, справки, всякие там замшелые ревизские сказки. Какая тут может быть интрига? Просто история одного из воронежских сёл под названием Красный Лог.

Однако подзаголовок сразу уточнит: не «просто» история, а «с авторскими отступлениями и размышлениями».

Нет, без архивной пыли и по-прокурорски суровоглазых исторических фактов ему, конечно, обойтись не удалось, но... Оказывается, здесь, на берегу небольшой степной речки Красной, по высочайшему повелению императрицы Екатерины II селились в своё время люди из разных мест, и так вышло, что «на левом берегу... исконно проживали староверы, а на правом — мирские». Влияло ли это обстоятельство на жизнь села, на людские судьбы? Ещё как! Автор очень убедительно показал нам это на примере своей семьи: *«Моя мама пережила не одну минуту душевных мук и нравоучительных порицаний по поводу своего увлечения моим будущим отцом. Дело в том, что она из старообрядческой семьи, росла на левом берегу речки. Отец — из мирских, жил на противоположной стороне. Приглянулись, полюбили друг друга. Когда решили пожениться, мамы родители упорствовали, упрекали её за выбор в спутники жизни «иритика», «сторонского».*

В конечном счёте, глубокое взаимное чувство победило религиозную рознь, однако «разные берега» и в семейной жизни аукались. Вот и своего первенца Ивана родители крестили дважды: отец открыто, в православной церкви, а мать тайком, у местного староверского попа Артюшки. Впору душещипательный сериал снимать. А кто-то там ещё и губы кривил — дескать, скучное краеведческое чтиво...

И много ещё мы прочтём в этом объёмном, потребовавшем большой подготовительной работы очерке такого «личного», что неотделимо от истории родного села автора: и о сорванном при помощи гусеничного трактора в начале шестидесятых годов с купола заброшенной церкви кресте, и о соседе — знахаре, «колдуне» Ворожее, и о печали речки Красной с её заросшими камышом, бездумно распаханными чуть ли не до воды берегами и давно отоснившимися ледоходами. Спасибо автору за то, что всё это уже не уйдёт бесследно, останется — и с его земляками, «староверами и мирскими», и со всеми нами, читателями. И будет волновать, звать в минуту тихую нашу память — и будить смутную вину: а мы-то с вами вот так о своей малой родине не написали. Не смогли. Или — не захотели.

Книга, о которой идёт речь в этих заметках, разнопланова жанрово и тематически, по-хорошему многозвучна — как сказал бы искушённый в литературно-критических материях человек, полифонична. На её страницах «портрет» известного всему миру журналиста и писателя Василия Михайловича Пескова соседствует с «портретом молодой воронежс-

---

кой поэзии второго десятилетия 2000-х годов», разговор о публицистике курянина Николая Гребнева не отвлекает от размышлений о пейзажной живописи воронежца Сергея Гулевского, согретый благодарным теплом рассказ об учителе, докторе филологических наук Викторе Михайловиче Акаткине перекликается с исповедальным словом о газете «Молодой коммунар», где автор состоялся как журналист, и не только: чтобы возглавлять областную комсомольскую газету в «сломные» времена, нужно было выковать в себе стальной характер.

И всё это смотрится-читается... нет, не органично, больно уж безлико это мудрёное слово, а — неотстранённо как-то, неотчуждённо, с волнующим чувством сопричастности, узнавания. Будто идёшь по деревенской улице после долгой разлуки, идёшь неторопливо, с остановками — столько встреч, столько глаз — тянущихся тебе навстречу, узнающих, ни радости, ни скорби от тебя, земляка, не таящих...

Понимаю, что образ деревенской улицы как символ изначального, детством заповеданного непоказного человеческого родства уходит в прошлое. Можно было бы и что-то другое подобрать, поярче, посовременнее, но мне кажется, что без этого сравнения мои заметки были бы не совсем полными. Ведь именно деревенская улица воспитала, подняла, вывела автора книги «Вечные странники» к тем степным холмам, с которых, оказывается, если глядеть взволнованно и зорко, — вся Россия видна. И он, Иван Щёлоков, рано оставшийся без отца, помогавший матери поднимать младших братьев, сам «сделавший себя» и ставший известным поэтом и публицистом, улицу эту помнит. Может, потому-то и глаза его, несмотря на долгие годы жизни городской, так часто официально-суетной, чиновничье-кабинетной, не остыли, не подёрнулись плёнкой обывательского безразличия, остались живыми...

г. Воронеж

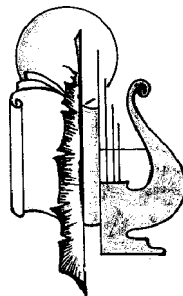
ГЕРОИ ДУХОВНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

*О книге Н.П. Васильевой «Крестьянские заступники»
(М.: АНО «Редакция альманаха «Академия поэзии», 2021)*

Книга Натальи Павловны Васильевой «Крестьянские заступники» продолжает объёмный авторский цикл художественных произведений, публицистики и научных исследований творческой и человеческой судьбы её отца — выдающегося русского поэта Павла Николаевича Васильева (1910—1937).

Автор самоотверженно и преданно очищает репутацию отца от всех недоброжелательных вымыслов в его адрес: «Я хочу показать правдивый образ отца — не извечно пьяного шалопада и дерзкого малого, любимца женщин, а глубокого поэта, автора великих поэм, миротворца и пророка, кем он на самом деле и являлся...»

Если внимательно вчитаться в каждое написанное Натальей Павловной слово, открываются, помимо непомерной горечи и острой боли за трагическую, непоправимо раннюю кончину отца, и другие её ощущения в этом сокровенном для неё пространстве памяти. Оно стало сокровенным сосредоточием и её судьбы! Именно здесь она может говорить с отцом

КРУГ ЧТЕНИЯ

по душам, дышать с ним одним воздухом той эпохи — времени ярких судеб, поэзии, мужества, юношеской дерзости и очень зрелого понимания времени и судьбы Отечества...

Здесь пылают знамения провидческих васильевских строк, одинаково соперживающих и «красному», и «белому» движению, видя в них, в первую очередь, — человека! И на этот единый кровоток, это эпическое чудо Павла Васильева, не оценённое, не понятое, а быть может, и слишком хорошо понятое властителями того времени, и обращает наше внимание его подвижница дочь — исследователь, биограф и хранитель семейного архива.

Представленная широкому кругу читателей и исследователей новая книга Натальи Павловны Васильевой панорамно освещает жизненный путь предшественников и современников поэта и наиболее рельефно характеризует литературную и общественную среду молодой Страны Советов в эпоху коренных изменений в устройстве социума и в понятиях добра и зла.

Культурная жизнь конца 20-х — начала 30-х годов XX века была характерна негативной эмоциональной и нравственной направленностью: господство авторитарной «единой идеологии» способствовало уничтожению всякого чуждо-классового свободомыслия. Переход страны с аграрного пути на индустриальный, коллективизация, «стройки века», начало «большого террора» — в этих процессах писателям, «инженерам человеческих душ», по определению М. Горького, отводилась основная идеологическая роль. Русский мир, национальный бытийный лад всё явственнее отступал на задворки общественного сознания перед натиском иных глобальных стандартов.

Весь драматизм существования художников слова в этот период обусловлен именно тоталитарной несвободой, не совместимой с творческим процессом. Угнетающим следствием сложившейся в культуре и литературе нравственной атмосферы стала необходимость для творческих людей и общественных деятелей вступать в компромисс с диктатом власти и, что еще печальнее, — с собственной совестью, своими мировоззренческими установками. Любая попытка отстоять собственное «я» каралась различными способами: от общественного порицания до физического уничтожения...

На страницах книги запечатлена ярчайшая плеяда так называемых «новокрестьянских» писателей, которые по глубинной природе своего творчества, гражданской позиции и ментальной тяги к родовым корням смотрели на современные им общественно-политические события именно с крес-

---

тьянских позиций — позиций нещадно заклеимённого властью класса: С.А. Есенин, А.В. Ширяевец (А.В. Абрамов), Н.А. Клюев, С.Л. Клычков, А.А. Ганин, П.В. Орешин, П.Н. Васильев, Иван Приблудный (Я.П. Овчаренко), В.Ф. Наседкин, П.А. Радимов, П.И. Карпов, И.И. Макаров и др.

Теоретически перечисленные литераторы не представляли собой определённого литературного направления, явившего советскому культурному сообществу эстетический манифест или идейно-творческую программу. Но эту группу отличали схожие устремления, творческий метод, самобытная палитра художественно-выразительных средств; общность гражданской позиции, поэтического мироощущения, судеб и путей развития мастерства. Главный герой их произведений — русский мужик во всех своих ипостасях: пахаря, воина, творца. Пророк Клюев писал: *«Грянет час, и к мужицкой лире / Припадут пролетарские дети»*. Все эти качества выделяли новокрестьянцев из общей литературной массы и определяли особое, только им присущее место в литературе.

Но смотреть так инакомысленно было крайне опасно: идеологами пролетарской революции крестьянин воспринимался как потенциальный враг. Субъектом революции считался пролетариат, а крестьянство рассматривалось как способное на реакционные действия. В частности, Л. Троцкий предсказывал, что «мелкобуржуазный характер крестьянина» возьмет верх, и крестьянин пойдет против коллективизации, выступит сторонником частной собственности. В этом плане крестьянин позиционировался как потенциальный враг революции и пролетариата, готовый при любой возможности предать революцию.

Быть на стороне крестьянина, изображать его жизнь и быт, поэтизировать его труд для писателя было заранее проигрышно, это вызывало нападки критиков, видевших во многих произведениях новокрестьянских писателей лицо «классового врага»... Но для этой группы писателей было важно не коллективное, а неповторимое для личности именно индивидуально-человеческое, что и было свойственно крестьянству, и свои духовные и нравственные ценности эти творцы отставивали до смертного часа. Их творческое самоотождествление произрастало на крепкой нравственной основе главных христианских добродетелей — веры, надежды, любви и патриархальной культуры с её сформировавшейся системой нравственных и эстетических ценностей.

В поэтике христианская традиция у многих из них существовала с глубинным, языческим миротворчеством,

---

с обращением к широкому кругу высших сил. Святые угодники Божии соседствовали в их метафорическом мире с языческой нежитью, христианские мотивы плотью и духом, темой и образом впитали в себя пантеистическое приятие природы. В качестве примера можно вспомнить хлыстовство, иначе — христовство, оказавшее несомненное влияние на поэзию и формирование личности Николая Клюева; а также отголоски народного религиозного дуализма, ставшего важной частью поэтического менталитета Павла Васильева. Ведь для казаков сочетание христианства с язычеством было абсолютно естественным; а для казахов, воздействие уклада и образа мышления которых также испытывал на себе поэт, вообще свойственно языческое многобожие. Широта понимания божественного, с детства постигнутая Васильевым, нашла отражение и в его стихах, где демонические образы балансируют на фоне христианской тематики.

Писатели этой «крестьянской купницы» стали поистине национальным созидательным крылом русской литературы, призывая не отрываться от отеческой почвы, критикуя эпигонство западных идей и отрицание русских устоев и идеалов, выступая за народность в литературе и искусстве, открывая антизападный характер творчества русских классиков.

Но в 20-е годы прошлого века этот ценный для их нравственных истоков и поэтического мировосприятия патриархальный уклад стал рушиться, искореняться во всех его проявлениях. Начался кровавый террор против самого крестьянства и всего крестьянского во всех проявлениях жизни, в том числе — и в литературном процессе той неоднозначной эпохи. И новокрестьянские писатели восстали словом против уничтожения казачества как класса, раскулачивания и коллективизации крестьянства:

— *Что ж колхоз,
А в колхозе — толку?
Кони — кости и гиблый дых,
Посшибали лошажьих холки,
Скот сгубили, развязв их!*

*Разгнездились на провале:
Ты работай — а власть права,
Тот работал, а эти взяли,
Тож же, язви, хозяйева.*

---

*Мимо сена,
И с ходу в воду.
Нет копыт, не то чтобы грив.
Объявили колхоз народу,
А народ кругом супротив.*

(П. Васильев, поэма «Кулаки», 1929)

В силу обстоятельств это не всегда говорилось прямо, в лоб, но всегда читалось между строк, и даже в вынужденных агитках подчас таился осязаемый протест. И беда пришла в эту «крестьянскую купницу» неминуемо, безжалостно очернила и безвозвратно зачеркнула их жизни и на долгие годы скрыла их творчество от читателя...

Все новокрестьянские писатели были подлинными знатоками уникального мира национальной культуры, эрудитами в области русского слова, народных традиций и обычаев. Многие из них судьбою были связаны с народными сказителями и песенниками. Сам «песнослов» Николай Клюев в статье «Самоцветная кровь» (1919) отмечает: «Тайная культура народа, о которой на высоте своей учености и не подозревает наше так называемое образованное общество, не перестает излучаться и до сего часа».

Никогда фольклор, глубокое философское осмысление крестьянской жизни да и сама деревенская Русь не вливались такой могучей самобытной рекой в русскую литературу: Клюев становится выразителем старообрядческого языка Заонежья, Есенин — рязанских просторов, Клычков — тверского говора, Ширяевец — Поволжья, Васильев — степняков-казахов и прииртышского казачества. Родина для этих поэтов — мать-земля, родимая природа и русская изба со всем её глубинным бытием и бытом.

Акцентируясь на личности Павла Васильева, следует подчеркнуть, что поэт словно предвидел почти поголовное истребление казачества — этого православного воинства, верой и правдой служившего России. Он стремился увековечить его уклад и миропонимание. В те годы поэт стал одним из немногих, для кого основным содержанием поэзии стали неразрывное единство и кровная связь разных эпох, бескровное пусть не братание, но — сосуществование противоположных сторон классовой битвы. Павла Васильева можно назвать поэтом-первопроходцем, с одной стороны, сконцентрировавшим в своем творчестве опыт прежних поколений, с другой — сформулировавшим совсем новый опыт.

Книга «Крестьянские заступники», помимо целого ряда весомых достоинств, обладает очень важным — она побуж-

---

дает по-иному вчитаться в произведения многих писателей, по-новому осмыслить отражённые в них духовные, нравственные, философские, социальные, политические и этические аспекты общественного и национального сознания того периода XX века.

Книга примечательна своей неповторимой интонацией и сутью. Она возрождает интерес к людям земли. А все, кто тянутся к земле, — люди и настоящего, и будущего. Это извечная система ценностей, и прикосновение творчества к ней — великое таинство сопричастия. Это касается любого слова в защиту человека труда, человека земли, своими натруженными руками созидающего мир и будущее этого мира. Никакой генной модификацией не создашь эту душу человеческую, тяготеющую к родимой ниве, родному слову, к исконно русской национальной идее. Именно об этом и писали, за это боролись и трагически гибли все те, о которых помнит, рассказывает и каждой строкой земно кланяется книга «Крестьянские заступники». Хочется верить, что это произведение найдёт своего зоркого и преданного национальной русской литературе читателя-единомышленника. Ведь многое угасает — и память, и чувства. Но не гаснут великие строки Поэта, и будем верить, что негасимым светом будут светить рядом и строки о нём!